

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Голынец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- В. М. Амиров**,
канд. филол. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 4 (97)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 2006 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов

Члены редколлегии

Ю. Л. Аркан (Санкт-Петербург)

Д. Беннер (Берлин, Германия)

Н. А. Комлева

В. Г. Кузнецов (Москва)

Л. С. Лихачева

С. А. Лукьянов

А. В. Меренков

Е. Г. Трубина

Д. М. Федяев (Омск)

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина)

Е. С. Черепанова

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Ляшенко Д. Н.</i> Семантика и структурная онтология 5	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Никитин С. А.</i> Разделение труда и распределение знания 17	
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Васильев С. В.</i> Политический дискурс во внешней политике США 30	
ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Чернявский А. Д.</i> Рациональность в экономической теории 38	
<i>Толтегин А. В.</i> Понятие и классификация экономических систем в историческом ракурсе 48	
<i>Лукьянец М. А.</i> Теория инноваций, базисное нововведение в развитии науки, — основа для построения экономики современного общества ... 57	
ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Амельченко С. Н.</i> Гносеологический анализ модификаций сущего и должного в бытии культуры 64	
<i>Петров О. А., Пургин С. П.</i> К вопросу об определении классического в искусстве 78	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Емельянов Б. В.</i> «Эпоха в летописях человеческого разума». К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова 90	
<i>Коломиец Г. Г.</i> Особенности моделей онтологической, информационной и эмоциональной структур бессознательного в материалистической психиатрии Ж. Делёза и Ф. Гваттари 97	
<i>Керимов Т. Х.</i> Альтернативные концепции философии в современном мире 106	
КАФЕДРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Комлева Н. А.</i> Мировое господство: сущность и структура в современных условиях 117	
<i>Русакова О. Ф.</i> Кратологическая модель дискурса соблазна 135	
<i>Керимов А. А.</i> Современный парламентаризм: опыт типологизации 145	
<i>Чиркин В. В.</i> Военная мощь как инструмент внешней политики государства 153	
<i>Наронская А. Г.</i> Правящая элита России: становление и развитие 159	
<i>Мухаметов Р. С.</i> Белоруссия в системе внешнеполитических приоритетов России 165	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Шитиков М. М.</i> Энциклопедический словарь из провинции или провинциальная энциклопедия? 172	
Авторы номера 176	

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 111.1 + 81'37

Д. Н. Ляшенко

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРНАЯ ОНТОЛОГИЯ

В статье используется системно-структурный подход к анализу семантических проблем. На структурных основаниях различаются понятия интенционала и экстенционала. Переосмыслена существующая традиция понимания референции. Онтология сущностей Аристотеля интерпретируется как семантическая концепция, которая соответствует принципам структурной онтологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интенционал, экстенционал, структурная онтология.

Когда Аристотель вводил критерии, по которым отличаются первая сущность от других типов бытия, он вряд ли имел в виду, что к третьему сущему будут прибегать для описания объектов типа Санта-Клауса или Шерлока Холмса. Однако именно это происходит сегодня в семантических исследованиях. В современной, в основном «аналитической», мысли, несмотря на бурное развитие интенциональных логик, до сих пор встречается редукционизм, связанный с принципом экстенциональности (см., например, [3, 6, 18]). Положения, основанные на этом принципе, связаны с натурализацией семантики.

Данная статья посвящена выяснению того, какие объекты могут быть квалифицированы как аристотелевская первая сущность и в чем их отличие от объектов третьего сущего. Цель статьи заключается в выяснении структурно-онтологического статуса реальных и идеальных объектов как семиотических явлений.

Поскольку референт есть семиотическое понятие, сначала предложим рабочую модель знака. Условимся, что знак состоит из десигнатора (означающее), интенционала (мысль об объекте, смысл) и экстенционала (референт, объект мысли). Примем, что отношение между компонентами знака — это отношение моделирования [1, 144–192, 357–365]. Знак в целом — это модель какого-то

аспекта действительности, а всякая модель всегда система [14, 188]. Поэтому удобно представлять знак в виде системы. Существует большое количество способов представить знак в качестве системы, это зависит от выбора системного подхода и/или соответствующей теории систем. Чтобы не попасть в область действия принципа экстенциональности, в статье используется общая параметрическая теория систем (ОПТС) и ее интенциональный логический аппарат — язык тернарного описания (ЯТО) [13].

Одно из двойственных представлений системы схематично выглядит так: $([R(*m)])P$. Здесь символ P (**P**roperty) означает *атрибутивный концепт* системы — системообразующее свойство, тот смысл, в рамках которого некоторая вещь представляется в виде системы. Упомянутая вещь m (**m**aterial) — это *субстрат* системы, материал, «ткань» из которой «ткется» система в соответствии с какими-то отношениями R (**R**elation), которые являются *реляционной структурой* системы. Концепт, структура и субстрат системы — это системные дескрипторы, а представленная схема — так называемое дескрипторное представление системы с атрибутивным концептом.

В схеме использован синтаксис языка тернарного описания, который представляет собой аксиоматическое исчисление, используемое, помимо всего прочего, для целей ОПТС. Символ, стоящий справа от круглых скобок, обозначает свойство, в данном случае это концепт. Символ, стоящий слева от круглых скобок, означает отношение, здесь это структура системы. Символ, стоящий внутри круглых скобок, означает вещь, это субстрат системы. Звездочка «*» означает направление предикации, в данном случае от отношения к вещи. Если использовать не только синтаксис, но и семантику ЯТО, а именно понятия определенной вещи t , неопределенной вещи a и произвольной вещи A , то получим формулу дефиниенса определения системы с атрибутивным концептом — $([a(*A)])t$. На натуральном языке определение системы с атрибутивным концептом звучит следующим образом: произвольная вещь A является системой, когда на ней реализуются некоторые отношения a , обладающие заранее фиксированным (определенным) свойством t . В ОПТС формулируется принцип *дополнительности двойственных системных представлений*, в соответствии с которым определение системы с атрибутивным концептом дополняется дефиницией системы с реляционным концептом, и наоборот. Дефиниенс определения системы с реляционным концептом на ЯТО выглядит так: $t([(A*)a])$. Прочитать его можно таким образом: любая вещь представима в качестве системы, когда некоторые свойства этой вещи находятся в определенных отношениях.

Используем синтаксис ЯТО для экспликации знака как системы с атрибутивным концептом: $([a(*\text{Десигнатор, Экстенционал})])\text{Интенционал}$. Здесь реляционная структура a обозначает некоторые отношения, в которых находятся десигнатор и экстенционал, определяемые атрибутивным концептом (интенционалом), который можно выразить так: «быть моделью...», или «моделировать...» (направление моделирования меняется в зависимости от адресанта и адресата). Представление знака как системы с атрибутивным концептом дополняется *реляционным* представлением знака. Более подробно об указанной двойствен-

ной репрезентации знака в ОПТС см. [7] (следует также учесть, что в рамках ОПТС возможны и другие репрезентации знака, см., например, [11]).

Таким образом, интенционал в системном представлении знака, будучи концептом системы, функционирует как свойство или свойства¹. Используя элементы ЯТО, такое атрибутивное представление интенционала (*Ints*) можно выразить следующим образом: $(\iota A)Ints$, если $j\iota Aj[(a^*)A]$. На естественном языке это означает, что объект ιA является интенционалом (*Ints* от *intension*; это метаязыковой термин, а не термин ЯТО), когда этот объект тождествен объекту A , который является свойством какого-то объекта a . Здесь мы использовали два разных символа отождествления: йота-оператор « ι » и джей-оператор « j ». Йота-оператор возле символа произвольного объекта A фиксирует этот объект как тот же самый в рамках данной формулы. Разные объекты, тождественные в рамках одной формулы, различаются количеством йота-операторов. Джей-оператор отождествляет те части формулы, перед которыми он поставлен, друг с другом. С помощью квадратных скобок на ЯТО выражается эквивалент *понятия* («объект с такими-то свойствами, отношениями»). Отсутствие скобок или круглые скобки выражают на ЯТО эквивалент *суждения* («объект обладает такими-то свойствами, отношениями»).

В свою очередь, экстенционал, являясь частью субстрата системы, функционирует в данной системе как вещь (или вещи — ЯТО игнорирует количественную характеристику). Тот факт, что экстенционал — вещь, можно выразить следующим образом: $(\iota A)Ext$, если $j\iota Aj[(A)a]$. Это значит, что объект ιA является экстенционалом, когда он тождествен объекту A , который является вещью с какими-то свойствами.

Важно, что интенционал, экстенционал и десигнатор (*Ints*, *Ext*, *Des*) — минимальные компоненты знака как индивида. Без какого-либо из этих компонентов знак не будет существовать. Причем интенционал *Ints* не может играть роль экстенционала *Ext* в одном и том же контексте, в одном и том же смысле. То есть мы не можем записать формулу $(\iota A)\{Ints \cdot Ext\}$ или $\iota A\{j\iota Aj[(a^*)\iota A]\} \cdot \{j\iota Aj[(\iota A)a]\}$ в качестве истинной. Фигурные скобки {...} являются вспомогательным символом, с их помощью разграничиваются подформулы в формуле. Символ « $\cdot$ » здесь обозначает *связный список*: объекты, которые не просто перечисляются, а находятся в каком-либо отношении друг к другу, образуют связный список.

Когда какое-то свойство определяет отношения некоторых объектов, это свойство функционирует лишь как мысль об объекте (интенционал), но не как объект мысли (экстенционал). Вещь-экстенционал одного знака может стать вещью-интенционалом в другом знаке и наоборот, но это означает смену контекста и появление другого знака, отличного от первоначального. В изменившемся контексте та вещь, которая функционировала как интенционал в первом знаке, а затем стала объектом мысли в другом знаке, теперь исполняет роль экстенционала, но никак не одновременно функции и интенционала, и

¹ Однако атрибутивность не является достаточным условием для характеристики интенционала, так как есть атрибутивные экстенционалы (см. ниже).

экстенционала в одном и том же знаке. То есть термины «интенционал» и «экстенционал» функциональны по отношению к контексту и не являются натуральными понятиями. Более подробно о различении *структурности* и *натуральности* онтологии см. [19].

Именно «натурализация» семантических отношений является одной из причин того, что в современной семантике существует традиция смешивать интенционал и экстенционал знака (конечно же, смешение происходит не на уровне десигнаторов). К примеру, Барбара Холл Парти считает, что интенционалы существуют объективно, независимо от человеческой психики и одновременно выступают функциями от возможного мира, фиксирующими экстенционал знака [18, 316]. Ту же концепцию выражал в свое время Готлоб Фреге. Для него *мысль* — это нечто объективное, существующее в мире мыслей — в Третьем рейхе (вне человеческих «голов») [16]. И при этом, согласно Фреге, мысль определяет значение (экстенционал) знака, т. е. функционирует как интенционал [17]. Если взять современные работы по семантике [3], то и там ситуация аналогична описанной. Любые идеальные объекты называются интенционалами и т. д.

«Причина смешения в том, что, по сути, все, что необнаружимо в физическом пространстве, объявляется “идеальным” и называется интенционалом (десигнатом), то есть в этот класс идеальных вещей попадают объекты и третьего, и второго миров (по концепции трех миров Карла Поппера). Это достаточно распространенная позиция (в этой позиции основанием дефиниций и классификаций является материал, субстрат объектов)» [8, 90].

Если не считать подобную интерпретацию ошибочной, то не удастся непротиворечиво реализовать принцип *онтологической нейтральности*, который претендует поставить Санта-Клауса и Сократа на одни и те же теоретико-познавательные (соответственно на единые семантико-онтологические) основания [6, 56–73]. То есть в конце концов все разговоры об относительности референтов к знаковой системе, отсутствию «онтологических обязательств» будут заканчиваться утверждениями, основанием которых является вера в предзаданный мир, который отражается (фотографируется и т. д.) в нашем сознании.

Аналогом «аналитического» принципа онтологической нейтральности является принцип индифферентности (толерантности) к метафизическому выбору в ОПТС.

«Независимо от того, какова степень реальности вещи, определяя ее как вещь, как то, чему приписываются свойства или в чем устанавливаются отношения, вопрос об ее объективной либо субъективной реальности можно до некоторых пор — до той поры, когда придет пора предпринимать практические действия, вообще оставлять без ответа. Природа вещей, как уже отмечено, не предмет структурных исследований» [20, 110].

Семантика может опираться на принцип онтологической индифферентности. Фиксировать экстенционал знака не значит иметь физически локализованный объект. Знак существует, когда есть и интенционал, и экстенционал, и десигнатор. Вопреки существующей традиции не следует разводить предметное значение знака (экстенционал) и референт (денотат и т. п.) как внеязыко-

вой объект, существующий «на самом деле». Экстенционал является синонимом референта, а интенционал — способ референции. В таком случае термин «экстенционал» понимается в самом широком смысле. Когда мы фиксируем какую-либо знаковую систему, то она обязательно имеет свое референтное поле, и природа объектов этого «поля» не имеет значения для собственно семантики. Мы можем построить языковую игру по типу невозможных возможных миров, тогда референты будут существовать в конвенциональных интересубъективных универсумах, доступных лишь тем, кто «строил» эти универсумы. В таком случае знаковая система порождает свою «онтологию», конституирующуюся по типу структурной онтологии (натурально-метафизически нейтральной), референты которой определяются функционально, без ссылок на природу существей.

Например, мы можем задать «язык», в котором есть термины только для отношений и свойств, а не для вещей, что породит соответствующую картину мира — «без вещей». То есть сами понятия вещи, свойства или отношения возникают в той или иной знаковой системе (в первую очередь в естественном языке), и мы членим наш опыт сообразно *структуре* данной знаковой системы. Если говорить о физически локализованных объектах, то это лишь один из множества возможных типов языковых игр. «Физические объекты» биологии могут оказаться имеющими мало общего с «физическими объектами» физики, а математика и логика работают с объектами совершенно иного рода, это если касаться природы референтных универсумов (разговор о которых тоже может предполагать свое референтное поле).

Чтобы локализовать какой-либо объект, будь то мысль или физическое явление, необходимо, чтобы ему предшествовал тот или иной тип знаковой системы со своими знаками, правилами и т. д. Эта ситуация требует разграничения «внешних и внутренних вопросов» знаковой системы [5]. То есть вопросов прагматики принятия какого-либо языкового каркаса со своим референтным универсумом и вопросов, которые конденсировались в популярную формулировку «существовать — это быть элементом системы» («быть значением связанной переменной»). Причем разделение на внешние и внутренние вопросы должно быть не натуральным, а структурным. Валидность знака (соответственно существование или не-существование референта) должна подтверждаться внутренними вопросами знаковой системы. И даже если валидность опирается на знаковую систему, внешнюю по отношению к данной системе, то все равно безотносительно к трансцендентальному миру «истинного положения вещей». В логике предикатов это означает квантификацию переменных (связывание их кванторами существования или всеобщности), что позволяет производить проверку на истинность или ложность внутри данной знаковой системы.

С этим связаны принцип онтологической относительности Уилларда Куайна и критика последним концепции языковых каркасов Рудольфа Карнапа за непоследовательное проведение принципа онтологической нейтральности. Карнап, несмотря на его, по сути, релятивистскую концепцию языковых каркасов, не избавился от влияния логического атомизма Бертрانا Рассела, для которого

пределом действительного являются данные органов чувств. Хотя и сам Куайн *трансцендентальным* основанием знаковых систем полагал физические реалии (например, субатомные состояния) [23, 1–23], что с трудом согласуется с положением онтологической относительности. Предполагается, что если вы не верите в объективно предзаданный мир, который отражается в сознании, то вы лишены возможности действовать эффективно и не можете предсказывать события. Проблема возможности эффективной познавательной деятельности без опоры на понятие объективного положения вещей решается с помощью анализа *структуры* этой деятельности. Вот что говорит аргентинский биолог и философ Умберто Матурана о такой важной составляющей эффективной научной деятельности, как проблема детерминизма и предсказуемости: «Предсказание — это исчисление внутри системы некоторой области исследования (модель), которое считается изоморфным системе другой области, где будет иметь место наблюдение за предсказываемым событием... И наконец, предсказуемость не является доказательством объективности (натуральности. — Д. Л.), она лишь говорит об изоморфизме между относительными структурами двух областей познания (семантик знаковых систем. — Д. Л.)» [22, 46].

Таким образом, смешение функций интенционалов и экстенционалов в первую очередь связано с «натуральностью» семантических построений. Но есть еще несколько второстепенных причин. В частности, имеет место некритическая репродукция заблуждения из поколения в поколение благодаря заучиванию исходных научных терминов и отношений между ними. Эту причину можно пока оставить без анализа. В конце концов, затруднительно стать членом научного сообщества, если все с ходу подвергать сомнению. Частично наука держится и развивается на парадигмальных традициях. Но в любом случае это положение дел является не корнем проблемы, а лишь следствием.

Еще одной причиной, способствующей сохранению и воспроизводству традиции терминологической (а как следствие, сущностной) путаницы является отождествление интенциональности и интенциональности. Как справедливо замечает Джон Сёрль, интенциональность — это качество нашего сознания, тогда как интенциональность — свойства десигнаторов в неэкстенциональных контекстах [24, 18–19].

Известно, что термин «интенциональность» был взят Францем Brentano у схоластов и по-своему им интерпретирован. Согласно Brentano [2] мир состоит из физических и психических явлений, однако физические явления непосредственно нам не доступны, они подают нам лишь знаки вещей. С *очевидностью* нам доступны лишь психические феномены. Эти, последние, на дологическом уровне *представлений* обладают свойством интенциональности (направленности на объект). О том, существует ли *интенциональный объект* реально, ничего сказать нельзя (по крайней мере на уровне *представлений*). Это возможно лишь на аналитическом уровне *суждений* (собственно на уровне логической инстанции). Позже Гуссерль примет эти положения в качестве исходной точки феноменологии. Переходя от естественной установки к феноменологической, мы обнаруживаем, что ноэзис (процесс познания) конститутивен по отношению к ноэме (интенциональному объекту). То есть сознание

направлено на интенциональный объект, а какова природа этого объекта, неизвестно. Это может быть физический объект, объект воображения, сна и т. д. Но в любом случае это именно объект мысли, а не мысль об объекте.

Переводя эту мысль на язык семиотики, получаем, что интенциональный объект тождествен экстенсионалу, а не интенсионалу. Видимо, онтологическая индифферентность интенциональных объектов (которые часто оказываются круглыми квадратами, Пегасами и тому подобной «нечистью») иногда приводит к неправомерному отождествлению их с интенционалами. Иногда, впрочем, это делается вполне осознанно [10, 23], что также неправомерно, если принять излагаемую в данной статье точку зрения на функции этих понятий. Но, конечно же, корни проблемы лишь на поверхности связаны со схожестью десигнаторов *intention* и *intension*, они уходят еще глубже, в традицию семантико-онтологических штудий.

Любопытны в этой связи представления схоластов о так называемых *первичной* и *вторичной интенциях*. Первичная интенция означает физические объекты, вторичная — либо ментальный термин, обозначающий понятия разного уровня общности, либо реально существующие идеи (об *интенциях* см., например, [9, 3–67]). Ясно, что природа вторичной интенции зависит от метафизических предпосылок. Но, согласно системно-структурному подходу, это не имеет решающего значения, поскольку независимо от принимаемой метафизики вторичные интенции исполняют свои функции — функции интенционалов десигнаторов. Первичная интенция — экстенсионал (правда, экстенсионал лишь «физической» языковой игры). С другой стороны, некоторые объекты вторичной интенции в представлении схоластов, с нашей точки зрения, являются экстенсионалами. Очевидно, что и такие изошренные логики, как Оккам, например, не доводили анализ различения мысли об объекте от объекта мысли до логического завершения.

Уже гораздо ближе к нашему времени в замечательной статье [12] Владимир Смирнов проводит очень важное разграничение идеальных объектов (по сути, экстенционалов) и понятий (интенционалов). Разницу между ними он иллюстрирует следующим образом. Складывание двух чисел, 1 и 4, как идеальных объектов приводит к сумме этих чисел, равной числу 5. Однако работа с этими числами как с понятиями (интенционалами) приводит лишь к логическому объединению указанных чисел, что формирует новое понятие, но никак не идеальный объект, — число 5 [Там же, 347]. Под влиянием семантических концепций, смешивающих идеальные объекты с интенционалами на основании «идеальности», указанные различия в обращении с идеальными объектами и интенционалами приводят либо к противоречивым утверждениям (причем независимо от номиналистских или реалистских метафизических позиций), либо, возможно, к каким-то сложным системам «эпициклов», вводимых для преодоления или затушевывания противоречий. В нашей же интерпретации интенционала как «мысли об объекте» и экстенционала как «объекта мысли» противоречий (по крайней мере, по вопросам референции) возникнуть не может.

Таким образом, даже обращение к интерпретации интенционала и экстенционала изошренными схоластами не приносит требуемого результата. Если

в семантических исследованиях опираться на «плечи схоластов», то результат будет тот же, что и с опорой на большую часть современной аналитической философии, — невозможность однозначной реализации принципа онтологической нейтральности.

В этом ключе рассмотрим учение Аристотеля, в частности, его концепцию объектов референции, которая запечатлена в анализе категории сущности. Будем использовать интерпретацию учения Аристотеля Авениром Уемовым [15].

Аристотель говорит о первых и вторых сущностях. Первые сущности — это единичные объекты, индивиды, вторые — роды, виды. Первые сущности определены, им ничего не противоположно. Сократу ничего не противоположно (у него отсутствует степень «бытия первой сущностью»). Вторые сущности могут быть линейными по своим качествам. Определяющими признаками сущностей являются «находиться в подлежащем» или нет и «сказываться о подлежащем» или нет. Первые сущности не находятся в подлежащем и не сказываются ни о чем (правда, Уемов добавляет, что первые сущности сказываются о себе: «Сократ есть Сократ»). Вторые сущности не находятся в подлежащем, но сказываются о чем-либо: «Сократ есть человек». Помимо первых и вторых сущностей Аристотель говорит о том, что можно дифференцировать третье и четвертое сущее. Это то, что находится в подлежащем: белизна, красота, числа, скорость, масса и т. д. Причем третье сущее не сказывается ни о чем (кроме самого себя) — например, «белизна Сократа», $\sqrt{-1}$, а четвертое сущее сказывается о чем-то: «красота», «число», «(A)A» и т. д. Для удобства Уемов строит следующую таблицу:

Сущности	Находиться в подлежащем	Сказываться о подлежащем
Первая сущность	Не находится	Не сказывается ни о чем, кроме самой себя
Вторая сущность	Не находится	Сказывается
Третья сущность (сущее)	Находится	Не сказывается ни о чем, кроме самой себя
Четвертая сущность (сущее)	Находится	Сказывается

Также Уемов предлагает формальные модели сущностей. Для этого определяются понятия нахождения в подлежащем (или нет) и сказывания о подлежащем (или нет). Для первого вводятся термины «интернат» и «интернал». Интернат характеризует объект как существующий отдельно, не в подлежащем (как индивид, хотя бы как часть чего-то): это произвольная вещь, обладающая какими-то свойствами $[(A)a]$. Интернал — это свойство объекта, существующее в подлежащем.

$$(\iota A)\text{Интернал}[(\iota a)a] =_{df} (\iota A)\{j[(\iota a)a]j\{[(a^*)\iota A] \bullet [(a^*)a]\}\}$$

«Формула $[(\iota a)a]$ показывает, что речь идет об интернале именно вещи. В дефиниенсе говорится о том, что эта вещь тождественна связанному списку свойства ιA и еще какого-то свойства a » [Там же, 64].

$$(\iota A)\text{Интернат }[(\iota a)a] =_{df} (\iota A)\{j[(\iota a)a]j\{[(\iota A)a] \bullet [(a)a]\}\}$$

«В отличие от формулы... (интернала. — Д. Л.) интернат (ιA) представлен не как свойство, а как вещь, наделенная каким-то свойством: $[(\iota A)a]$. Вместе с какой-то другой вещью, выраженной как $[(a)a]$, она даст нам нечто, с чем отождествляется анализируемый объект $[(\iota a)a]$ » [Там же].

Далее формализуется сказываемость о подлежащем и о самом себе:

$$(\iota A)\text{Сказываться о подлежащем } \iota a =_{df} (\iota a^*)\iota A$$

$$(\iota A)\text{Сказывается только о самом себе} =_{df} (\iota A)\{(\iota a^*)\iota A \rightarrow j\iota A j \iota a\}$$

Символ «>» — это символ нейтральной импликации. В ЯТО действуют несколько видов импликаций (атрибутивная, реляционная, мереологическая, нейтральная). Нейтральная импликация подразумевает, что она обладает свойствами, общими для атрибутивной, мереологической и реляционной импликаций, и читается как «Если есть... то есть и...».

Дальше можно получить четыре формальные модели сущностей Аристотеля. Нам достаточны модели первой и третьей сущностей [15, 67–68].

$$\begin{aligned} (\iota A)\text{Первая сущность} &=_{df} \\ &=_{df} (\iota A)\{j[(a)a]j\{[(a^*)\iota A] \bullet [(a^*)a]\}N\} \bullet \{((\iota a^*)\iota A \rightarrow j\iota A j \iota a)S\} \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} (\iota A)\text{Третий тип сущего} &=_{df} \\ &=_{df} (\iota A)\{j[(a)a]j\{[(a^*)\iota A] \bullet [(a^*)a]\}S\} \bullet \{((\iota a^*)\iota A \rightarrow j\iota A j \iota a)S\} \end{aligned}$$

Символы «S» и «N» означают утверждение и отрицание соответственно. В дефиниенсе формулы первой сущности мы отрицаем нахождение в подлежащем (отрицаем интернальность первой сущности) и утверждаем, что первая сущность сказывается о самой себе. В дефиниенсе формулы третьего сущего мы утверждаем его интернальность и утверждаем сказывание только о себе.

Очевидно, что первая сущность, так же как и третья, — это экстенционалы (объекты мысли). То есть они *сказываются только о самих себе*, это «точные объекты», индивиды. Но при этом третье сущее интернально (находится в подлежащем). Вторая и четвертая сущности в основном соответствуют нашим интенционалам. Так образуются две пары интенционалов и экстенционалов, с помощью которых можно анализировать объекты референции без ссылки на их природу. Здесь выражен критический для понимания момент, ведь в начале статьи интенционал эксплицировался как свойство объекта, а теперь данное качество приписано и экстенционалу как третьему сущему. И хотя атрибутивный концепт системы — это не какое-нибудь «рядовое свойство», тем не менее при дифференциации интернат-экстенционалов (первая сущность) от интернат-экстенционалов (третье сущее) и соответствующих интенционалов семантико-онтологический анализ становится гораздо более изощренным, чем при использовании одной, необходимой, но не достаточной характеристики интенционала.

Третье сущее играет роль объектов, существующих лишь в качестве субстантивации определенных абстрактных качеств: белизна Сократа, красота *этой*

девушки и т. д. Очевидно, что в категорию третьего сущего не может попасть Пегас или Шерлок Холмс. Они совершенно определенно относятся к первой сущности (понятой в терминах структурной онтологии). Бытие Шерлока Холмса не является интернальным. Не более чем бытие Сократа. Если кто-нибудь скажет, что цикл рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе — это и есть его подлежащее, то нам придется заключить, что, например, диалоги Платона — это подлежащее для Сократа. Если Шерлок Холмс — третье сущее, т. е., кратко говоря, определенное свойство какого-то объекта $[(a^*)t]$, то верным будет такое предложение $t \rightarrow [(a^*)t]$: «Шерлок Холмс — это свойство рассказов Конан Дойля». Что нам тогда запрещает говорить таким образом: «Сократ — это свойство диалогов Платона»? Очевидно, что так можно говорить лишь в условном смысле, в виде исключения из грамматических правил. А далее мы можем заключить, что исторические хроники (и т. д.) — это подлежащее для Наполеона или Ленина, физико-химические условия на третьей планете от звезды в Солнечной системе — это подлежащее для существования нас с вами. Так можно зайти далеко. Когда некий человек не будет непосредственно воздействовать на ваши органы чувств (выйдя за дверь), бытие его будет бытием третьего сущего в подлежащем вашей памяти. Если довести до логического конца нахождение в подлежащем по типу натуральной онтологии, то единственным не существующим в подлежащем будет Абсолют...

На основании вышесказанного представим еще одну схему.

Первая сущность — это определенная (t) вещь-субъект, которая *мыслится* (воображается) как вещь, имеющая пространственные границы: Сократ, Санта-Клаус, Ленин, Шерлок Холмс, t -дерево, t -русалка etc.

Вторая сущность — это неопределенная (a) вещь-предикат, с помощью которой мыслят о первых сущностях.

Третье сущее — это определенная (t) вещь-субъект, которая принципиально не-телесна (невозможна как телесная): t -любовь, $\sqrt{-1}$, « t -умение читать», « t -красота», t -круглый квадрат etc.

Четвертое сущее — это неопределенная (a) вещь-предикат, которая принципиально не-телесна.

«Пространственность», «телесность» здесь понимаются не как натуральные понятия, а как *структурная* часть, в остальном вполне натуральной, деятельности человеческой когнитивной системы [21, 3–129], работающей по принципу *неизвестное через известное*, или $!a \rightarrow !aj[(a)t]$.

Очевидно, что Шерлок Холмс не находится ни в каком подлежащем. Шерлок Холмс не интернал-экстенционал, а интернат-экстенционал рассказов о нем. Это индивид, обладающий свойствами, а не определенные свойства какой-либо вещи, ему ничего не противоположно и т. д. Для структурной онтологии здесь нет ничего странного, так как мы должны иметь возможность анализировать однотипные объекты независимо от их натурального существования. Ведь если завтра окажется, что Наполеон всего лишь литературный персонаж (что не так далеко от истины уже сегодня), то данное обстоятельство не изменит того факта, что Наполеон — определенный объект, наделенный свойствами $[(t)a]$, пусть и вымышленными, а не определенные свойства каких-то объектов $[(a^*)t]$.

Философам, которые исследуют проблему типов бытия, следует задать себе вопрос, готовы ли они отдать права на учение о бытии во всецелую власть историков.

Теперь можно сделать общий вывод, что проблема смешения интенционалов и экстенционалов — это результат, во-первых, отсутствия дифференциации интернал-экстенционалов и интернат-экстенционалов; во-вторых — отождествления интернал-экстенционалов с собственно интенционалами. Такое положение вещей связано с одной, уже не раз упомянутой причиной — фундированием семантики натуральной онтологией, а точнее трансцендентально-натуральной онтологией, т. е. проблемой природы объекта «на самом деле».

Аристотель не придавал своей классификации типов бытия натурального характера. Это позволяет использовать его модель (в интерпретации Умова) для семантических исследований, использующих принципы структурной онтологии. Этого невозможно достичь, используя мы семиотику схоластов или современную аналитическую философию. Однако следует помнить, что предлагаемая модель не позволяет сделать однозначный вывод о существовании объектов «на самом деле».

Семиотика (семантика) не имеет критериев для натурально-онтологического различения, так же дело обстоит и с логикой. «...Логиков не должен беспокоить вопрос о том, существуют ли на нашей или другой планете летающие очень низко крокодилы. Они озабочены другим, а именно: логические конструкции с квантором существования не должны быть противоречивыми» [4, 191].

Это означает, что, приняв область существования экстенционалов, которые являются сказочными персонажами, мы можем получать истинные высказывания по отношению к данной области («Пегас быстро летает»). Главное, чтобы не было противоречия исходным принятым положениям («Пегас — это не Пегас, но при этом он, конечно же, Пегас»).

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Существующая традиция отождествления интенционалов и экстенционалов на «натуральных» основаниях мешает реализации принципа онтологической индифферентности (нейтральности). Анализ учения Аристотеля о сущности, в рамках ОПТС и ЯТО, позволяет понять, что мысли об объектах (интенционалы) и объекты мысли (экстенционалы) относятся к разным типам бытия, а также, что существуют разные типы экстенционалов и интенционалов. Структурные науки (семиотика, логика, математика и т. д.) не имеют критериев для отличия вымысла от реальности.

---

1. Барулин А. Н. Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М., 2002.

2. Брентано Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Избр. работы / пер. с нем. В. Анашвили. М., 1996.

3. Возможные миры: семантика, онтология, метафизика / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М., 2011.

4. *Жоль К. К.* Логика в лицах и символах. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
5. *Карнап Р.* Эмпиризм, семантика и онтология // Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике : пер. с англ. 2-е изд. М., 2007.
6. *Лебедев М. В., Черняк А. З.* Онтологические проблемы референции. М., 2001.
7. *Ляшенко Д. Н.* Определение понятия «знак» как проблема понимания // Перспективы. 2011. № 1.
8. *Ляшенко Д. Н.* Семиотика, гносеология и системный подход: проблема знака // Наукове пізнання: методологія та технологія. 2009. № 2.
9. *Оккам У.* Избранное : пер. с лат. 2-е изд. М., 2010.
10. *Петров В. В.* Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977.
11. *Райхерт К. В.* Фердинанд де Соссюр и параметрическая общая теория систем: Знак и система // Перспективы. 2009. № 1.
12. *Смирнов В. А.* О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р. Карнапа) // Логико-философские труды В. А. Смирнова. М., 2010.
13. *Уемов А. И.* О логико-математическом аппарате общей теории систем // Актуальные проблемы логики и методологии науки. Киев, 1980.
14. *Уемов А. И., Плесский Б. В.* Реальность, относительность и атрибутивность системных моделей действительности // Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983.
15. *Уемов А. И., Терентьева Л. Н.* Лекции и задачи по метафизике : в 2 ч. Одесса, 2009.
16. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Логика и логическая семантика : сб. тр. / пер. с нем. М., 2000.
17. *Фреге Г.* О смысле и значении // Там же.
18. *Холл Парти Б.* Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика : ант. / ред., сост. Ю. С. Степанов. М., 2001.
19. *Цофнас А. Ю.* Структурная и натуральная онтология // Вестн. ОНУ. Вып. 13. Одесса, 2007.
20. *Цофнас А. Ю.* Теория систем и теория познания. Одесса, 1999.
21. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. N. Y., 1999.
22. *Maturana H.* Cognition // Wahrnehmung und Kommunikation. Frankfurt, 1978.
23. *Quine W.* Theories and Things. Cambridge, Harvard, 1982
24. *Searle J.* The construction of social reality. L., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 330.341.44 + 331.103.1 + 316.4

С. А. Никитин

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАНИЯ

Статья посвящена сравнению двух классических теорий разделения труда, предложенных А. Смитом и А. Фергюсоном. Предметом исследования становится зависимость складывающегося вследствие разделения труда стихийного порядка от объема знания, которым располагают агенты социального взаимодействия. Цель статьи – продемонстрировать рождение концепции стихийного порядка, учитывающей сложное переплетение интересов и страстей. Статья завершается указанием на подобие между стихийным порядком и языком.

К л ю ч е в ы е с л о в а: разделение труда, распределение знания, стиль жизни, страсть, интерес, «невидимая рука», стихийный порядок.

После того как во второй половине XVIII в. были открыты новые и многообещающие измерения теории разделения труда, она на протяжении всего следующего столетия служила социальным теоретикам неизменно надежным основанием таких постулируемых ими этапов социальной эволюции, как военные и промышленные общества, община и общество, механическая и органическая солидарность. С опорой на все ту же теорию успешно создавались и самые странные прогнозы будущего развития человечества, и самые влиятельные схемы социальной стратификации. К нашему времени эти различия, прогнозы и схемы заняли в учебниках социологии и социальной философии место, поистине сравнимое с местом элементарных теорем в учебнике геометрии. Сама же теория разделения труда обсуждается редко — то ли потому, что она лежит где-то слишком глубоко, в фундаменте здания социальной теории, то ли оттого, что она принимает более общую, абстрактную, но и более удачную форму, превращаясь в теории производства социальных различий и социальных структур.

Теория распределения знания в обществе сложилась в начале минувшего века. К тому времени всем, кто желал слышать, было ясно, что мышление зависит от социальной стратификации, порожденной, в свою очередь, разделением труда или, иными словами, профессиональной специализацией и имущественным расслоением. Волшебная сила абстракции способна и социальное пространство превратить в относительно легко читаемую карту. Между тем знание, которым располагают члены общества, просто невозможно вообразить столь же хорошо упорядоченным. Реальность, в которую вовлечены люди, в которой от них требуется постоянное внимание и в которой они обзаваются повседневным знанием общества, не слишком-то похожа на разработанные теоретиками схемы социальной стратификации. Отличающий ее внешний беспорядок выражает особого рода упорядоченность, не зависящую от проектов переустройства общества или сохранения и усовершенствования общественного порядка. Фридрих Август фон Хайек предложил называть такой эндогенный, или складывающийся вне зависимости от внешних сил, порядок стихийным. Формой проявления такого порядка становится «соответствие намерений и ожиданий, определяющее действия разных индивидов в общественной жизни» [9, 54].

В отличие от научного знания, редуцируемого порой к относительно простым классификационным схемам, необходимое для выживания в обществе знание классифицировать трудно. Ему трудно приписать единство предмета или метода, поскольку оно не соответствует «законам мышления» и не объединено общим стремлением, но, напротив, рассеяно повсюду и нигде. Оно прямо-таки предназначено для субъективной интерпретации и потому, характеризуя социальное функционирование знания, Фриц Махлуп пишет: «Объективное истолкование того, *что* познано, менее удовлетворительно, нежели субъективное толкование в зависимости от значения, которое познавший придает познанному, иначе говоря, в зависимости от того, *кто* знает, *почему* и *для чего*» [2, 50]. Такое знание нужно для того, чтобы, пытаясь определить по доступным нам частям значение целого, оценить обстоятельства времени и места. Как писал Хайек, «знание обстоятельств, которыми мы должны пользоваться, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречивых знаний, которыми обладают все отдельные индивиды» [8, 94]. Поскольку степень сложности стихийного порядка «не ограничена тем, что способен контролировать ум отдельного человека» [9, 56], для использования всех необходимых для выживания знаний необходима кооперация действий включенных в этот порядок индивидов.

С общим и приблизительным утверждением о том, что общественное разделение труда воздействует на распределение знания в обществе, по-видимому, можно согласиться. Описание того, как именно осуществляется такое воздействие, представляет собой гораздо более сложную задачу. Несмотря на принятые в прошлом более или менее удачные попытки объяснить и классифицировать неявное знание, исследование распределения знания в обществе и сегодня остается незавершенным. В представляемой вниманию публики статье я предполагаю рассмотреть взаимную связь между общественным разделением

труда и распределением знания об обществе, обратившись к одному из ключевых моментов истории учения о разделении труда. Мнимая «наивность» классических теорий позволяет лучше различить вполне современный образец соотношения действия и знания.

Теории общественного разделения труда известны по меньшей мере со времен Античности, но на протяжении большей части интеллектуальной истории человечества они оставались статическими, более или менее подробно описывая сложившуюся в рамках того или иного общества специализацию. Авторам шотландского Просвещения принято приписывать создание динамической теории разделения труда, т. е. превращение скрупулезного описания всего разнообразия человеческих занятий в теорию производства социальных различий. С тех самых пор самое серьезное воздействие на рассуждения о создании и воссоздании социальности оказывают теории разделения труда, предложенные Адамом Фергюсоном и Адамом Смитом. Хотя две эти теории связаны между собой общими предшественниками и общими условиями возникновения, хотя авторы их были знакомы и каждый из них имел некоторое представление о теориях другого, сегодня принято считать, что в данном случае «сходство позиций поверхностное» [3, 154]. Между тем сходства и различия теорий, совпадения и несовпадения мнений двух теоретиков во многом ответственны за последовавшее разнообразие теоретических обобщений и идеологических допущений.

Понимание того, что разделение труда вызывает рост общественного благосостояния, в эпоху промышленного переворота доступно многим проникательным наблюдателям, каковым, несомненно, был Френсис Хатчесон, предшественник Фергюсона и учитель Смита, писавший о разделении труда в «*Philosophiae moralis*» (1742): «Общий интерес всех постоянно требует связи между услугами и совместного труда многих: и по мере численного роста человечества все необходимые вещи и все преимущества гораздо полнее будут предоставлены всем, при том условии, что каждый выберет себе ремесло, и, с практикой приобретая умение выполнять его, обеспечит себе таким способом настолько великое множество тех благ, которые производит его ремесло, что будет обменивать их, торгуя, на блага, таким же образом производимые другими ремесленниками, а не в том случае, когда каждый, напротив, будет заниматься всеми необходимыми ремеслами и не станет мастером ни в одном из них» [13, 145]. Исходя из подобных же представлений о разделении труда, и Фергюсон, и Смит признают зависимость между разделением труда и развитием общества. Фергюсон в «Опыте истории гражданского общества» (1767) указывает на разделение труда как на причину совершенствования умения жить и выживать в обществе. «Очевидно, что ни сознание необходимости, ни стремление к удобствам, ни благоприятная ситуация... не дают особого прогресса в искусстве выживания, если отсутствует разделение труда и специализация людей на выполнение отдельных задач, требующих особых умений и особого внимания к себе» [7, 263]. Создавая свой вариант экономической философии в книге «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776), Смит также связывает возрастание общественного богатства с разделением труда, как следствие

с причиной. «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда» [5, 69]. Знаменитое сравнение одинокого булавочных дел мастера с булавочной фабрикой призвано показать, насколько разделение труда как таковое (а не технический или научный прогресс) способствует росту производительности труда. Вследствие разделения труда каждый рабочий становится специалистом в своей области, лучше любого другого исполняя доверенную ему операцию; теперь и он способен открывать «более легкие и быстрые способы выполнения своей специальной работы» [Там же, 73]. Различие, обоснованное одним и тем же отношением к перспективам, которые открывает разделение труда, можно было бы назвать количественным, заявив, что Смит уделяет гораздо больше, чем Фергюсон, внимания положительным следствиям разделения труда, и наоборот.

Фергюсона больше интересует причинно-следственная связь между разделением труда и общественным неравенством. Человек, рожденный изобретать, повсюду занимается однообразным и далеким от какого бы то ни было творчества трудом, и эту несообразность следует как-то объяснить. «Слишком часто оказывается, что повседневным действиям изобретателя и творца присуща роковая машинальность. Так, военный или государственный служащий, вслед за служащим торгового предприятия, действуют, не имея ни малейшего представления об общей цели, к которой стремится социальное целое. Они подобны частям единого механизма, которые, сами того не сознавая, служат определенной цели: оставаясь в таком же неведении относительно общей задачи, что и торговец, с которым они взаимодействуют, они совместными усилиями обеспечивают государство всеми необходимыми ресурсами, услугами и мощью» [7, 265]. Человек, не сознающий общую задачу, лишается и высших человеческих свойств, а его тело превращается в недоразвитую подставку для одного чрезмерно развитого органа. «Есть много умений, для обладания которыми не требуется вовсе никаких способностей; лучше всего они удаются при полном подавлении чувств и разума; невежество приходится матерью трудолюбию — так же, как и суеверию. Размышление и фантазия могут привести к заблуждению; навык же двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Соответственно наибольшего процветания производители достигают там, где производство требует минимального участия ума и где не требуется большого воображения, чтобы представить себе мастерскую в виде машины, а людей — в виде ее частей» [Там же, 265–266]. Невежественные души, недоразвитые и изуродованные тела — вот неизбежные последствия разделения труда. В ходе процесса опустошения души и тела то, что отбирается у одного, переходит к другому, от приказчика — к купцу, от солдата — к генералу, от гражданина — к политику, и «даже в промышленности, в то время как простой рабочий остается опустошенным, гений хозяина получает, пожалуй, дальнейшее развитие» [Там же, 266]. Специализация превращает общество в машину, людей — в детали этой машины, а неизбежная в этом случае кооперация становится обычным процессом сборки социального механизма.

В теории Фергюсона наблюдения над отрицательными последствиями разделения труда уравниваются иными наблюдениями, связывающими Фергюсона с теориями социального пространства. Фергюсон устанавливает взаимосвязь между двумя самостоятельными следствиями разделения труда: специализацией и имущественным расслоением, которые связаны особыми системами ценностей и особыми манерами, формирующимися в ходе профессиональной деятельности. «Каждая профессия обладает собственными предметами гордости и собственной системой манер» [7, 274]. От этих манер зависит иерархия профессий, среди которых встречаются те, что открывают возможность фантазировать на досуге, и те, что такой возможности не предоставляют. Профессии делятся на свободные и механические, присущие свободному человеку и подобающие лишь рабу. «Одни занятия относятся к разряду свободных, другие — к разряду механических. И, независимо от того, на чем мы реально строим свои предпочтения, несомненно, есть смысл выстраивать иерархию значимости профессий, исходя из того влияния, которое их образ жизни оказывает на развитие духовных сил или на сохранение чувств сердца» [Там же, 268]. Люди приписывают разным профессиям «низость или достоинство», поскольку одни профессии калечат, а другие способствуют сохранению и развитию высших человеческих способностей. Хотя профессии, связанные с накоплением знаний, и не ставят людей, ими владеющих, вровень с людьми высокого положения, они способны приблизить их к тем, кто наслаждается властью или богатством. «Профессии, требующие накопления знаний и учебы, упражнения в фантазии и любви к совершенствованию; профессии, приносящие и оvationи, и прибыль, ставят владеющих ими на более высокую ступень, приближая к людям наиболее высокого положения» [Там же, 269]. Профессиональное и имущественное расслоения общества, представляющие собой разные измерения социального пространства, в конечном итоге близки; и, зная об этом, «возвышенность чувств и свободу духа мы ищем в тех слоях общества, которые в силу своего социального и имущественного положения избавлены от низменных забот и интересов» [Там же, 270]. Подобным же образом избавлены от этих забот и представители тех профессий, что теснее всего связаны с фантазией и знанием. Так они оказываются людьми одного и того же круга, а связь между имущественным расслоением и профессиональной специализацией обнаруживается в том, что представителей самых достойных профессий объединяют с людьми высокого положения предметы гордости, манеры и образ жизни.

Хотя Смит признает, что разделение труда вызывает, помимо всего прочего, отрицательные следствия, их описанию уделено немного места, причем преимущественно они упоминаются в ходе рассмотрения роли государства в экономике. Комментаторы привычно отмечают исключительный оптимизм, присущий теории разделения труда Смита. Закономерными следствиями этого процесса становятся счастье в жизни индивидов и равновесные отношения между экономическими классами. Как выразился Карл Полаanyi, «мышление Смита пронизано глубоким оптимизмом, ибо законы, коим подвластна экономическая часть мира... пребывают в полном согласии с предназначением человека» [4, 128]. Разделение труда приводит к всеобщему благосостоянию, улучшая

положение не только имущих, но и неимущих. «Получающееся в результате разделения труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к тому всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на низшие слои народа» [5, 74]. Разделение труда выгодно всем, а общественное богатство нации — сокровищница, из которой черпает каждый. «Среди людей самые несходные дарования полезны одно другому; различные их продукты благодаря склонности к торгу и обмену собираются как бы в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается» [Там же, 78–79]. Не одни лишь предметы роскоши, но и самые обыкновенные предметы, без которых не в состоянии обойтись простой рабочий, создаются усилиями многих людей, разделенных и объединенных разделением труда.

Теории разделения труда Фергюсона и Смита стремятся к достижению одной и той же цели, поскольку оба автора заинтересованы в том, чтобы объяснить, как процесс созидания социальных различий приводит к появлению общественного порядка. Вместе с тем Фергюсон и Смит по-разному определяют причины разделения труда. Фергюсон полагает, что разделение труда вызывается природными условиями. Специализация — источник прогресса, но специализация появляется вследствие неравенства условий человеческого существования. Врожденные свойства индивида и среда обитания порождают разделение труда. «Случайности, порождающие неравномерное распределение средств к существованию, а также личные наклонности и благоприятствующие обстоятельства закрепляют за отдельными людьми различные занятия; а соображения целесообразности подталкивают их к бесконечному разграничению профессий» [7, 263]. Случайные обстоятельства определяют специализацию, а уж затем, обратив внимание на пользу, из нее проистекающую, люди продолжают работу, начатую природой. Такая концепция происхождения и развития разделения труда, превращающая его в естественно-исторический процесс, соответствует общим соображениям Фергюсона, полагавшего, что мы можем иметь лишь самое смутное представление о происхождении общественных форм, объяснимых неконтролируемыми побуждениями, но не сознательным расчетом законодателя и не договором заинтересованных лиц. «Подобно ветрам, налетающим невзведь откуда и дующим, куда им захочется, общественные формы происходят из некоего туманного далека; они возникают, прежде всякой философии, из инстинктов, а не из спекуляций» [Там же, 189]. Ограничивая право на проведение рассуждения об истоках, Фергюсон делает выбор в пользу эволюционного, а не исторического подхода к гражданскому обществу. Туманная и далекая, в том или ином смысле, сфера влечений предопределяет возникновение общественных форм, поскольку общая антропология, не стремящаяся к обману или самообману, неизбежно исходит из парадоксального определения человеческого естества. Фергюсон прекрасно понимает, что естеством человека является искусство, или, другими словами, человек — существо, обреченное на самостоятельные, творческие действия. «Мы говорим об искусстве как о чем-то отличном от природы; но и само

искусство является естественным для человека. Последний в определенной мере является демиургом собственного облика, равно как и собственной судьбы, будучи с первых шагов своего бытия предопределен к изобретательству и ухищрениям» [7, 38]. В основании теории разделения труда, предложенной Фергюсоном, покоится антропология, главным украшением которой оказывается остроумный парадокс — естественная искусственность человека. Первичные природные различия между людьми производят разделение труда, которое, в свою очередь, порождает вторичные профессиональные и имущественные различия.

Напротив, Смит считает, что разделение труда производит различия между людьми, но не является их прямым и непосредственным следствием. Повышением производительности труда далеко не исчерпываются положительные следствия разделения труда, ответственного и за накопление человеческого капитала: «Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и само различие способностей, которыми отличаются они в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда» [5, 78]. Коль скоро способности человека так часто оказываются следствием, а не причиной разделения труда, само разделение труда едва ли можно объяснить природной случайностью места и времени рождения. Разделение труда — «необходимое... последствие определенной особенности человеческого естества, которая отнюдь не имеет в виду столь обширной пользы, а именно склонности меняться, выменивать, обменивать один предмет на другой» [Там же, 76]. Эта склонность или привычка и породила, по мнению Смита, разделение труда: «Большую часть необходимых нам обоюдных услуг мы приобретаем друг от друга... эта самая склонность к обмену и была тем, что изначально породило разделение труда» [Там же, 77]. В отличие от всех прочих животных, во взрослом состоянии не нуждающихся ни в ком, «человек постоянно нуждается в помощи своих ближних» [Там же, 76–77]. Склонность к обмену — проявление общественной сущности человека: сохраняющаяся на всю жизнь детская зависимость от других вынуждает к постоянному обмену с ними. Сравнивая Смита с Хатчесоном, Эли Алеви в знаменитом труде о становлении утилитаризма отмечает, что, рассматривая соотношение разделения труда и склонности к обмену, Смит меняет местами то, что казалось Хатчесону причиной и следствием. В политической экономии Смита не разделение труда вызывает к жизни обмен, но склонность к обмену порождает разделение труда. Значение такой перестановки в том, чтобы подтвердить «фундаментальное положение: всеобщее благо — не продукт сознательной деятельности, но своего рода плод автоматического соединения частных волевых импульсов» [11, 91].

Предлагая объяснение разделения труда ссылкой на «естественную» склонность к обмену, Смит просто выносит за пределы политической экономии задачу исследования того, «является ли эта склонность одним из тех основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи» [5, 76]. В рамках

политической экономии склонность к обмену остается принимать как данность, ограничиваясь общим указанием на исследование языка и поведения.

Этой склонности, связанной со способностью рассуждать и даром речи, можно дать объяснение в общем контексте нравственных наук, включающих в себя и этику, и политическую экономию и еще не знающих различия между нравственной философией и социальной психологией. Смит вслед за Давидом Юмом объясняет поведение людей действием аффектов (*passions*), или страстей. Именно они помогают одному человеку понять другого (и себя) и использовать свое несовершенное знание к обоюдной выгоде. Юм противопоставлял аффекты, направленные на «я» (гордость и униженность), аффектам, направленным на «другого» (любовь и ненависть). Само собой разумеется, любовь и ненависть, а не гордость и униженность, объясняют врожденную склонность к обмену. Эти аффекты питаются одновременно и вполне реальными свойствами другого, и нашими фантазиями о нем. Поскольку «*объектом* любви и ненависти является какая-нибудь другая личность, мысли, поступки и ощущения которой мы не сознаем» [10, 378], для возбуждения любви и ненависти (благожелательности и гнева или симпатии и антипатии) нам необходимо и достаточно «также некоторого рода *представления*, подсказывающего нам, что возмывает действие на других, на основании того, что мы непосредственно переживаем в себе» [Там же, 381].

Ни симпатия, ни антипатия невозможны без воображения. «Источник нашей чувствительности к страданиям посторонних людей лежит в нашей способности переноситься воображением на их место» [6, 32]. Смит предложил понимать симпатию, или сочувствие, как способность подставлять себя на место другого, сопереживать, соучаствовать в воображаемом обмене чувствами. И все же, каким бы сильным ни было воображение, утратить полностью связь с реальностью в ходе такой подстановки себя на место другого невозможно. Как раз напротив, симпатия позволяет уверенно и в основном правильно ориентироваться в реальности, поскольку она «рождается в нас гораздо менее созерцанием страстей, нежели созерцанием ситуации, их возбуждающей» [Там же, 34]. За счет принципиального соответствия предмета и акта сознания мы встречаемся с некоторым набором разных типов постижения социальной реальности. Преодолевая все пространственные границы, воображение позволяет испытать любовь к дальнему, поднимая симпатию до уровня универсальной благожелательности: поскольку мы можем в воображении переноситься на место практически любого человека, «наша добрая воля не стеснена никакими границами и может охватить всю вселенную» [Там же, 231]. Ведомая воображением способность понимать других позволяет создать потенциально универсальные отношения взаимного одобрения и неодобрения, способные послужить основанием, на котором каждый индивид открывает возможность сделать свою жизнь лучше, преследуя свои собственные интересы.

С тех пор как в начале XVIII в. Бернард Мандевиль заметил, что « пороки частных лиц — блага для общества» [1, 43], объяснения совместной деятельности людей, заметно приблизившись к реальности, вынужденно учитывают свойственное каждому эгоистическое (а иногда и порочное) стремление к удоволь-

ствиям. Вот и Смит советует тем, кто прибегает к помощи ближних, рассчитывать не на взаимную симпатию, а на их стремление к собственной выгоде. «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать то, что он требует от них... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [5, 76–77]. И в самом деле, редко принимаемое в расчет социальными теоретиками стремление жить завтра лучше, чем сегодня, подобно капле, что камень точит, способно противостоять не только неблагоприятным природным условиям, но и безответственному волюнтаризму правительств. «Одинаковое у всех людей, постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение — это начало, откуда вытекает как общественное и национальное, так и частное богатство, — часто оказывается достаточно могущественным для того, чтобы обеспечить естественное развитие в сторону улучшения общего положения вопреки чрезмерным расходам правительства и величайшим ошибкам администрации. Как и неизвестная нам жизненная сила организма, оно часто восстанавливает здоровье и силу вопреки не только болезни, но и нелепым предписаниям врачей» [Там же, 350]. Это «начало самосохранения» [Там же, 635] вполне способно, исправив последствия как природных и социальных катастроф, так и неумелой и неумной политики правительств, привести к экономическому росту, причину которого затем можно отыскать в ком и в чем угодно.

Однако и простое указание на свойственное каждому действующему индивиду стремление к собственной выгоде еще не решает вопрос агрегирования индивидуальных действий. Решение этого вопроса заставляет рассмотреть сложный многоуровневый комплекс интересов и страстей, определяющий ориентацию действия и способ устройства общественного порядка. Определяя понятие «интерес», Альберт Отто Хиршман отмечал: «Два существенных элемента характеризуют действие, движимое интересом: *сосредоточенность на себе*, т. е. преобладающее внимание субъекта к последствиям любого обдумываемого им действия для себя самого, и *рациональный расчет*, т. е. систематическое стремление оценивать ожидаемые издержки, выгоды, удовольствия и т. п.» [3, 211].

Хиршман рассказывает историю термина «интерес», часто оказывавшегося эвфемизмом для ростовщичества, безнравственной политики и стремления к наживе. В самом сердце теории интереса присутствует дополнительное нормативное значение, прямо следующее из противопоставления доступного для рационального познания мира интересов темному и запутанному лабиринту страстей. «Изначальная максима “интерес не солжет”... обладала нормативным значением, заключавшимся в том, что интерес следует тщательно сформулировать, а затем следовать ему, предпочитая его всем прочим постижимым способам действий, вдохновленным различными мотивами» [12, 42–43]. Неизбежный и реально осуществившийся переход от изначальной максимы к присловью «интересы правят миром» не привел, вопреки ожиданию, в легкопостижимый

мир. Возможной ясности и предсказуемости мира интересов не позволяет стать реальностью неполнота тех знаний о нем, которыми располагает каждый действующий индивид. Эту неполноту восполняют действия других индивидов, каждый из которых лишь отчасти знаком с социальным целым. «Побочным результатом того, что индивиды действуют предсказуемо в соответствии с их экономическими интересами, становится не труднодостижимое *равновесие*, но мощная *сеть* взаимозависимых отношений» [12, 51–52]. Интересы создают возможность рационального постижения сущности социального мира, потому что, в отличие от одержимых дурными страстями государей и их придворных, не лгут. Но установить чьи бы то ни было (даже свои собственные) интересы можно лишь при условии активной работы воображения, а значит они всегда будут смешаны с фантазиями и страстями. В такой сети каждый индивид представляет собой место пересечения действий других заинтересованных индивидов. Оставаясь ограниченным индивидом, обладающим только неполным знанием реальности, или, иными словами, руководствуясь страстями, способен он связать свои действия с действиями других в единую сеть социального порядка.

Знаменитое выражение Смита «невидимая рука» как раз и призвано передать способ возникновения и существования такого порядка. Несмотря на «наивность» самого выражения, на которую часто пеняют противники Смита, оно служит сокращенным обозначением теории, без которой невозможно представить себе современное обществознание. «Только когда возникло представление, что независимые действия индивидов могут породить доступный для понимания и упорядоченный общественный процесс, непреднамеренные последствия человеческих планов стали предметом научного анализа. Очевидно, что без понятия о невидимой руке, направляющей человеческие поступки, общественная наука была бы невозможна» [3, 230]. По-видимому, впервые Смит употребил это выражение в так называемой «Истории астрономии», рассматривая «исток политеизма и того вульгарного суеверия, что приписывает все необычные явления природы благосклонности или недоброжелательству разумных, хотя и невидимых, существ: богов, демонов, ведьм, духов, волшебниц».

Смит пишет: «Ведь во всех политеистических религиях, как среди дикарей, так и в ранние века языческой античности, можно наблюдать, что одни лишь необычные природные события приписываются действиям и могуществу богов. Огонь сжигает, а вода охлаждает; тяжелые тела падают вниз, а легкие субстанции взмывают вверх необходимостью их собственной природы; нет нужды ни в какой невидимой руке Юпитера, для того чтобы совершить эти события. Но гром и молния, бури и солнцепек — все эти не столь упорядоченные явления объясняются его благосклонностью или гневом. Человек, единственная создающая формы сила, с которой они знакомы, действует только для того, чтобы остановить естественные события или изменить то направление их течения, которое они примут, если предоставить их самим себе. Естественно предположить, что те другие разумные существа, которые они выдумывают, не зная, действуют точно так же; не утруждая себя участием в обыкновенном течении событий, поскольку оно определяется само собой, но останавливая, расстраи-

вая или прерывая его. И вот так-то в ранней истории мира самое низменное и малодушное суеверие занимает место философии» [15, 49–50].

Почему той самой «невидимой руке», которая сыграет затем такую роль в нравственной философии и политической экономии, здесь составляют компанию эпитеты «вульгарный», «низменный» и «малодушный»? Потому что действию невидимой руки Юпитера приписываются только исключительные, но никак не обыкновенные, природные явления. Она не может создать порядок, поскольку управляет лишь исключениями из правил. Критика антропоморфизма позволяет ввести немаловажный принцип, применимый и за пределами обсуждения античных космологий или любой иной натурфилософии: возникновение стихийного порядка ни в коем случае не стоит уподоблять действиям человека.

Стихийный порядок в обществе не может возникнуть ни вследствие действия человека, даже выдающегося, ни вследствие вмешательства антропоморфного сверхъестественного существа. Вместе с тем он не может возникнуть и без участия людей, как возникает стихийный порядок природы. Остается предположить, что стихийный порядок возникает вследствие несовпадения субъективного и объективного значения человеческих действий. Рассуждая о разделении труда в своем главном экономическом сочинении, Смит рассказывает историю усовершенствования машины. Показывая, что не технический прогресс вызывает разделение труда, а, напротив, разделение труда вызывает технический прогресс, Смит приводит основанный на реальных событиях рассказ о юном рабочем, усовершенствовавшем, ради освобождения времени на отдых и забавы, одну из ранних паровых машин [5, 73–74]. «Вследствие разделения труда все внимание каждого работника, естественно, направляется на какой-нибудь один очень простой предмет» [Там же, 73]; вот почему приставленный открывать и закрывать всего лишь один клапан подросток догадывается, как избавиться от надоевшего занятия и усовершенствовать машину. При этом общий принцип действия паровой машины и его научные основания ему неизвестны, так же, как людям, говорящим на родном языке, неизвестны законы его исторического развития.

Аналогия между совершенствованием машин и развитием языка заведомо неполна и приблизительна; тем не менее в работе о происхождении языка Смит применяет ее для объяснения того, почему языки с течением времени становятся проще в своих основаниях и сложнее в своих воздействиях. «...Язык становится проще в своих основаниях и принципах в точном соответствии с тем, как он становится сложнее композиционно, и случается то же самое, что обычно случается с механизмами машин. В общем, все машины в момент изобретения исключительно сложны в своих основаниях, и зачастую каждым особым действием, которое они предназначены исполнять, управляет особый принцип движения. Рационализаторы следующих поколений видят, что один принцип можно применить так, что он будет производить несколько подобных действий; и, таким образом, машина постепенно становится все более и более простой и производит свои воздействия при посредстве все меньшего количества колес и все меньшего количества принципов движения» [14, 223]. Связь

между склонностью к обмену и даром речи продолжается этой несовершенной аналогией между результатами технического прогресса (в конечном итоге — результатами разделения труда) и процессом языкотворчества. Обыкновенные речевые акты приводят к не планировавшимся заранее и никем не направляемым изменениям языка, подобно тому, как отдельные действия стремящихся к собственной выгоде индивидов способны вызвать повышение общественного благосостояния, технический прогресс и создание общественного порядка.

«Теория нравственных чувств» (1759) Смита, описывая нравственное несовершенство богатых, указывает и на очевидную общественную пользу их существования. «Несмотря на свою алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, каковое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода» [6, 185].

Ни в упомянутой здесь «невидимой руке», ни в том, как она действует ничего антропоморфного, кроме разве что названия, не осталось. «Невидимая рука» создает незаметный порядок повседневного перераспределения богатств, тогда как яркие проявления эгоизма и алчности оказываются видимостью, скрывающей положительное значение общественного неравенства. Противоречие субъективного и объективного смысла действий указывает не на отклоняющееся поведение, но, напротив, обосновывает повседневный и привычный порядок взаимодействия. Классический отрывок из «Богатства народов» вновь обращается к рассмотрению эгоистических мотивов промышленника или предпринимателя. «Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и, осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это» [5, 443]. Так и действует «невидимая рука» рынка: действия, совершенные из эгоистических побуждений, приобретают новое значение, а действия частных лиц, преследующих собственные интересы, без всякого намерения самих этих лиц служат интересам общества.

Без явного намерения самого Смита, использовавшего это выражение в опубликованных сочинениях лишь трижды, образ «невидимой руки» приобрел широкую популярность. Мораль истории «невидимой руки» заключается, по-видимому, в том, что, описывая стихийный порядок, невозможно обойтись

без такого подспорья. Для того чтобы описать порядок, прикрытый сетью сложных взаимозависимых интересов, обоснованных к тому же пристрастными отношениями обмена, приходится прибегать к образам, похожим на те, что использовались родоначальниками лингвистики для описания незаурядной творческой способности языка. Дар речи вызывает склонность к обмену, а порожденную ею целостность можно воспринимать как порядок лишь в самом абстрактном смысле привычной и устойчивой сети социальных различий. «Невидимая рука» предлагается как приемлемый образ всеобщих и абстрактных правил игр обмена, приводящих либо к всеобщему проигрышу, либо к всеобщему выигрышу. Еще одним важным результатом игры становится социальное творчество, так что не вызывает удивления явное сходство между стихийным порядком и языковой деятельностью.

1. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974.
2. *Маклун Ф.* Производство и распространение знаний в США. М., 1966.
3. «Невидимая рука» рынка. М., 2009.
4. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
5. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
6. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.
7. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М., 2000.
8. *Хайек Ф. А. фон.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск, 2011.
9. *Хайек Ф. А. фон.* Право, законодательство и свобода. М., 2006.
10. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 53–656.
11. *Halévy E.* The Growth of Philosophical Radicalism. L., 1972.
12. *Hirschmann A. O.* The Passions and the Interests. Political Argument for Capitalism before Its Triumph. Princeton, 1977.
13. *Hutcheson F.* Philosophiae moralis institutio compendiaria. Indianapolis, 2007. XXX.
14. *Smith A.* Considerations Concerning of the First Formation of Languages // Smith A. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres. Indianapolis, 1985. P. 201–226.
15. *Smith A.* The principles which Lead and Direct Philosophical Enquiries; Illustrated by the History of Astronomy // Smith A. Essays on Philosophical Subjects. Indianapolis, 1982. P. 31–105.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2011 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.2(73) + 321.011.3

С. В. Васильев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Статья посвящена одному из направлений развития современной геополитической мысли — пониманию значимости и использованию дискурса, изучению таких его течений, как критический дискурс-анализ, дискурс политической манипуляции и дискурс региональной идентичности. На основе изучения ежегодных выступлений президентов США «О положении дел в стране» автор приходит к выводу, что данные выступления могут рассматриваться как геополитический акт. Кроме того, автор дает свое определение геополитического кода и полагает, что на его основе представляется возможным проведение анализа направлений геополитических интересов США, а также определение тенденций и императивов внешней политики США как на современном этапе, так и в будущем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс-анализ, геополитический код, парадигмы основных направлений внешней политики США, «ментальные карты» внешней политики США, самостоятельные геополитические акторы.

Дискурс есть результат гегемонистских артикуляций, цель которых — установление как политического, так и морально-интеллектуального лидерства.

Якоб Торфинг [9]

Дискурс... имеет форму структуры толкований. Каждое предложение, которое уже само по себе имеет толковательную природу, поддается толкованию в другом предложении.

Жак Деррида [3]

Современный геополитический анализ позволяет оценить под критическим углом зрения процессы становления и развития геополитики в период класси-

ческой эпохи, т. е. до второй половины XX в., а также трансформации, переживаемые геополитической наукой на современном этапе.

Классические геополитические теории конца XIX – первой половины XX в. предлагали научные подходы, с помощью которых можно было проанализировать и спрогнозировать развитие глобальных процессов с доминирующим участием классических геополитических акторов – государств. Однако они, как правило, использовались в качестве описания процесса развития всемирной истории и географии, выполняли функцию средств объяснения и аргументации политики какого-либо конкретного государства. Кроме того, геополитические теории создавались для изучения и объяснения действий именно государств.

По нашему мнению, в качестве одного из приоритетных направлений развития геополитической мысли современности может быть выделено понимание значимости и использование *дискурса*, в особенности таких его течений, как критический дискурс-анализ, дискурс политической манипуляции и дискурс региональной идентичности.

Дискурс – это больше, чем анализ текста или речи. Дискурс – важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и других ментальных и виртуальных образований.

Кроме того, дискурс широко используется в качестве мощного властного ресурса, при помощи которого политические, социальные институты и индивиды осуществляют самопрезентацию, легитимизацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, производят позиционирование в глобальном политическом и социокультурном пространствах. В настоящее время за право контролировать содержание дискурсов и каналов дискурсных коммуникаций между субъектами социально-политической и культурной жизни ведется напряженная конкурентная борьба. В связи с этим, с нашей точки зрения, историческим и современным элитам необходимо проведение критического геополитического анализа основополагающих отношений государства, а также понимание и осознание смысла социально-политических аспектов культуры, на которой они основываются.

Дискурс – это не только и не столько изучение высказываний, суждений, способов, приемов и манеры представления субъектом существующей точки зрения или занимаемой им политической позиции. Это механизм аргументированного обоснования проводимой внешней политики и деятельности государства посредством использования официального информационного коммуникативного канала.

Носители дискурса имеют разнообразную природу. Носителем геополитического дискурса выступает прежде всего глава государства. В своем выступлении он презентует свое видение геополитической ситуации через призму геополитических интересов данного государства.

В рассматриваемых нами ежегодных выступлениях президентов США «О положении дел в стране» («State of the Union») сам президент является самостоятельным геополитическим актором. С нашей точки зрения, именно в этих

выступлениях находит свое выражение геополитический код¹ современного мирового лидера — США.

Впервые выступления президентов США «О положении дел в стране» были проанализированы более двадцати лет назад (период 1946–1987 гг.) [5]. Это исследование проводилось политическими географами из США Дж. О'Лафлином и Р. Грантом. Исходной идеей послужила новаторская статья Алана Хенриксона [1], посвященная так называемым «ментальным картам», предложенным в рамках лекционного курса геополитического дискурса-анализа, который был подготовлен и проведен для сотрудников Госдепартамента США [5, 509]. По нашему мнению, именно «ментальные карты» и отражают представления президентов США о геополитическом коде этого государства.

Ученые Дж. О'Лафлин и Р. Грант использовали более широкий количественный и аналитический подход. Их методология содержала анализ выступлений президентов США за 1946–1987 гг., в которых основное внимание уделялось региональным проблемам, а также изучению той части выступления, в которой президенты касались вопросов внешней политики США. Ученые определили, что в своих выступлениях президенты посвящали вопросам внешней политики США от 25 до 35 % всего объема выступления, хотя были и исключения [Там же, 509].

Кроме того, Дж. О'Лафлин определил следующие семь парадигм, которые использовались в выступлениях президентов США при определении основных направлений внешней политики США, а именно:

1) *noblesse oblige* — позиция, согласно которой США благодушны и доброжелательны, являются мировым лидером и стремятся к глобальному контролю через глобальное присутствие;

2) *парадигма лидерства США* — отражает позицию, согласно которой США не разделяют интернационалистских подходов в межгосударственных отношениях с другими странами;

3) *парадигма «уклонизма» США* — предполагает, что США сохраняют свою доминирующую и лидирующую роль и несут солидарную ответственность совместно со своими союзниками. В то же время США в зависимости от обстоятельств могут вступать в новые союзы;

4) *парадигма чрезвычайных ситуаций* — предполагает рассмотрение каждой чрезвычайной ситуации отдельно. В связи с этим отсутствуют какие-либо специально разработанные сценарии для действий США в чрезвычайных ситуациях;

---

¹ Геополитический код — это исторически сложившаяся система национальных законодательных актов, политико-географических оценок и рекомендаций для ведения внешнеполитической деятельности конкретного государства в отношении других государств, разработанная с учетом исторического развития данного государства и складывающейся геополитической обстановки в мире. В зависимости от своего геополитического статуса данное государство формирует свой геополитический код на глобальном, региональном и локальном уровнях, что позволяет ему обеспечить защиту своих национальных интересов. Объединение геополитических кодов дает возможность сформировать глобальный геополитический паттерн на определенный исторический период геополитического мироустройства.

5) *парадигма «орла-победителя»* — предложена Дж. О'Лафлином в 1999 г. и расценивалась им как маловероятная или неприемлемая из-за распада СССР, который рассматривался в качестве «заклятого врага» США (*архивраг, архипротивник*) [6]. Однако следует заметить, что эта парадигма вновь была использована в качестве основной парадигмы внешней политики США в глобальной «войне с терроризмом» при президенте Дж. У. Буше;

6) *региональная парадигма* — в рамках данной парадигмы Европа, Ближний Восток и Северо-Восточная Азия рассматриваются в качестве жизненно важных регионов для США, в связи с чем они постоянно находятся в фокусе внешней политики США;

7) *парадигма мировых держав* — играла главенствующую роль во времена холодной войны и определяла ведущее место США среди стран Запада в борьбе с СССР и КНР. Формирование и проведение внешней политики США в рамках парадигмы мировых держав может повлечь за собой изменение всей структуры мироустройства и трансформировать ключевые регионы планеты в регионы противостояния региональных мировых держав (региональная парадигма), привести к созданию так называемых «поясов раскола» (*shatter-belts*) между противостоящими блоками [8].

Широкое внешнеполитическое толкование парадигм позволяет рассматривать их в качестве непосредственных императивов и руководства к действиям, которые, по нашему мнению, могут быть классифицированы как геополитический код государства, в частности США.

Так, в период холодной войны в США большее внимание уделялось не глобальным проблемам, а вопросам конкретных регионов планеты, где лидирующее положение занимали региональные державы и их доминирование было очевидным [5, 510]. Следует заметить, что в выступлениях президентов США «О положении дел в стране» в 1946–1987 гг. Южная Америка не упоминалась вообще [Там же, 522]. Интересно, что отсутствие упоминаний о региональных структурах Дж. О'Лафлин объясняет «особенным идиосинкразическим представлением» самих президентов США указанного исторического периода [Там же, 525]. Можно согласиться с данным утверждением и признать индивидуальность восприятия президентами США происходящих в мире геополитических процессов, а также их подходы при оценке перспектив глобального развития, которые они излагают в ходе своих выступлений. Однако следует учитывать и особенности ограниченного характера глобальных геополитических изменений, исходя из того, что позиция, представленная в речи президента США, является отражением взглядов и понимания того, каким образом самим США необходимо реагировать на события, происходящие в мире. В то же время следует учитывать и тот факт, что события, происходящие в мире, в определенной степени являются реакцией других участников геополитического процесса на действия самих США, реакцией на то, что именно и каким образом было заявлено в выступлениях президентов США.

Касаясь вопросов внутренней политики США, необходимо обратить внимание на то, что выступления президентов США «О положении дел в стране» не происходят в геополитическом вакууме. Безусловно, события внутренней

жизни США оказывают значительное влияние на политическую идеологию, а политическая борьба политических партий, равно как и лоббирование интересов ВПК США, играет важную роль в определении самого содержания выступлений президентов США [2]. В выступлениях президентов США «О положении дел в стране» отражается содержание дискурса, происходящего в самом обществе, а также представляются различные геополитические концепции, президент же становится субъектом и участником этого дискурса [7].

В связи с этим текст речи и выступление президента не должны рассматриваться только как выступление в конгрессе США, целью которого является подведение итогов деятельности администрации нынешнего президента США за прошедший год, или как анализ положения дел внутри страны и определение ее статуса на международной арене на данном конкретном этапе геополитического процесса. Их следует воспринимать как результат предыдущих геополитических действий нескольких геополитических акторов — будь то политические лидеры страны или руководители государства. Именно по этой причине выступления президентов США «О положении дел в стране» следует рассматривать в соотношении с развитием глобальных событий, а также как ряд последовательных сформированных восприятий, представлений, умозаключений и практических действий предыдущих элит США.

Ежегодное выступление президента США «О положении дел в стране» представляет собой одну из составляющих политического спектакля политической «кухни» действующего президента США. Этот спектакль разыгрывается администрацией президента для представления обществу страны и мировой общественности аргументированного подтверждения того, насколько «сильны» или «здоровы» США именно в данный период геополитического процесса, какое участие принимают США в «тонкой политической игре» в глобальном формате, и отражает глубину понимания действующей администрацией той значимости США в мире и органической роли страны как государства-нации.

Выступление президента США «О положении дел в стране» следует рассматривать как геополитическую целеустановку, которая имеет неофициальную законодательную силу. Это акт геополитического характера, который способствует формированию, пониманию и распространению взглядов о геополитических представлениях США. Этого выступления ждет вся страна, хотя бы для того, чтобы осознать саму себя как великую страну-нацию и убедиться в том, что президент страны, находится в центре мировой политики.

Как правило, в выступлении президента США «О положении дел в стране» называются потенциальные союзники США, дается оценка действующим союзам, определяются средства и способы поддержания существующих союзов и возможности образования новых. В адрес союзников США высказываются лестные слова благодарности за их преданность и поддержку. Далее президент называет внешних противников США, указывает на существующие и потенциальные внутренние и внешние угрозы безопасности США и определяет способы противостояния США существующим и потенциальным внутренним и внешним угрозам и вызовам.

Следует отметить, что выступление президента США «О положении дел в стране» по своей целевой интенции является многоплановым. Его содержание, а также и то, в какой форме оно подается, свидетельствует о том, что это публичное выступление, целью которого является воздействие не только на граждан США, представляющих различные социальные группы общества США, но и на представителей стран всего мира.

В настоящее время благодаря техническим возможностям системы глобальных телекоммуникаций в ходе выступления происходит представление президентом США большого количества приглашенных гостей. Примером этого PR-хода является присутствие военнослужащих США, недавно вернувшихся из зон боевых действий; учителей школ и преподавателей колледжей и университетов; граждан США, награжденных государственными наградами; представление преуспевающих бизнесменов, известных деятелей науки и искусства и т. д. Цель проста и очевидна — «набрать побольше очков» в президентский политический актив, найти поддержку в лице представителей различных социальных групп общества США.

Кроме того, выступления президента используются и для того, чтобы изобразить США как доброжелательную политическую силу, отстаивающую идеалы мира и демократии на планете. Для речи президента характерно использование высокой образности, ярких выражений, а также провозглашение лозунгов и, при необходимости, призывов к активным действиям. Подтверждением этого может послужить идентификация «оси зла» и призыв к активным действиям против обозначенных стран в выступлении президента США Дж. У. Буша в 2002 г. Более ранний пример — выступление президента США Р. Рейгана в 1983 г., когда он заявил, что будущее принадлежит не правительствам и идеологиям, целью которых является угнетение своих народов, а демократической системе самоуправления, которая стимулирует и поощряет личную инициативу и является гарантом свободы личности. В свою очередь, президент Уильям Дж. Клинтон в 1997 г. заявлял о том, что целью его администрации является подготовка Америки к XXI в., что необходимо умело управлять силами перемен в мире и обеспечить мощное лидерство Америки, независимо от течения времени.

Краткий анализ выступлений президентов США «О положении дел в стране» охватывает период 1988–2001 гг. (см. таблицу). Он позволяет утверждать, что в течение последних двадцати лет в геополитическом коде США произошли существенные изменения:

1. Кардинально изменилась географическая составляющая геополитического кода США. Модель внешней политики времен холодной войны, фокусом которой были прежде всего СССР и его союзники, оказалась невостребованной.

2. В сферу геополитических интересов и действий США входят все континенты планеты. Расширение географии в содержании выступлений президентов США «О положении дел в стране» вызвано завершением периода доминирования региональной парадигмы и парадигмы мировых держав, с одной стороны, и появлением новых глобальных вызовов, с другой.

3. Включение в выступления президентов США тезиса о Северной Америке является вероятным отражением обеспокоенности администраций США вопросами экономической безопасности, связанными с расширением НАФТА после присоединения Мексики.

4. Обстановка на Ближнем Востоке, который традиционно представлял собой зону интересов и обеспокоенности США, вновь все больше и больше привлекает внимание администраций США в связи с появлением новых форм конфликтных ситуаций в данном регионе.

5. Развитие Китая и увеличение масштабов его глобального присутствия в Юго-Восточной Азии в комплексе с растущей геополитической напряженностью в отношениях с Россией привели к необходимости обеспечения присутствия интересов США во всех регионах Азии.

6. Ведение глобальной «войны с терроризмом» не было единственной причиной для обоснования и неоднократного упоминания в выступлениях президентов США «О положении дел в стране» о необходимости придания внешней политике США формата и статуса глобальной внешней политики.

Парадигма	Президент США	Глобальный паттерн	Регион
Noblesse oblige	Джордж Буш-старший (1989–1992) Уильям Клинтон (1993–1996)	Глобализм	—
Парадигма лидерства США	—	Регионализм	—
Парадигма «уклонизма» США	Уильям Клинтон (1997–2000)	Регионализм	—
Парадигма чрезвычайных ситуаций	Уильям Клинтон (1993–1996)	Регионализм	—
Парадигма «орла-победителя»	Джордж Буш-старший (1989–1992)	Глобализм	—
Региональная парадигма	Джордж Буш-старший (1989–1992)	Регионализм	Европа, Ближний Восток, Северо- Восточная Азия
Парадигма мировых держав	Джордж Буш-старший (1989–1992) Джордж Буш-младший (2000–2004) Джордж Буш-младший (2004–2008)	Регионализм	Европа, Ближний Восток, Северо- Восточная Азия

В связи с этим возникает вопрос: «Как оценить данные изменения во внешней политике США?» Опираясь на положения теории структурализма (мир-системного подхода), можно утверждать, что лидерство и значимость США как мировой сверхдержавы уменьшаются. Это объясняется неспособностью

США противостоять резкому увеличению количества вызовов и изменению форм вызовов, с которым США сталкиваются в настоящее время [4].

Выступления президентов США «О положении дел в стране» можно рассматривать как геополитический акт, который используется администрацией для объяснения и обоснования подходов, позиций и действий США как в прошлом, так и в будущем.

Проведенный анализ не позволяет однозначно назвать причину неспособности США противостоять растущему количеству внешних вызовов, основываясь лишь на положениях теории структурализма. Альтернативным объяснением является то, что президенты — это мощные и влиятельные самостоятельные геополитические акторы, которые способны придавать определенную форму геополитической риторике и на практике обеспечивать достижение своих целей.

Таким образом, выступления президентов США «О положении дел в стране» позволяют проанализировать направления геополитических интересов США в динамике, определить тенденции и императивы внешней политики США.

-
1. *Henrikson A.* The Geographical 'Mental Maps' of American Foreign Policy Makers // *Intern. Political Science Rev.* 1 (1980). P. 495–530.
  2. *Halberstram D.* The Best and the Brightest. N. Y., 1969.
  3. *Derrida J.* Force of Law: The Mystical Foundation of Authority // *Deconstruction and the Possibility of Justice.* N. Y., 1992. P. 16.
  4. *Wallerstein I.* The Decline of American Power. N. Y., 2003.
  5. *O'Loughlin J., Grant R.* The Political Geography of Presidential Speeches. 1946–8 // *Annals, Association of American Geographers* 80 (1990). P. 504–530.
  6. *O'Loughlin J.* Ordering the «Crush Zone»: Geopolitical Games in Post-Cold War Eastern Europe / eds. N. Kliot, D. Newman // *Geopolitics at the End of Twentieth Century.* L. ; Portland, 2000. P. 34–56.
  7. *Müller M.* Reconsidering the Concept of Discourse for the Field of Critical Geopolitics: Towards Discourse as Language and Practice // *Political Geography* 27/3. March 2008. P. 322–338.
  8. *Cohen S.* Geography and Politics in a World Divided, 2nd ed. N. Y., 1973.
  9. *Torfinn J.* Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // *Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance.* Palgrave Macmillan, 2005.

Рукопись поступила в редакцию 16 сентября 2011 г.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 330.01 + 331.101.1

А. Д. Чернявский

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В работе рассмотрены особенности детерминистского подхода к развитию понятия «рациональность» в экономической теории. Показаны проблематичные моменты в применяемых определениях рациональности. Рассмотрена возможная взаимосвязь рациональности в экономической теории с психологией и социологией. С позиции дальнейшего практического развития данного понятия целесообразен компромиссный подход к позиции вышеперечисленных отраслей науки по отношению к понятию рациональности, ибо объектом и субъектом в них выступает человек.

Ключевые слова: рациональность, иррациональность, экономическая теория, «человек экономический», неоклассика.

Спор о рациональности и иррациональности типичен для любой отрасли науки. Говоря о философском взгляде на проблему рациональности, отметим, что ее можно считать «сверстницей философии, ее родословную можно возвести к Пармениду и элеатам» [11, 76].

Выстраивая анализ проблемы и учитывая относительно краткосрочный период развития отечественной экономической науки в этом направлении, автор вынужден в большей части обращаться к наследию западной экономической мысли. Как аргумент в пользу такого выбора приведу следующее высказывание: «Дело в том, что российские интеллектуальные традиции (досоветские, советские и постсоветские), при всей своей специфике, очень часто выступают в виде причудливого преломления западных концептуальных схем, перевернутой ипостаси западной традиции (советский марксизм в данном случае не является исключением). Российская мысль сохраняет свой дух и вычерчивает свои планы, но предпочитает строить “подручными” инструментами из “импортного” материала. Вследствие этого логика заставляет начинать с западных течений мысли, чтобы впоследствии успешнее определить собственные координаты» [10, 7].

В известном труде «Модель человека в экономической науке» В. С. Автономов предупреждает: «Понятие рационального выбора и рационального поведения играет важнейшую роль в методологии экономической теории. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что обращаться с этими понятиями следует с максимальной аккуратностью» [1, 12]. С этим просто нужно согласиться, учитывая то, что цитируемый автор часто пользуется примерами из социологии, психологии и экономической теории, не делая акцента при этом, из какой отрасли науки он его заимствует. А учитывая то, что каждая из указанных отраслей науки рассматривает свой предмет в качестве «рационального (рациональности)», возникают трудности в восприятии соответствия цитируемого материала букве и духу самой экономической теории. При этом и экономическая наука все более тесно переплетается с остальными отраслями науки, размывая границы, сформировавшиеся на этапе развития понятия классической научной рациональности.

Поскольку мы рассматриваем такую отрасль науки, как экономика, то логично считать ее рациональной. Однако граница самого рационального остается в значительной мере нечеткой, поскольку это граница между «рациональностью» и «иррациональностью».

Отметим, что понятие «рациональность» имеет пространственно-временной аспект. При этом предполагается наличие у различных представителей науки в разных местах и в разные периоды отличающихся взглядов на рациональность. Результат этого — переход к релятивистской трактовке рациональности, что только усиливает спорные моменты [19]. Методологически возможен и иной подход — отсылка к анализу развития науки, который способен дать ответ о понятии рациональности в науке. Однако тогда мы получаем, что рациональным следует считать только то, что принято на данный момент в научных кругах. И при этом со сменой доминирующих в научных кругах школ произойдет и смена понятия рациональности. Причем такая трансформация может носить не только и не столько количественные изменения, сколько качественные. Последнее может существенно изменить положение линии раздела между рациональным и иррациональным.

Если обратиться к тому, что в дальнейшем понятие «рациональный» должно проходить проверку в реальной экономике, то здесь произойдет естественный отбор теорий, наиболее адекватно описывающих существующее состояние экономики и дающих верный прогноз на ее будущее развитие. При этом эволюционная проверка отбираемых критериев рациональности обогатит само понятие рациональности.

Расплывчатость границы между рациональным и иррациональным может быть оформлена с помощью такого широко используемого приема, как вероятность выбора.

При этом движущей силой изменения моделей рациональности является соответствие между самой теорией и реальностью экономического развития. Подтверждение результатов теории на последующих шагах развития ведет к их повторяемости.

Наличие на каждом шаге плюралистичности критериев рациональности приводит к плюралистичности самой рациональности. При этом используемые

критерии могут быть проранжированы по степени важности. Такой подход продемонстрирован И. С. Алексеевым: «Рациональность науки заключается в согласованности отдельных элементов знания. Именно согласованность будет выступать в качестве основной рациональности, к которой как к цели должна стремиться деятельность по его получению» [3, 115].

Если мы говорим о рациональности деятельности, то ее критерий, по мнению И. Т. Касавина, «состоит в способности наиболее эффективно и с наименьшей затратой сил удовлетворять некоторую социальную потребность» [6].

На важность определения постулата рациональности для экономической теории указывает Марк Блауг: «Этот так называемый *постулат рациональности* фигурирует в качестве предпосылки в любом неоклассическом аргументе... При этом “рациональность” соответствовала максимизации последовательной системы предпочтений в условиях определенности и полной информации. Нейман и Моргенштерн добавили понятие ожидаемой полезности в присутствии неопределенности, а еще позднее новая классическая макроэкономическая теория дала новую интерпретацию понятия совершенной информации в условиях неопределенности как совершенной осведомленности о распределении вероятностей будущих цен... Однако при этом предполагалось, что любой потребитель может обладать совершенной бесплатной информацией о вероятностях будущих результатов.

Неоклассические экономисты признают постулат рациональности «как эмпирически неопровержимый — не сам по себе и не в силу своих достоинств, но конвенционально» [5, 349–350].

Говоря о методологическом подходе к определению «рациональности», В. С. Автономов, указывает: «В зависимости от наличия или отсутствия полной информации понятие экономической информации раздваивается. При полной информации рациональным (логически эквивалентным максимизации некоторой целевой функции) является выбор, сделанный на основе всеохватывающего (полного) и непротиворечивого (транзитивного) набора предпочтений; при отсутствии полной информации рациональным является выбор варианта с максимальной ожидаемой полезностью» [1, 13]. Однако с этим трудно согласиться. Все различие в анализе состоит в том, что в случае наличия полной информации используется детерминистский подход к максимизации целевой функции, а в случае неполной информации — стохастический подход к расчету опять же максимума целевой функции.

Так же, по В. С. Автономову, «непосредственной причиной экономически иррационального поведения должна быть когнитивная несостоятельность субъекта» [Там же, 14]. При этом предлагается понимать когнитивную несостоятельность субъекта, сопоставляя ее с когнитивной состоятельностью, т. е. последнее следует отнести к первому: «Если соотносить это понятие с экономической рациональностью, то когнитивная состоятельность является способностью субъекта экономических отношений выбирать наилучший вариант поведения из доступных ему, но не только в настоящий момент, — оценивая будущее, он способен ждать появления оптимального варианта или выбирать приемлемый, хотя и не прямой путь к цели» [8, 95].

Отметим, что в узком смысле когнитивность (лат. *cognitio* — познание, изучение, осознание) представляет собой способность к умственному восприятию и переработке внешней информации. Термин «когнитивность» также используется в более широком смысле, обозначая сам «акт» познания или само знание. В этом контексте он может быть интерпретирован в культурно-социальном смысле как обозначающий появление и становление знания и концепций, связанных с этим знанием, выражающих себя как в мысли, так и в действии.

Исходя из сказанного, ясно, что авторы пытаются необоснованно трактовать «экономическую иррациональность» как эквивалент «когнитивной несостоятельности», т. е. неспособности индивида, в соответствии с общепринятым пониманием этого термина, к осознанию рациональности. При этом следует помнить, что экономическая рациональность включает не только сам акт выбора максимизирующего варианта поведения, но и достижение этой цели.

Говоря об ортодоксальности подхода к применению термина «рациональность», приведем еще один пример такого определения: «...экономическая рациональность... не затрагивает целей человека и его представлений об окружающем мире, на основе которых выбираются средства для достижения поставленных целей» [1, 14]. Это говорит о выходе целей и процесса их формирования за пределы экономической науки. Однако цели «рационального выбора» для любого индивида вряд ли можно считать наперед и окончательно заданными.

Ортодоксальная трактовка экономической рациональности полностью ориентирована на отдельного индивида, находящегося в социальном вакууме, что вряд ли оправданно. Пожалуй, здесь уместно будет процитировать ряд мест из работы Ю. Эльстера: «Чтобы быть *социальными*, нормы должны разделяться другими людьми и в какой-то мере опираться на одобрение или неодобрение ими того или иного типа поведения... Признание социальных норм механизмом мотивации также не означает отрицания важности рационального выбора. Существует эклектическая точка зрения, согласно которой одни действия рациональны, а другие обусловлены нормами. Более точная и адекватная формулировка гласит, что обычно действия предпринимаются под влиянием интересов и норм. Иногда результат представляет собой компромисс между тем, что предписывает норма, и тем, что диктует рациональность... Однако возможны и противоречия между нормами рациональности и социальными нормами, но это скорее экстремальные случаи» [18].

Если нормы поведения ввести в модель рационального выбора как соответствующие ограничения, то это приведет к появлению границы на множестве возможных состояний. Однако сама задача поиска глобального максимума остается.

Й. Шумпетер формулирует поведение этого индивида — экономического агента: «Хотя, по идее, его мотивы надо признать особо эгоистическими — также и в смысле решительности, бесцеремонности, — ведь он начисто лишен связей и традиций, именно его усилиями рвутся эти связи; ему совершенно чужда система наиндивидуальных ценностей как того слоя, выходцем из которого он является, так и того, в который он поднимется; именно он прокладывает путь современному человеку и основанному на индивидуализме

капиталистическому образу жизни, трезвому расчету и философии утилитаризма, именно в его голове бифштекс и идеал впервые были приведены к одному знаменателю. ...И если удовлетворение потребностей в таком понимании является *ratio* (смыслом) экономической деятельности, то поведение нашего типа совершенно нерационально или основано на совершенно ином рационализме» [17, 189].

Такое экономически рациональное поведение человека соответствует «принципу методологического индивидуализма, в соответствии с которым все анализируемые явления объясняются как результат целенаправленной деятельности индивидов» [1, 15]. В. С. Автономов, приводя пример из работы Саймона, считает, что «рациональное в данном значении — синоним функционального: так можно назвать поведение индивида или группы, если оно объективно способствует их сохранению или выживанию, даже если такая цель не ставится. В этом смысле и невротическое поведение можно назвать рациональным, поскольку оно позволяет человеку как-то компенсировать полученную психическую травму. ...Подобную функциональную рациональность следует отличать от более узкой концепции рациональности как оптимизирующего поведения, которая принята в основном течении экономической науки» [Там же, 13].

И далее, вновь цитируя работу Саймона, что поведение психически ненормального человека, по Фрейдю, может считаться рациональным, В. С. Автономов делает вывод, что «рациональность поведения, из которой исходят такие науки, как социология, психология, антропология, вовсе не обязательно подразумевает его осознанность» [Там же]. Этот вывод кажется весьма спорным хотя бы потому, что поведение психически ненормального человека, воспринимаемое им как рациональное, скорее будет таковым с точки зрения окружающих людей случайным.

Еще более запутывает вопрос о рациональности В. Г. Стоцкая, которая пишет: «Как следует из приведенной дефиниции, рациональное поведение в первом смысле мы должны истолковывать как данную систему к сохранению и увеличению ее гомеостаза (в этом смысле оно функционально). ...Однако именно в этом пункте заключается важное отличие первого, общего понятия рациональности от специфически экономического рационального поведения. Дело в том, что понятие гомеостаза (равновесия) является нейтральным по отношению к оптимальному поведению, поскольку равновесное состояние какой-либо системы еще не означает ее оптимального состояния» [13, 207–208].

Процитируем определение: «Гомеостаз, гомеостазис (*homeostasis*) — устойчивое состояние равновесия открытой системы в ее взаимодействии со средой. Это понятие пришло в экономику из биологии, где оно применяется для характеристики физиологических процессов (таких, как поддержание постоянной температуры тела независимо от температуры окружающего воздуха)» [14].

В экономико-математической литературе можно встретить различные трактовки этого понятия. В одних случаях гомеостазисом считают неизменность существенных параметров системы независимо от влияний внешней среды (как температура тела в приведенном примере). В других случаях считается, что причина не в неизменности экономических параметров, а в неизменности соот-

ношения системы со средой. Соответственно системы меняют свою структуру, состав существенных параметров и т. д.

Системы управления экономическими объектами должны быть гомеостатическими, т. е. обладать способностью быстро реагировать на изменения спроса и других условий экономической конъюнктуры и восстанавливать, таким образом, равновесие в системе.

В данном случае гомеостазис системы, по сути, обеспечивает равновесие системы относительно стабильных параметров; система оптимизирует весь необходимый набор параметров с позиции поддержания их соотношения таковым, чтобы обеспечить равновесное, и в этом смысле оптимальное, состояние системы.

По Д. Н. Хайману, рациональная предпосылка любого экономически ориентированного поведения сводится к тому, что последнее всецело управляется желанием максимально прирастить «чистый выигрыш», получаемый при осуществлении операций [16].

В целом экономически рациональное поведение представляет удобную теоретическую гипотезу, позволяющую акцентировать внимание исследователя на особенности модели «человека экономического». Именно независимость его поведения от окружающей социальной среды делает возможность эмпирической проверки затруднительной, если вообще возможной. При этом трудность экспериментальной проверки не есть аргумент в пользу несостоятельности такой модели вообще.

Отметим также, что методологический индивидуализм «человека экономического» рассматривается как полностью независимый от психологических процессов в рамках его сознания и социальных процессов вне этого индивида.

Вместе с тем экономическая рациональность предполагает выбор вполне определенного экономического блага, и выбор останавливается на благе, обладающем максимальной величиной по критерию выбора.

Как попытку препарирования социологии на прокрустовом ложе экономической теории приведем вариант классификации рациональности Оливера И. Уильямсона [15]. Он предлагает трезвенную градацию рациональности:

1. *Сильная форма рациональности* — предполагает максимизацию результата выбора.

2. *Полусильная форма* — ограниченная рациональность, предполагает, что субъекты стремятся действовать рационально, но обладают такой способностью в ограниченной степени.

3. *Слабая форма* — органическая рациональность, рациональность процесса выбора без ограничений на получаемый результат.

Неоклассическая экономическая теория исходит из *принципа максимизации*, предполагающего выбор лучшего возможного результата из имеющихся альтернатив, который принимается, если учтены все имеющиеся издержки. В рамках такого подхода деятельность фирмы описывается производственными функциями, выбор потребителя — функциями полезности, распределение ресурсов между отраслями экономики — как наперед заданное, оптимизация предполагается повсеместной.

При этом О. Уильямсон отдает себе отчет, что существует достаточно скептическое отношение к применению принципа максимизации в реальной экономике. Он пишет, что «формальные попытки учесть все имеющиеся издержки зачастую требуют больших натяжек и/или таких форм выражения, которые лишены форм операционального содержания» [15, 40]. Отсутствие операционального содержания можно рассматривать как превалирование чисто формализованного математического подхода над экономической сущностью явления.

Можно указать на ряд причин, по которым аппарат сильной формы рациональности «разрушается при усложнении рассматриваемых проблем» [4]. Наиболее очевидная причина — «за пределами определенной степени усложнения наш логический аппарат перестает справляться с обязанностями, — наша рациональность ограничена». Вторая причина — при одновременном интерактивном взаимодействии нескольких агентов они уже не могут действовать на основе примера других агентов в случае при совершенной рациональности. Одни агенты должны угадывать поведение других агентов. При этом агенты перемещаются в мир субъективных мнений и субъективных оценок относительно этих мнений.

Ограниченная рациональность появилась на свет как результат попытки адаптации экономической теории с помощью дополнительного предположения — учета трансакционных издержек. Отмечая, что «ограниченная рациональность» — это лишь познавательная предпосылка, и не предлагая собственного определения, О. Уильямсон цитирует Г. Саймона, что в случае ограниченной рациональности субъекты в экономике «*стремятся* действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в *ограниченной* степени... Экономисты возражают, поскольку ограничения, налагаемые на рациональность, ошибочно интерпретируются ими как нерациональность или иррациональность... Представители других социальных дисциплин возражают, поскольку видят в допущении стремления к рациональности слишком большую уступку принятому у экономистов исследовательскому подходу, основанному на принципе максимизации» [15, 41].

Сторонники экономической теории эту двойственность объясняют тем, что «стремление к рациональности означает ориентацию на экономное использование ограниченных ресурсов, а признание ограниченности познавательных способностей служит стимулом в исследовании институтов» как новых поведенческих шаблонов в условиях неполной информации [Там же]. При этом неполнота информации соответствует как случаю ограниченности получаемой информации, так и случаю ограниченных возможностей в переработке необходимого объема информации для получения требуемого результата. Последнее означает, по мнению О. Уильямсона, «ограниченность интеллекта» как отдельного индивида, так и совокупного — организации.

Результаты такого допущения:

— расширяется круг проблем, к которым может быть применен экономический образ мышления;

— возникает необходимость изучения нерыночных форм организации, что можно трактовать как необходимость более тесного сотрудничества в междисциплинарном аспекте с давними противниками — психологией и социологией;

— возможно применение «неточных» методов решения проблем, например эвристических, позволяющих получить удовлетворительные варианты.

При этом в оправдание доктрины ограниченной рациональности можно сказать, что соображения экономии побуждают нас предпочесть постулат о том, что люди разумны, постулату об их исключительной рациональности, или, как можно заключить из приведенных здесь более общих философских подходов к определению рациональности, сделать допущение о том, что разумный человек может предпочесть рациональности именно иррациональность.

Органическая форма рациональности, слабая форма рациональности, оказалась удобной как для сторонников неоклассики (А. А. Алчиан, Р. Нельсон), так и для представителей противостоящей им австрийской школы экономики (К. Менгер, Ф. А. Хайек). При этом в рамках данного подхода О. Уильямсон говорит о том, что общие схемы таких основополагающих институтов, как деньги, рынки, право собственности, нельзя запланировать и они не созревают в чьем-либо сознании. Говоря о нереалистичности этой формы рациональности, У. К. Митчелл замечает: «...психологические предпосылки, образующие основу для формулировки выводов, являются упрощенными и носят широкий характер» [7]. Примерами этого он считает «...отрицательную полезность труда, получение удовлетворения от потребительских благ, увеличение интенсивности труда и снижение потребления по мере того, как эти процессы продолжают во времени, возникновение новых потребностей по мере частичного удовлетворения старых, предпочтение получения удовольствия в данный момент перед будущим потреблением, а также наличие умственных способностей, достаточных для того, чтобы осознавать эти простые принципы и действовать в соответствии с ними, стремясь достичь целей наиболее легким способом из известных» [Там же].

В пользу наиболее слабой формы рациональности У. К. Митчелл приводит следующий аргумент: «Не следует думать, что экономической деятельностью управляет исключительно этот преимущественно умственный процесс размышления о средствах достижения целей. Напротив, человеческая рациональность, как правило, выражается в сознательном следовании какой-либо общепринятой практике, эффективность которой подтверждена на опыте. ...Рациональность планов, управляющих промышленной и коммерческой деятельностью, не означает, что всякая деятельность, связанная с реализацией этих планов, является в равной степени рациональной. Труд значительной части наемных рабочих, как в цехах, так и в офисах, сходен с работой механизмов. Фактически в основе преобладающего образа мышления большинства людей, работающих на типичном коммерческом предприятии, — понимание того, что, подобно машинам, они используются для реализации планов других людей» [Там же].

Отсутствие четко поставленных целей может оказаться более плодотворным для получения приемлемого результата, чем движение к наперед заданным целям. В моделировании это можно интерпретировать как отказ от поиска глобального максимума в решении задачи и переход к поиску локальных максимумов, а также как выбор наиболее подходящего из них. Причина этого с технических позиций: для сложных задач расчет может быть практически

невозможным как с позиции необходимого времени, так и ограничений самих вычислительных процедур.

Как пример методологического подхода в этом направлении можно указать работу Б. Артура [4]. Суть предложения состоит в отказе от называемых им «дедуктивных» методов, типичных для случая сильной рациональности, и использовании «индуктивных» методов для построения прогноза.

Блауг М. указывает: «Постулат рациональности относится к индивидуальной мотивации, но поведение, интересующее экономистов, это поведение совокупностей потребителей и производителей на разных рынках. Обычно от этой проблемы агрегирования по умолчанию уклоняются, предполагая, что все индивиды похожи друг на друга и имеют одинаковые функции полезности (как и фирмы, которые также похожи друг на друга и обладают одной и той же технологией). Поскольку индивиды явно различаются и по предпочтениям, и по первоначальной наделенности ресурсами (если бы они были похожи, это означало бы отсутствие торговли), очевидно, что успешные объяснения экономистами экономического поведения были обязаны чему-то большему, чем использование постулата рациональности. Сама по себе гипотеза рациональности достаточно слаба. Чтобы извлекать из нее интересные выводы, нам необходимо добавить к общему тезису о рациональности вспомогательные предпосылки, такие, как однородность агентов, которую мы обычно вводим для устранения проблемы агрегирования, или более общие предпосылки совершенного предвидения, равновесных результатов, совершенной конкуренции и т. п.» [5, 352].

Рассматривая рациональность, следует понимать, что она не может быть одинаково присуща любой экономической деятельности каждого человека. С позиции психологии поведения невозможно исключить импульсивное поведение, силу привычек, ограниченную память, его стремление проверить различные варианты решения. Кроме того, рациональность предполагает, что человек способен обрабатывать мгновенно любые массивы информации. В силу такой ограниченности человек не может *ad hoc* максимизировать полезность и обычно ограничивается первым устраивающим его решением. Результат на перспективу: прогноз экономического поведения, скорее всего, будет сильно отличаться от соответствующего рационалистической максимизации.

Как отмечалось, эксперименты, прежде всего психологов, указывают на то, что поведение индивида часто отличается от рационального. Однако эти случаи экономисты воспринимали как аномалии и продолжали теоретизировать о рациональной экономической деятельности. При этом выстраивалась такая система аргументации: «До тех пор, пока аномалии относятся к индивидуальному поведению, их обычно просто игнорируют или объясняют, что они не имеют значения в силу искусственной природы лабораторных данных. Когда данные относятся не к лабораторным экспериментам, а к реальному агрегированному поведению, утверждается, что аномалии имеют случайное распределение и в среднем взаимно погашаются или, чаще, что конкурентные рынки со временем устраниют их» [Там же, 353].

Декларируемое в экономической теории рациональное поведение человека предполагает обращение к более общему исследованию поведения, «которое

само по себе не всегда, а то и вовсе не является экономическим» [2, 22]. В этой работе Е. В. Агафоновой предлагается подходить к определению рациональности поведения индивида на основе «нормативных стандартов». При этом рациональным поведением человека является следующее:

1) быть практически рациональным значит действовать, выбирая из нескольких альтернатив так, чтобы максимизировать свою прибыль и минимизировать убытки. В этом случае Е. В. Агафонова ведет речь о максимизации индивидуальной полезности; с учетом пояснений это является максимизацией предельной индивидуальной полезности, оцениваемой как превышение предельных выгод над предельными издержками, связанными с ее реализацией;

2) объективно рациональным, разумным поведением можно считать поведение, ориентированное на подлинно предельное благо.

Отметим, что, обращаясь к анализу рационального поведения *homo economicus*, авторы сразу же переходят к анализу уже установившегося равновесного состояния с точки зрения индивида и рассматривают рынок с позиции действия таких субъектов. При этом традиционно считается, что в свободном конкурентном обществе в итоге выигрывает тот, кто ведет себя рационально, а проигрывает тот, кто не придерживается рационалистического поведения [9, 37].

Для усиления этого тезиса обратимся к известной работе Г. А. Саймона «Рациональность как процесс и продукт мышления»: «В экономической теории рациональный человек — это максимизатор, соглашающийся только на лучший вариант. Даже его ожидания... рациональны. Его рациональность простирается так далеко, что распространяется и на спальню: как полагает Гэри Беккер, он будет ночью читать в постели только при условии, если ценность его чтения (с его точки зрения) превышает ценность недосыпа его жены» [12, 17]. При этом статичность подхода рационального «человека экономического» подчеркивается здесь же: «Экономическая теория занимается результатами рационального выбора, а не процессом выбора» [Там же, 18].

Здесь Г. А. Саймон попытался показать общие проблемы в рациональности с позиций прежде всего детерминистского подхода в экономической теории.

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.

2. Агафонова Е. В. «Концепт ограниченной рациональности» в экономике и социальной философии (или О междисциплинарной интегральности концепта «рациональности») // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3 (4). С. 21–27.

3. Алексеев И. С. О критерии рациональности / ред. И. С. Тимофеев. М., 1982.

4. Артур Б. Индуктивное мышление и ограниченная рациональность // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2003. Т. 1, № 3. С. 53–61.

5. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.

6. Касавин И. Т. О социальном понятии «рациональность» // Филос. науки. 1985. Т. 6. С. 64–65.

7. Митчелл У. К. Рациональность экономической деятельности // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2010. Т. 8, № 1. С. 96–109.

8. Морозюк Ю. В. Субъектность экономического поведения // Вестн. финансов. акад. 2005. № 4 (36). С. 93–97.
9. Норт Д. Институты, институциональное поведение и функционирование экономики. М., 1997.
10. Радаев В. В. Экономическая социология : курс лекций : учеб. пособие. М., 1997.
11. Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995.
12. Саймон А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS : альм. 1993. Т. 1, вып. 3. С. 16–38.
13. Стоцкая Т. Г. Феномен рациональности: сущность, исторические формы, типологические параметры : моногр. Самара, 2008.
14. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: tolkslovar.ru/g3993.html
15. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS : альм. 1993. Т. 1, вып. 3. С. 39–49.
16. Хайман Д. Н. Современная микроэкономика: анализ и применение. Т. 1. М., 2004.
17. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М., 2008.
18. Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // THESIS : альм. 1993. Вып. 3. С. 73–91.
19. Siegal H. Can philosophy of science be naturalized // Abst. VII Intern. Congr. Logic, Methodol. and Phillos. Sci. M., 1987. Vol. 4, pt. 2. P. 170–172.

Рукопись поступила в редакцию 11 марта 2011 г.

УДК 330.101.01 + 330.837

А. В. Толпегин

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Серьезная категориальная неопределенность современных отечественных исследований по экономическим проблемам приводит к массе несуразностей и частому взаимонепониманию наших авторов как в теоретическом аспекте, так и в плане разработок практических решений. В статье предлагается оригинальный подход к пониманию «экономических систем» для того, чтобы снять указанную неопределенность хотя бы относительно самого объекта исследования экономической теории.

Ключевые слова: экономическая система, системное свойство, выгода, классификация, силовая экономика, раздаточная экономика, денежная экономика, институциональная экономика.

Современные отечественные публикации по фундаментальным экономическим проблемам отличаются чрезвычайной понятийной размытостью и категориальной неотработанностью. Основная причина такого положения дел вполне очевидна: эпоха Советского Союза накладывала идеологический запрет на подобного рода исследования ввиду того, что «строителям коммунизма» совершенно необязательно заниматься закономерностями рыночной экономики. Следствием такого запрета стала полная зависимость современной российской

экономической мысли от англоязычных исследований. Категориальная неопределенность отечественных экономических публикаций колоссальна: пишут о «рынке», «конкуренции», «благах», «финансах» и т. п., имея при этом чрезвычайно размытые представления о предмете разговора — все больше не на уровне научных категорий, а на уровне художественно-образных сравнений. Для примера: «рынок — система экономических отношений купли-продажи товаров...», говорит нам Большой экономический словарь [1, 350], пожалуй, один из более-менее вразумительных источников. Но и здесь далее не поясняются термины, участвующие в приведенном определении: что такое «система», «экономика» и «отношения»? Эти и множество других терминов в отечественных экономических работах стали чем-то вроде «мусорной корзины», куда бросают все, что непонятно: чуть что — да это такая «система», это такие «отношения» и проч. Если рынок действительно «совокупность экономических отношений», как указано в вышеприведенном определении, то как, например, можно измерить объем рынка или его насыщенность? Как можно измерить объем и насыщенность отношений?

В данной статье я и хочу определиться хотя бы с одним из подобных часто употребляемых терминов — с термином «экономическая система». Его, пожалуй, употребляют все, но о чем идет речь реально, мало кто задумывается: экономические системы есть, а что это такое — и так всем известно. Подобная позиция прослеживается фактически во всех публикациях, хотя вполне очевидно напрашивается вопрос: что «системного» в системе, в чем ее суть? Именно это положение дел сформировало ситуацию, в которой авторы отечественных изданий пишут об «экономических системах», дают их классификацию, но на деле оказывается, что они говорят о разных вещах. Отсюда возникают серьезные разночтения и совершенно *несопоставимые классификации* экономических систем, среди которых невозможно выделить наиболее предпочтительные, их даже невозможно сравнить друг с другом, так как *отсутствует общее основание* для сравнения, на котором можно было бы эти сравнения провести. Кто-то (например, известный даже по учебной литературе немецкий экономист Ф. Лист) классифицирует экономические системы по «отраслевому признаку» и выделяет пять их разновидностей, кто-то (опять же небезызвестный К. Маркс) их классифицирует по «способу производства» и выделяет три вида, кто-то (марксисты-ленинцы) — по классовым отношениям в «общественно-экономических формациях» и выделяет пять видов, но уже других, не таких, как у Ф. Листа, и т. д. Все эти разногласия — из-за неопределенности в упомянутых концепциях: не определено само понятие «экономическая система». Необходимо найти единое основание для классификации экономических систем, а таким основанием, на мой взгляд, будет их сущность. На сегодняшний день в отечественной литературе нет ни одного исследования, в котором бы предметом анализа была именно сущность экономической системы.

Надо сказать, что «системность систем» в советской науке анализировалась достаточно подробно, но вне связи с экономическими проблемами, в рамках так называемых фундаментальных системных исследований, имеющих больше кибернетическую, философскую и другую основу. Фактически этот анализ

проводили на материале естественных наук. Конечно, в небольшой статье я не смогу описать результаты данных исследований, поэтому ограничусь только основными положениями.

Системность придает объекту «целостность». А целое, в свою очередь, это не просто совокупность частей. Человек не совокупность рук, ног, туловища, головы, внутренних органов и т. п. Если все перечисленное свалить в кучу, человека еще не получится, нужно определенное их соединение, какая-то «конструкция», конструктивная идея, которая придаст указанной совокупности «целостность». Причем эта «целостность» не теряется, даже если какие-то элементы из системы убрать: человек без руки, например, тоже человек. Другими словами, для того чтобы сформировалась система, мало одних ее элементов, необходимо еще что-то, что объединит их вполне определенным образом. И это не какой-то «дополнительный элемент», а *некоторое «свойство», которое появляется в результате «правильного соединения» имеющихся элементов*. Данное свойство так и называют — «системное свойство». Исходя из этого можем сформулировать и рабочее определение: *система — это совокупность элементов, соединенных таким образом, что у этой совокупности появляется свойство, отсутствующее у каждого элемента в отдельности*. Формулировки могут быть различными, но главное здесь: ни у одного элемента данного свойства нет, а если их соединить «правильно», это свойство появляется. Откуда оно появляется и как, пока вряд ли кому достоверно известно, ученые используют в данном случае понятие «синергетический эффект». Я не буду углубляться в тонкости данного феномена, констатирую только факт, что «системность» системе придает «правильная» (т. е. определенная) организация элементов и выражается эта «системность» в появлении определенного «системного свойства», которое и отличает одну систему от другой. Например, пианист и пианино на концерте — система из двух элементов. Обратите внимание, что ни в пианисте, ни в пианино по отдельности музыки нет, а вот если их соединить определенным образом, появляется то, чего не было ни там ни там, — музыка.

Еще один вопрос для раскрытия темы данной статьи: что «экономического» в экономической системе? Другими словами: чтобы найти основание классификации экономических систем, необходимо выявить суть, специфику экономики, всего «экономического».

На сегодняшний день в отечественных публикациях стало фактически общепринятым определять экономику как «управление хозяйством». Такое представление об экономике сложилось в результате перевода древнегреческого термина. В свое время Ксенофонт впервые предложил термин «экономия» — закономерность (номос) ведения домашнего хозяйства («ойкос» — место, где живет человек, где он хозяин, хозяйство). Однако тем, кто хорошо знаком с иностранными языками, известно, что дословный перевод, вообще-то, в принципе невозможен: каждый термин содержит в себе огромный пласт той национальной культуры, в которой он зародился, а культуры очень сильно отличаются друг от друга. Это относится и к термину «экономика»: чтобы понять его смысловое содержание, необходимо вспомнить принципиальные положения древнегреческой культуры.

Древние греки жили в «космосе», мир для древнего грека — это «космос». В смысловом переводе на современный русский язык «космос» — это «порядок». «Порядком» свой мир древние греки считали потому, что, с их точки зрения, в мире каждая вещь занимает свое собственное, не чужое, место: в мире все расставлено по своим местам, все «разложено по полочкам», поэтому мир прекрасен, конечен и божествен. В мире все в порядке. И таковым мир является потому, что миром управляет «номос» («нус» и т. п.) — закон природы, природная закономерность. Отсюда и смысловое наполнение термина «экономика»: если человек будет управлять своим домом, хозяйством («ойкос») в соответствии с этим законом («номос»), то мир («космос») будет к нему благоденствен, человеку всегда будет в нем хорошо, он всегда будет иметь для себя какую-то выгоду. «Выгода» от «закономерного управления хозяйством» — это как раз та смысловая нагрузка, которую накладывает древнегреческая культура. В результате, с учетом специфики культуры, породившей термин «экономика», можно сформулировать его смысловой перевод на современный русский язык: *экономика — это управление хозяйством с выгодой*. «Выгода» — это именно то, что отличает экономику от «неэкономики». Точно так же, как, например, числа отличают математику от «нематематики», нормы поведения человека отличают этику от «неэтики», стремление к прекрасному отличает эстетику от «неэстетики», превращения веществ отличают химию от «нехимии» и т. п. Другими словами, «выгода» — это основа экономических проблем и экономических изысканий, это фундамент всех экономических процессов. Получаем еще один результат: именно «выгода» отличает и экономические системы от всех других систем, это «системное свойство» всех экономических систем, это их сущность.

Итак, «экономическая система» отличается от других систем в первом приближении своим «системным свойством», которое мы рассмотрели выше, а именно — «приносить выгоду». Другими словами, экономическая система — это *система, приносящая кому-то выгоду*. Выгоду же ее получатели приобретают в процессе перераспределения (алокации) экономических ресурсов между экономическими субъектами. Данное положение является общепринятым в современной экономической литературе: «алокация» (перераспределение) ресурсов — основной метод осуществления всех экономических процессов. Это перераспределение может происходить по-разному: посредством сделок, приказами государства, с помощью применения вооруженной силы и т. п., но это все равно «перераспределение ресурсов». Отсюда сформулируем и определение: *экономическая система — это форма перераспределения экономических ресурсов на определенной территории, приносящая выгоду экономическим субъектам*.

Даже небольшой обзор литературы по истории экономики даст еще один вполне очевидный вывод: экономические системы могут возникать всего двумя способами — либо «естественным» образом (как говорят — «снизу»), в ходе нормального исторического развития общества, либо силовыми методами («сверху») в ходе радикальных политических преобразований (государственные перевороты, революции, войны и т. п.), как это было, например, в Чили времен Пиночета или в России большевистского периода. И в зависимости от

вновь формирующегося политического режима государства перераспределение ресурсов осуществляется либо в ходе свободной экономической деятельности граждан, решающих проблемы собственной выгоды самостоятельно, «на свое усмотрение», либо волевыми предписаниями государственных органов, которые навязывают свое видение «выгоды» для населения страны.

В результате получаем основной *критерий классификации* экономических систем в исторической ретроспективе: системы делятся в зависимости от того, как в ту или иную историческую эпоху понималась самая фундаментальная для экономики вещь — «выгода». В рамках подобной теоретической ретроспекции выделяются четыре основные экономические системы.

Исторически *первой экономической системой* была так называемая «силовая экономика». Для лучшего образного восприятия и лучшего запоминания ее можно назвать системой «Еда» — по тому самому пониманию выгоды, которое господствовало в то время. Выгода здесь понималась как *обеспечение элементарных физиологических потребностей* человека. Это временной период с момента появления человека на Земле и формирования общества примерно до Рождества Христова. В данный период наиболее острая проблема человечества — проблема выживания Рода, самым выгодным считается то, что обеспечивает потребности в еде, воде, одежде, жилище и т. п. Основной метод регулирования экономических отношений — *милитаризм* (лат. «военщина»), т. е. применение грубой вооруженной физической силы в перераспределении ресурсов. Основные экономисты в данный период — люди, которые наиболее успешно применяют вооруженную силу для выгодного для них перераспределения ресурсов. Именно поэтому основные экономические источники того времени — жизнеописания великих воинов, вождей, царей и т. п. и описание их подвигов, т. е. описание того, как перераспределялись ресурсы.

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство: в современной литературе по экономике очень часто можно встретить утверждения, что в это время, мол, не было денег, не было товарного обмена и проч., следовательно, не было экономики, она еще только зарождалась. Такие рассуждения вряд ли можно воспринимать всерьез. В то время хозяйство у людей было. Это вполне очевидно. И управляли люди своим хозяйством для получения выгоды. Вряд ли можно сформулировать для управления хозяйством другую цель. Мало того, данная экономическая система в сотни раз по времени своего существования была длительнее всех остальных, а значит — устойчивее. Экономическая система была. Конечно, не такая, как сейчас в большинстве стран, другая — но была. У нее были иные принципы функционирования, но суть была та же, что и в других экономических системах: *приносить выгоду, но своими* средствами. Именно этим она отличается от всех других экономических систем: у нее свое, специфическое, системное свойство, которое является разновидностью системного свойства любой экономической системы — получение выгоды. Системное свойство здесь (форма перераспределения экономических ресурсов, отличающая данную экономическую систему от других, т. е. свойство, которое является основным для организации общественной жизни в то время) — «война», силовые отъем и перераспределение ресурсов. В это время тот, кто лучше остальных

ных владел мечом, и был главным экономистом, человеком, наиболее выгодно перераспределявшим ресурсы. Вряд ли будет корректным сначала попытаться приписать этой экономической системе черты современной экономики («в экономике должны быть деньги, товары, обмен, торговля и т. д.»), а потом пробовать их там найти и, не найдя, говорить, что экономики не было. Экономика была. Сложившаяся, развитая, устойчивая, но — другая.

На смену силовой экономике приходит исторически *вторая экономическая система*: раздаточная экономика. Она начала складываться в период отмирания силовой экономики. Ее можно назвать системой «Статус». Временной период — примерно с Рождества Христова до XIV в. н. э. Основное понимание выгоды в это время — *обеспечение достойного положения в обществе*. Проблема выживания человеческого Рода здесь уже не стоит, еды, одежды и жилья хватает в основном на всех, и выгодным люди начинают считать то, что им обеспечит достойный социальный статус. В качестве основного метода регулирования экономических отношений формируется *вассалитет* — система распределения экономических ресурсов посредством их раздачи ближайшим соратникам (друзьям) в ответ за преданную военную службу и материальное обеспечение. Это были именно «дружеские» отношения. Само понятие дружбы складывается как раз в данной системе и означает собой отношения «сильного» (сюзерена) и «слабого» (вассала), при которых сюзерен обеспечивал вассалу «иммунитет» — защиту, а вассал и лично, и своим имуществом выполнял основную свою дружескую функцию — быть верным солдатом на службе у сюзерена. И тот, кто ближе к последнему (близкий друг), тот получал более высокий социальный статус и соответственно большую долю экономических ресурсов, имея возможность раздавать ее собственным вассалам. Так складывается «феодалная иерархия». Отсюда и системное свойство этой экономической системы (форма перераспределения экономических ресурсов, отличающая данную экономическую систему от других) — *«раздаток»*, т. е. узаконенный сбор и передача в пользование земли, населения, продуктов и других ресурсов ближайшим соратникам («друзьям»).

Здесь надо обратить внимание на то, что ни в силовой экономике, ни в раздаточной экономике деньги почти никакой существенной роли не играли: если у тебя ни копейки в кармане, но ты «барон» — у тебя и так все будет. Мало того, деньги и в первой, и во второй экономической системах считались «презренным металлом», а люди, которые были вынуждены заниматься денежными операциями, всеми презирались. Это было, пожалуй, самое презренное занятие в то время. С такими людьми не церемонились, считая их «бросовыми» представителями человеческого рода, низшими существами.

Третья экономическая система: денежная экономика. Это первая экономическая система, где деньги фактически решают все. Ее можно назвать системой «Прибыль». Временной период существования — с XV в. до наших дней. Основное понимание *выгоды* — *обеспечение денежного богатства*. Здесь слово «продажный» означает «качественный», нужный людям, то, что хорошо продается, за что (или за кого) люди готовы платить — в отличие от предыдущей экономической системы, где этот термин имел прямо противоположный смысл.

В предыдущих системах «продажный» — значит за «грязный металл» отдавший свою душу и честь. Продажный — значит предавший интересы друга (сюзерена). Здесь же все наоборот: продажный — значит имеющий большие перспективы, востребованный. Эта экономическая система существует и по сей день, видимо, в большинстве стран мира. Основной метод регулирования экономических отношений — *сеньораж*, т. е. монополия на производство денег и контроль их количества. Системное свойство (форма перераспределения экономических ресурсов, отличающая данную экономическую систему от других) — «рынок», т. е. перераспределение ресурсов посредством осуществления покупок. В данной системе, будь ты хоть королем по социальному статусу, если у тебя ни копейки, с тобой никто не будет разговаривать всерьез, так как ты ничего «не стоишь».

И *четвертая экономическая система*: институциональная экономика, или система «Власть». Данная система только начинает складываться, причем в наиболее экономически развитых странах, поэтому более или менее полно ее вряд ли кто сможет описать, но главные тенденции уже видны. Первая: деньги перестают играть свою ведущую роль в экономическом регулировании, они постепенно уходят в прошлое, становятся, как говорят, «виртуальными» (*почти существующими* — термин взят из физической теории). Вторая: основное понимание выгоды — *обеспечение контроля над как можно большим количеством людей*. Третья: основным методом регулирования экономических отношений становится *институционализм*, т. е. использование «общественных институтов». Современным «денежным мешкам» уже малоинтересно, потеряют они, скажем, за месяц полмиллиона долларов или приобретут. Главное для них — обеспечить нормальное функционирование их «империи» (скажем, Майкрософт) и создать условия для ее расширения. И они все более часто начинают применять общественные институты.

По поводу последних в современной литературе идет оживленная дискуссия: что это такое и как их применять наиболее эффективно? Данная проблема является предметом специального исследования. Не внедряясь в этот интересный диспут, сформулируем следующее понимание общественных институтов: *институты — это привычные, закрепленные в культурной традиции или в формальных нормативных актах государства (законах) способы поведения людей в определенных ситуациях* (например, институт семьи — правила поведения людей в семье; институт собственности — нормы поведения собственника ресурсов и т. п.). Данное определение фактически не противоречит ни одному из существующих в литературе и, пожалуй, содержит мысль, имеющуюся во всех концепциях «общественных институтов». Отсюда и системное свойство данной экономической системы (форма перераспределения экономических ресурсов, отличающая данную экономическую систему от других) — *создание и функционирование «институционального поля»*, т. е. функционирование системы общественных институтов как основных факторов максимального удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей. Институт профсоюзов, институт акционирования, институт диверсификации монополий, институт «рабочих кружков качества», институт «соцпакетов», институт корпоративной

культуры, институт пожизненного найма, институт преданности фирме и многие другие.

Здесь, на мой взгляд, необходимо акцентировать еще одно положение. Главное, чем занимаются экономика и экономические системы, это не «производство, распределение и потребление товаров», как это можно увидеть во многих отечественных публикациях, интуитивно основывающихся на марксистской концепции экономики капитализма. Главное для любой экономической системы — это именно *перераспределение ресурсов*. А вот форма их перераспределения и отличает одну экономическую систему от другой. Вполне очевидно, что ресурсы можно и не «производить», а, например, «присваивать» (присваивающее хозяйство), как это было в силовой экономике. Но без «перераспределения» ресурсов невозможно ни «управление хозяйством», ни тем более «получение выгоды».

Другими словами, «производство» — это второстепенная проблема экономики, имеющая первостепенное значение только во «вторичном хозяйстве» (используя терминологию К. Маркса), т. е. в хозяйстве «производящем» (в отличие от хозяйства «первичного» — первобытнообщинного или «третичного» — коммунистического). Да и первостепенное значение «производство» имеет только на ранней стадии капитализма, которая отличается так называемым «рынком производителя», ситуацией дефицита товаров, делающей «производителя» главным субъектом, способным решать вопросы удовлетворения потребностей населения страны. Более развитый капитализм, отличающийся «рынком потребителя», первостепенной проблемой ставит уже не «производство», а «потребление», интересы рынка, домохозяйств. Главным субъектом здесь является «потребитель», он решает и что производить, и как потреблять. Однако формы «перераспределения» ресурсов ни там ни там не теряют своего фундаментального значения. Именно они и приносят «выгоду» — и в условиях рода (племени), и в условиях социальной группы, и в условиях предприятия, и в условиях домохозяйства и страны, и в международном масштабе и проч.

Таким образом, ни «способ производства» (сочетание «базиса», «надстройки» и др.), ни «способ потребления» («вынужденный» в условиях дефицитной экономики или «статусный» в условиях «рынка потребителя»), ни преобладание какой-либо «отрасли» в хозяйстве, ни что-то иное не дадут «сути экономической системы». Только «форма распределения» (системное свойство соответствующего хозяйства) может здесь помочь. Причем именно такая форма перераспределения, которая приносит выгоду, это суть экономики. Попутно стоит обратить внимание еще на одно совершенно неясное словосочетание, используемое в отечественных публикациях: «внеэкономическое принуждение». В аспекте предлагаемых в данной статье идей данное словосочетание наполняется вполне определенным смыслом: внеэкономическим принуждением является то, которое не дает объекту принуждения *никакой выгоды*, конечно же *по его оценке*. Все остальное — это формы «экономического принуждения». Как бы они ни назывались — мотивация, стимулирование, идеи патриотизма, альтруизма и проч., это формы «принуждения», формы внешнего влияния, заставляющие

человека осознать собственную *выгоду* и предпринимать в связи с этим определенные действия (или ограничиться бездействием).

И если для классификации экономических систем в историческом ракурсе брать самую фундаментальную для экономики категорию — категорию «выгода», то мы получим четыре рассмотренные в нашей статье экономические системы. Причем эта классификация, на мой взгляд, является *достаточно обоснованной* и намного более эвристичной, чем те, которые существуют на сегодняшний день и отличаются фрагментарностью и почти *полной необоснованностью*; почему нужно брать «отраслевой признак» или какой-либо другой, если есть сущность экономической системы (понятие выгоды)? Для примера: в качестве основы классификации современных автомобилей можно брать и их дизайн, и расположение багажника, и величину колес, и количество выхлопных труб, и многое что еще. Но главным для подобной классификации останутся мощность, комфортность, экономичность и цена. Все остальное второстепенно.

Так же и с экономическими системами. Конечно, их можно классифицировать и по отраслевому признаку, и по способу производства, и по классовой структуре, и по национальному признаку и т. п., но главным для «сущностной», основной, классификации останется то, что *их следует различать по «системному свойству»* — пониманию «выгоды» в тот или иной исторический период.

---

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 1994.

УДК 001.894 + 330.101.8

М. А. Лукьянец

ТЕОРИЯ ИННОВАЦИЙ, БАЗИСНОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ В РАЗВИТИИ НАУКИ, – ОСНОВА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья позволяет выявить самую суть понятия «инновация» для того, чтобы в последующем сформировать представление об инновационной экономике, в условиях которой развивается современное общество. Показана возможность отслеживания смысловой трансформации данного понятия с течением времени, начиная с момента его возникновения – формирования самой теории инноваций, вплоть до современных и перспективных (имеющих реальные предпосылки) проявлений в экономике.

Ключевые слова: фундаментальная наука, постиндустриальное общество, инновация, базисные инновации, инновационная экономика, циклы конъюнктуры, технологический уклад, эпохальное нововведение, поддерживающая инновация, интегральный социокультурный строй, ноосфера, многополярное мироустройство.

Анализируя рост числа наукоемких производств за последние десятилетия, можно прийти к выводу, что наука приобретает все более важную роль в развитии экономики и уже не только уровень развития государства влияет на науку, а именно степень развитости науки задает скорость прогресса страны. В современных условиях результаты фундаментальных исследований, важнейших прикладных исследований и разработок служат не только основой экономического роста государства, но и определяют уровень его конкурентоспособности в мировом сообществе, степень обеспечения национальной безопасности, степень интеграции в мировую экономику, устойчивость и поступательность развития.

Наука является основой для появления новых идей, разработок в любой сфере деятельности, в том числе и в экономике. *Наука первична, экономика вторична. Наука – наиболее основательная форма богатства. Она является как продуктом, так и производителем богатства.* Само формирование теории инноваций можно рассматривать как базисное нововведение в развитии науки [3, 306].

Тенденция развития ведущих индустриальных стран последнего десятилетия все нагляднее демонстрирует непосредственное влияние научно-технического прогресса на экономический рост и повышение благосостояния населения. Достижения науки и техники являются первоисточником инноваций и выступают ключевым фактором улучшения качества продукции и услуг, экономии трудовых и материальных затрат, роста производительности труда, совершенствования организации производства и повышения его эффективности.

Таким образом, становится ясно, что в нынешний век основой прогресса экономики становится *фундаментальная наука как поле для инноваций, с одной стороны, и как первоисточник инноваций* и одна из стратегических составляющих развития всего общества, с другой.

В обеспечении динамически устойчивого развития мировой экономики первостепенная роль принадлежит инновациям, способным обеспечить непрерывное обновление технической и технологической базы производства, освоение и выпуск новой продукции.

В последнюю четверть XX в. человечество вступило в новую стадию своего развития — стадию построения постиндустриального общества. Ее конечным результатом, должно стать создание новой формы организации экономики — инновационной.

Анализ результатов исследований отечественных и зарубежных ученых по данной проблеме однозначно говорит о том, что создание инновационной экономики является стратегическим направлением развития нашей страны в первой половине XXI в. Если Россия не включится в этот процесс, не сформирует инновационную экономику, она окажется на обочине мирового технологического переворота.

В свою очередь, построение инновационной экономики невозможно без исследования теории инноваций, являющейся ее основой.

Руководящие работники часто недооценивают теорию, слово «теоретический» означает для них «неприменимый на практике». Хотя большинство руководителей не считают себя теоретиками, тем не менее при составлении бизнес-плана или, предпринимая какие-либо действия, они подсознательно руководствуются усвоенными когда-то теориями, т. е. являются активными «потребителями» теории. Именно эти теории, в которых накоплен большой опыт, заставляют руководителей верить в то, что их действия приведут к желаемому результату.

Некачественная классификация бизнес-ситуаций зачастую становится причиной того, что одним и тем же рекомендациям следуют при совершенно разных обстоятельствах, что, в свою очередь, приводит к бесчисленным печальным результатам. Это свидетельствует о том, что необходимо правильно классифицировать бизнес-ситуации, описанные в теориях, и глубоко осознавать суть теории, не забывая о том, что в некоторых обстоятельствах «теоретическая панацея» может принести только вред.

Все вышесказанное и обусловило актуальность изучения теории и истории инноваций как основы для понимания и построения инновационной экономики и перехода на инновационное развитие человеческого общества.

Раскрывая в данной статье сущность понятия «инновация», появляется возможность для формирования понимания инновационной экономики, начиная с момента возникновения возможности ее появления, а именно формирования теории инноваций и ее дальнейшего развития вплоть до наших дней.

Инновации существуют многие тысячи лет. Наши предки, которые применили каменные орудия, лук и стрелы, освоили скотоводство, земледелие, ремесло, строительство, создали государство, начали использовать деньги, построили религиозные системы и т. д. и т. п., занимались инновациями, изменившими общество, продвинули его вперед. Ученые, проводившие исследования в области роста экономики, отмечали, что на протяжении всего развития человечества движущей силой его развития были инновации. Нет ни одной сферы

деятельности, где изобретательный человеческий ум не стремился бы повысить эффективность сферы деятельности с помощью инноваций.

Несмотря на то, что инновационная практика существует много тысячелетий, как уже было отмечено, предметом специального научного изучения инновации стали лишь в XX в. Теория инноваций — дитя ушедшего века [3].

Экономика общества, основанная на знаниях, инновациях, на доброжелательном восприятии новых идей, новых машин, систем и технологий, на готовности их к практической реализации в различных сферах человеческой деятельности, *есть инновационная экономика*.

Она выделяет особую роль знаний и инноваций, прежде всего знаний научных. В инновационной экономике прибыль создается не за счет материального производства и не за счет концентрации финансовых центров. В инновационной экономике под влиянием научных и технологических знаний традиционные сферы материального производства трансформируются и радикально меняют свою технологическую основу.

Инновационная экономика позволяет генерировать избыточный поток инноваций, постоянно задавая следующую планку в технологическом соревновании. Некоторые исследователи считают, что для большинства развитых стран в современном мире именно инновационная экономика обеспечивает мировое экономическое превосходство страны, которая ее воплощает. В настоящее время развитие инновационной экономики вошло в повестку дня лидеров многих развитых стран (США, Финляндия, Израиль, Швеция и др.).

В основе теории инновационного пути развития экономики лежит понятие «*инновация*» (*нововведение*), которое рассматривается как внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов, видов, способов повышения результативности этой деятельности [Там же, 9].

Инновация — это во-первых, новшество, т. е. новый или усовершенствованный продукт, услуга, технология, внедренные на рынке, в производственно-хозяйственной деятельности, потреблении, общественной жизни; во-вторых, это процесс осуществления изменений, внедрения новшеств [2].

Инновация создается в результате исследований и открытий, материализует научные и практические решения. Ее основное свойство — новизна, которая оценивается как по техническим параметрам, применимости, так и с рыночных позиций по коммерческой результативности.

Экономические нововведения находят выражение в использовании более эффективных форм организации, специализации, кооперирования, концентрации, диверсификации производства, методов организации труда, новых финансово-кредитных институтов и инструментов, видов ценных бумаг, управления экономическими процессами, прогнозирования их динамики и изменений конъюнктуры и т. д. [3, 13].

В формировании и развитии теории инноваций вырисовываются три значимых этапа: 10–30-е гг. — формирование фундаментальных основ теории (период базисных инноваций в этой сфере научного познания); 40–60-е гг. — развитие и детализация базовых инновационных идей предыдущего периода; с середины 70-х гг. — новый теоретический прорыв, связанный с освоением и

распространением пятого технологического уклада [3, 18]. Рассмотрим главные особенности каждого периода.

Формирование основ теории инноваций происходило в рамках становления общей теории циклов и кризисов прежде всего в экономической и технологической сферах. Мощный краеугольный камень в фундамент теории инноваций заложил Н. Д. Кондратьев. Он обосновал закономерную связь «повышательных» и «понижательных» волн больших циклов конъюнктуры с волнами технических изобретений и их практического использования: «Перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом ее начале, наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества. Эти изменения обычно выражаются (в той или иной комбинации) в глубоких изменениях техники производства и обмена (которым, в свою очередь, предшествуют значительные технические изобретения и открытия), в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни» [1, 370].

В мировой экономике — пять технологических укладов (волн) длительностью 40–60 лет.

Первая волна (1785–1835) отражает бурное развитие новых технологий текстильного производства. Вторая волна (1830–1890) связана с изобретением парового двигателя, развитием железнодорожного транспорта и механического производства. Третья волна (1880–1940) базировалась на промышленном применении электроэнергии, развитии тяжелого машиностроения, концентрации промышленного и финансового капитала. Четвертая волна (1930–1990) характеризуется дальнейшим развитием энергетики на основе использования нефти, газа и нефтепродуктов, а также атомной энергии. Организовано массовое производство, сформировались крупные транснациональные компании. Современные достижения в сфере космонавтики, микроэлектроники, информатики, телекоммуникаций и геномной инженерии формируют пятую волну (1985–2035) — новый технологический уклад. На данном этапе происходит переход корпораций на новые формы электронного бизнеса, формируются глобальные системы производства и распространения знаний.

Н. Д. Кондратьев увязывает эти волны с радикальными переменами во всех сферах жизни общества. Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн. Согласно одному из высказываний, война есть двигатель прогресса; по Кондратьеву, война и иные социальные потрясения являются не исходными силами процесса развития, а формой его проявления.

Основоположником теории инноваций считается Йозеф Шумпетер, который подхватил и развил основные идеи Н. Д. Кондратьева в этой области. Шумпетер сконцентрировал свое внимание на экономических инновациях, высоко оценил роль предпринимателя — новатора в экономическом прогрессе. Функция предпринимателей заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых товаров новым способом,

открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль и т. д. Начало строительства железных дорог, производство электроэнергии перед Первой мировой войной, энергия пара и сталь, автомобиль, колониальные предприятия — все это яркие образцы большого семейства нововведений, включающего также и бесчисленное множество более скромных и менее значимых — начиная с выпуска новых сортов колбас или оригинальных зубных щеток. Именно такого рода деятельность и есть главная причина периодических «подъемов», революционизирующих экономический организм, и периодических «спадов», возникающих вследствие нарушения равновесия при производстве новых товаров или применении новых методов.

Второй период развития теории инноваций — с 40-х до середины 70-х гг. — не характеризуется столь фундаментальными прорывами в этой области познания. Этому помешали Вторая мировая война и послевоенная гонка вооружений, когда усилия были направлены на освоение и распространение базисных инноваций четвертого кондратьевского цикла и адекватного ему технологического уклада. Исследования носили более практический, прикладной характер.

В этот период большое внимание уделялось взаимосвязи инноваций с экономическим ростом. Этой проблеме была посвящена нобелевская лекция Саймона Кузнецца, прочитанная им в 1917 г. В ней сформулирован ряд подходов, развивающих идеи Й. Шумпетера и Д. Бернала.

С. Кузнец ввел понятие *эпохальных нововведений*. Они лежат в основе перехода от одной исторической эпохи к другой. Это наиболее крупные нововведения, которые осуществляются раз в несколько столетий, длятся десятилетиями, ведут к глубоким трансформациям той или иной сферы жизни общества и знаменуют переход к новому технологическому или экономическому способу производства [1]. Так, революционное ускорение темпов экономического роста в индустриальную эпоху вызвано, по мнению С. Кузнецца, тем, что новым источником роста стало ускоренное развитие науки. *Массовое применение технологических нововведений тесно связано с прогрессом науки, который образует основу дальнейшего технического прогресса.* Применение нововведений не только дает дополнительные экономические ресурсы для фундаментальных и прикладных исследований капитала, но позволяет создавать и новые эффективные средства для исследований.

В свою очередь, технологические нововведения взаимосвязаны с нововведениями в других сферах общества. Постоянное их появление является главным фактором воздействия на структуру экономики и общества, ведет к нововведениям в области права, в институциональных структурах и даже идеологии.

Одно из высказываний Джеймса Брайта, на мой взгляд, достаточно полно характеризует уникальную роль инноваций в развитии общества: «Единственный в своем роде процесс, объединяющий науку, технику, экономику, предпринимательство и управление, это процесс научно-технического нововведения. В нем воплощаются те знания, которые компетентный руководитель, эффективно работающий ученый, умный чиновник и просто образованный член

общества должен иметь завтра. Это процесс преобразования научного знания в физическую реальность, изменяющую общество» [3, 29].

Современный этап в развитии теории инноваций ведет отсчет с публикации монографии немецкого ученого Герхарда Менша «Технологический пат: инновации преодолевают депрессию» и последовавших за ней публикаций и международных конференций, посвященных теории длинноволновых колебаний в экономике.

В разработку теории циклов и инноваций активно включились советские ученые. Серию монографий опубликовал Ю. В. Яковец, в них инновации рассматривались как неперенная часть научно-технических и экономических циклов, основа выхода из кризиса; исследовалась взаимосвязь научных, технических, инновационных, экономических, образовательных, организационно-управленческих циклов и их инновационных фаз. Была исследована взаимосвязь циклической динамики науки, изобретений, нововведений и смены поколений машин и технологических укладов. Отмечено, что *нововведения — качественные изменения в производстве — могут относиться как к технике и технологии, так и к формам организации производства и управления.*

Новая волна в развитии теории инноваций связана с глубоким кризисом мировой экономики в середине 70-х и начале 80-х гг., обусловленным переходом к пятому кондратьевскому циклу. Этот переход происходил на фоне мирового энергетического кризиса: индекс мировых экспортных цен за 1971–1980 гг. повысился в 8,1 раза, в том числе на сырьевые товары — в 14,1 раза, на продукцию сельского хозяйства — в 8 раз, на готовые изделия — в 6,3 раза [Там же, 33].

Улучшение мировых экономических показателей в 90-е гг. ослабило внимание ученых к теории инноваций, выдвинуло на первый план прикладные проблемы освоения и распространения поддерживающих инноваций. Однако мировой экономический кризис 2001–2002 гг., знаменующий переход к понижающей волне пятого кондратьевского цикла, вновь поставил задачу освоения кластеров базисных инноваций, обеспечивающих переход к шестому технологическому укладу, адекватному постиндустриальному технологическому способу производства. Мировой финансово-экономический кризис конца 2008 г. еще более остро ставит эту проблему, заставляя всех без исключения задуматься о необходимости незамедлительного принятия адекватных мер, обеспечивающих переход к новому этапу развития. Как мы видим, за последние годы значительно вырос интерес к проблемам теории инноваций, к механизмам их освоения и распространения в условиях глобализации экономики, к теории циклов, кризисов и инноваций Кондратьева, Шумпетера, Менша. С уверенностью можно предвидеть, что интерес к проблемам теории инноваций будет только расти.

В заключение хотелось бы представить важнейшие, по моему мнению, имеющие реальные предпосылки инновации XXI в., характеризующие развитие как самих инноваций (увеличение их эффективности, расширение масштабов и сферы применения, скорости внедрения и т. д.), так и инновационного пути развития общества на их основе.

Основной эпохальной инновацией XXI в. будет *становление постиндустриального общества*. Главным здесь будет становление технологического и эко-

номического постиндустриальных способов производства, которые позволят максимально эффективно, своевременно и в полном объеме удовлетворять новые, растущие потребности общества.

Эпохальным нововведением является также *глобализация экономики и технологий*, которая будет продолжена. Рост глобального характера базисных инноваций ускорится. Будут развиваться *интеграционные тенденции*, а именно создание надгосударственных цивилизационных объединений типа Европейского союза, постепенное формирование всемирных институтов глобального гражданского общества (по примеру МВФ, Всемирного банка, ВТО, ООН и др.), которые могут принять на себя функции обеспечения глобального устойчивого развития и поддержки диалога, сотрудничества и партнерства цивилизаций и государств в решении возникающих проблем.

Важнейшей эпохальной инновацией станет *переход к ноосфере*, к позитивному ее варианту, обеспечивающему гармоничную коэволюцию общества и природы, масштабное использование возобновляемых источников энергии, безотходных и малоотходных технологий, последовательную замену природных источников сырья искусственными. Переход к ноосфере трансформирует все стороны жизни общества, вызовет волну экологических базисных и улучшающих инноваций.

Еще одной эпохальной инновацией будет *становление интегрального социокультурного строя*, который придет на смену двум основным течениям XX в. — буржуазному либерализму и марксистскому социализму. Интегрализм примет в наследство все самое ценное, что выработано этими течениями, отбросит все крайности, односторонности и положения, не отвечающие современным условиям развития общества. Также будет происходить *становление многополярного мироустройства* на базе диалога, сотрудничества и партнерства цивилизаций и народов, исключающего межгосударственные и межцивилизационные войны. Это найдет выражение в кластере базисных инноваций, направленных на формирование новой общенаучной парадигмы, на формирование системы образования с гуманитарно-ноосферной ориентацией, на сохранение культурного многообразия и наследия, на гуманизацию этики и религиозных учений, на распространение культуры мира и ненасилия.

Хотелось бы отметить, что реализация представленных выше нововведений, от которых будет зависеть будущее человечества, возможна лишь при условии участия в ней каждого здравомыслящего человека, ведь *творческий потенциал людей является главным двигателем развития!*

---

1. Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений : нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России / под ред. Ю. В. Яковца. СПб., 2003.

2. Уваров А. Ф., Осипов Ю. М. Понятие термина «инновация» в деятельности учебно-научно-инновационного комплекса // Инновации. 2006. № 2.

3. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. М., 2004.

ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008 + 316.722

С. Н. Амельченко

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДИФИКАЦИЙ СУЩЕГО И ДОЛЖНОГО В БЫТИИ КУЛЬТУРЫ

Категории «сущее» и «должное» традиционно используются в рамках этической рефлексии, что значительно сужает их содержание и блокирует их применение в гносеологическом анализе бытия культуры. Между тем этимологическая реконструкция данных универсалий и показ несхожих конфигураций в их взаимодействии при формировании различных типов культуры позволяют выявить дополнительные возможности в ее философском познании.

Ключевые слова: культура, сущее, должное, этимологическая реконструкция, структурный анализ, типология, код.

Этимологическая реконструкция и структурный анализ универсалий «сущее» и «должное»

Культура — развернутая во времени и пространстве онтологизация человеческих представлений о должном, его предметно-процессуальное воплощение в сущем, происходящее в интегральном единстве идеального и материального, субъективного и объективного, уникального и универсального. Сущее и должное являются базовыми атрибутами культуры, системообразующими конструктами ее бытия, определяющими специфику ее различных типов.

Между тем диалектическая связь данных универсалий в культуре не получила достаточно последовательного и исчерпывающего объяснения по ряду причин. Во-первых, указанные универсалии традиционно рассматриваются в рамках сугубо этической антитезы, в которой «должное предстает как всеобщее, абсолютное, истинное в человеческом поведении, а сущее — как частное, переходящее, обманчивое в нем» [9, 35]. Во-вторых, должное нередко относят к ряду феноменов, отсутствующих в реальной действительности и не доступных

для научно-теоретического познания, объектом которого с этой точки зрения может быть только сущее. В-третьих, отмечается, что даже если в истории философии познание должного и допускалось, то преимущественно в религиозно-идеалистическом ключе, в котором его смысл раскрывался в своде сакральных заповедей, а обоснованием их непререкаемого авторитета становилось сущее, представляемое в виде божественной реальности, бессмертной души, рая и пр. [34, 115].

Все эти подходы существенно затрудняли и ограничивали возможность введения понятий «сущее» и «должное» в терминологический инструментарий философии культуры. Тем не менее этимологическая реконструкция данных универсалий и их структурный анализ позволяют выделить дополнительные аспекты в философско-теоретическом познании культуры, расширить границы ее исследовательского поля.

Различные модификации *должного* были выявлены еще античной мыслью. Зенон из Китиона, который ввел данное понятие (*καθήκον*), отметил в его смысловой структуре *должное среднего уровня* (*μέσον καθήκον*), распространяющееся на все предпочтительное, соответствующее разным склонностям человеческой природы, и *должное высшего уровня* (*τέλειον καθήκον*), раскрывающееся в духовно совершенном, морально безупречном, безотносительно к возможности какого-либо его поощрения либо вознаграждения. Вслед за греческим мыслителем М. Т. Цицерон провел различие между *medium officium*, представляющим *выполнение практических задач*, и *perfectum officium*, указывающим на безукоризненность поведения человека, его нравственную доблесть в выполнении *морального долга* перед обществом. Последующее осмысление данной проблематика получила в работах И. Канта, который отметил двойное значение должного, увязав одно из них с инструментально-технической функцией и смыслом *гипотетического императива*, а другое — с морально-этической функцией и предписаниями *категорического императива* [15, 251]. Значимый вклад в разработку рассматриваемого вопроса в последние годы внес опирающийся на наследие И. Канта Ю. Хабермас, у которого различение модусов должного проходит по границе разделения *инструментального* и *коммуникативного* действия. Он отмечает, что первый вид человеческой активности оценивается по степени успешности достигнутых целей, эффективности решения стратегических задач. Другой вид активности предполагает совместные усилия действующих лиц, направленные на обретение взаимопонимания, поиск консенсуса, отсутствие которого ставит под сомнение правильность всех инструментально-технических практик и средств [38, 385].

Структурный анализ универсалии «должное» предполагает не только проведение ценностно-целевой дифференциации данного феномена, но и показ иных его модификаций. В одной из них должное предстает в *идеальном*, т. е. умозрительном плане, в виде целей, образов, а также безусловных ценностей, которыми может руководствоваться человек в своих действиях и поступках [4, 55; 2, 65]. Другая, *процессуальная* модификация должного раскрывает его специфику в нормативности человеческой практики, совокупности способов и приемов, позволяющих субъекту действия осуществлять задуманное [4, 87; 2, 65].

Наконец, в третьей, *опредмеченной* модификации рассматриваемая универсалия представляет то, что воспринимается «как должное» в его реализованной форме, становясь «ценностным, положительным, “нормальным” положением дел» [28, 123].

Из сказанного следует, что *должное является ценностно-смысловой матрицей культуры, формирующей критерии развития и пронизывающей все ее сферы*. Осознание должного придает осмысленность человеческому бытию, способствует его переходу из естественного состояния в культурное. Понимание различия между действительностью и ее умозрительной улучшенной модификацией способствует актуализации потенциальных сил и способностей субъектов культуры, придает импульс ее бесконечному движению, очерчивает перед ней новые перспективы. Стремление к сокращению дистанции между должным и сущим становится источником совершенствования культуры, при этом вторая из отмеченных универсалий требует отдельного рассмотрения.

Согласно суждению М. Хайдеггера «сущее есть все, о чем мы говорим» [32, 6]. К универсалии *сущее* применимо неисчерпаемое число истолкований, основные из которых также появились на заре философии и получили дальнейшее осмысление в интеллектуальной истории человечества.

Начало поливариантному пояснению понятия «сущее» было положено в философских учениях Древнего Востока и античного мира, в которых сложился *космологический* подход к осмыслению данной универсалии. В частности, в древнегреческой онтологии сущее было обозначено понятием *ἔν* и показано с двух сторон — как идеальная *умопостигаемая сущность мира* (элеаты, Пифагор, Платон) и материальное *многообразие разумной и одушевленной природы* (Анаксагор, Эмпедокл, Гераклит). При всем различии их взглядов на данную проблему эти мыслители сходились в признании *объективного сущего* как первоосновы универсума, всеобъемлющей полноты мирового совершенства, делающей возможным и человеческое существование.

Возникшая в недрах античной философии идея трансцендентного сущего была воспринята средневековыми мыслителями и представителями развивавшегося в последующие эпохи идеализма (Августин, Гегель, Соловьев). В их трудах сложились *теоцентрический* и *объективно-идеалистический* подходы, утверждавшие абсолютный статус сущего как *Бога, Сверхсущего, Первосущего*. Так, согласно высказыванию Августина, «лживы все люди, не знающие Бога, в зримых благах не могут они найти Его, Сущего» [1, 99]. В этой интерпретации сущее осознавалось как пространство вечных и непреходящих идеалов — истины, блага, добра и красоты, прикосновение к тайнам которых становилось высшим призванием человека, стимулом его духовного роста.

Иначе раскрывали смысл рассматриваемой универсалии философы, развивавшие суждения Аристотеля о «множественности видов сущего» и о том, что «из сущего в возможности» образуется «сущее в действительности». Из этого следует, что к сущему следует отнести не только трансцендентный, но и общественный мир, включающий персональные качества человека.

Берущий начало в данном положении *социальный* подход представляет в качестве подлинной (т. е. не первичной, но особо значимой для человеческого

существования) реальности *социальное сущее*. Таковым в трудах К. Маркса, Э. Дюркгейма, Э. Маркаряна и других исследователей выступает *совокупность общественных институтов и социальных систем*, организующих многообразие человеческой практики в целях сохранения и развития социального целого. На этой позиции именно *институциональное сущее является совокупным субъектом культуры*, определяющим диапазон возможностей каждого отдельного его представителя.

Иную трактовку сущего выдвинули представители *натуралистического* подхода, также имеющего длительную предысторию, но наиболее определенно выразившегося в суждениях А. П. Гольбаха, Ф. Ницше, З. Фрейда и др., усматривающих *сущее в материи человеческих потребностей*. Так, Гольбах утверждал, что поведение людей, их нравы объясняются человеческой физиологией, так как каждый индивид, являясь произведением природы, «объемлющей все сущее... есть чисто физическое существо» [8, 59, 60]. Здесь сложилась трактовка *антропологического сущего* как субъекта, руководствующегося в своих действиях личными интересами и способного соединять их со всеобщим благом.

Еще одну интерпретацию рассматриваемой универсалии следует выделить, исходя из высказывания Парменида, который объявил «разум мерилем истины в сущем» [24, 83]. В этом суждении открывается выход не только на трансцендентное, но и *мыслящее сущее — личность и человечество в целом*. На данных позициях, формируемых воззрениями И. Канта, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, возникает концепция сущего как *трансцендентального субъекта*, под которым понимается наделенный разумом и нравственной волей человеческий род и каждый отдельно взятый индивид, конституирующий в своем сознании значимость общечеловеческих идеалов и ценностей и руководствующийся ими в своих действиях и поступках.

Таким образом, *сущее представляет собой многомерную реальность, имеющуюся как во внешнем, так и во внутреннем мире человека. При этом именно в сопряжении с должным сущее становится субстанциальной основой культуры, а анализ их соотношения дает ключ к построению ее типологии.*

Типология как инструмент гносеологии культуры

К исследованию неоднородных процессов создания и развития культуры обращались многие мыслители, применявшие *метод типологии* — инструмент познания, который позволяет выделить, обобщить, сопоставить и привести в систему наиболее существенные черты локальных образований культуры. В гносеологических процедурах данные признаки получают фиксацию в типах — умозрительных теоретических конструкциях, создаваемых усилиями мысли философов, отличающих одни системные построения культуры от других.

В исследовательском поле философии имеется множество примеров использования указанного метода, различия между которыми были обусловлены выбором какой-либо универсальной черты (или совокупности черт) культуры в качестве системообразующего кода ее типологии. Такими базовыми основаниями в тех или иных концепциях становились специфика религиозных систем

(Вебер), доминирующий способ производства (Каган), способ обретения и передачи опыта (Конт, Маклюэн), этнолингвистические особенности и ареал формирования культур (Данилевский, Шпенглер), преобладающие в них ценностные установки (Сорокин) и пр.

Весьма влиятельными в XX в. (и в первую очередь в отечественной философии [14, 331–356]) были теории, у истоков которых находилось марксистское учение о смене социально-экономических формаций. По убеждению его создателей, интерес для научного познания представляет только «материалистическая связь людей между собой, которая обусловлена потребностями и способом производства... связь, которая принимает все новые формы» и вовсе не нуждается в какой-либо идейной «нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей» [19, 29]. На этих позициях складывалось представление о том, что именно вид хозяйственной деятельности, не зависящий от сознания материальный базис, тот или иной способ производства целиком определяют все остальные сферы человеческого существования и, следовательно, сущность рабовладельческого, феодального, капиталистического и иных типов культуры.

С критикой данной позиции еще в начале XX в. выступил М. Вебер, который отказывался видеть в идеях только «отражение» и «надстройку» над материально-экономическим базисом. Согласно его суждениям для того, чтобы сложился и стал преобладающим определенный образ жизни, включающий вид поведения и способ трудовой деятельности, он должен «сначала возникнуть... как мироощущение, носителями которого являются группы людей» [6, 77]. Характер создаваемой в их сознании той или иной картины мира и обуславливает тип создаваемой ими культуры. На исходе XX в. эта точка зрения получила развитие и в высказываниях некоторых российских мыслителей. В частности, В. С. Степин, обратившийся к данной проблеме, заявил: «Чтобы возник новый тип общества, должна возникнуть новая культурная матрица. Подобно тому как геном определяет, каким будет организм, так тип культуры определяет, как будет воспроизводиться деятельность человека» [27, 35].

Философы XX в. «ген» каждого определенного типа культуры, его код находили в различных факторах. В частности, О. Шпенглер утверждал, что «культура зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния вечно-детского человечества пробуждается и выделяется великая душа... Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она и остается привязанной, наподобие растения» [36, 184]. В этой теории специфика каждого типа определяется выбором символа, в котором наиболее органично проявляется «душа» какой-либо культуры (египетской, греко-римской, европейской и пр.), ее творческая жизнеспособность.

При всей оригинальности данной типологии она также не лишена недостатков, основным из которых является мистификация культуры, наделение ее живым одухотворенно-органическим началом, которое может быть свойственно только ее субъектам — носителям, трансляторам и творцам.

Существенный вклад в разработку метода типологии внес П. А. Сорокин, в концепции которого проводилась мысль о том, что «всякая великая культура... есть единство или индивидуальность, все составные части которого прони-

заны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность... Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [26, 429]. Это проявляется во всех ее составных частях и образует ее идеациональный, сенсетивный и идеалистический типы. Сорокин подробно описал формы и стили, в которые облакаются эти типы, но опустил анализ онтологической укорененности избираемых в них ценностей, их бытийных оснований.

Онтологические и деонтологические аспекты культуры затрагивал в своих трудах Г. Зиммель. Он заявлял, что «в каждой большой культурной эпохе можно уловить одну центральную идею», в которой «встречаются обычно чуждые друг другу бытие и долженствование» [13, 427]. Развивая свою мысль, Зиммель отметил, что в античном мире преобладала «идея бытия, единого субстанциального, божественного», получающего пластическое воплощение; христианское Средневековье на ее место «поставило понятие божества, источника и цели всей действительности»; в эпоху Возрождения высшее место заняло понятие природы, которая представлялась «безусловным, единственно сущим», а также идеалом, получающим воплощение в художественном творчестве. В дальнейшем, как показывает Зиммель, «преобладающее значение получает центральное понятие личного Я», а пришедший «XIX век создал понятие общества как подлинной реальности жизни... теперь выдвигается *требование* растворения личности в обществе, так как подчинение ему есть нечто абсолютное, заключающее в себе нравственное и всякое иное долженствование» [Там же, 497–498].

Таким образом, *универсалии сущее и должное эпизодически затрагивались философской мыслью в процессе теоретического познания культуры, но они не использовались в типологии как эффективном методе ее исследования.*

Модификации сущего и должного в типологии культуры

Сущее представляет собой бесконечное многообразие всего существующего, но только в соотношении с должным оно *означает пронизанную мыслью и охваченную деятельностью человека часть реальности, ее физическую и духовную, трансцендентную и трансцендентальную, социальную и индивидуальную составляющие, образующие в своей совокупности бытие культуры.*

Понятия «сущее» и «должное» являются конструктивными элементами мышления, моделирующими в сознании человека ту или иную картину мира и в ее контексте определяющими принципы жизнедеятельности субъекта, а также тип формируемой им культуры.

Многообразие раскрывающихся в этих универсалиях смыслов свидетельствует о высокой мобильности человеческого мышления, прокладывающего различные пути в процессах освоения действительности и обретения социально-значимого опыта. При этом *тот или иной гносеологический ракурс сущего определяет и смысл должного*, т. е. с тем, что осознается в качестве *подлинной реальности*, увязываются *идеалы, нормы, принципы и ценности* человеческого бытия, облакающегося в определенные типы культуры.

Как уже было отмечено, наиболее ранним подходом, затрагивавшим специфику сущего и должного, был *космологический*, представленный учениями

Востока и Античности. На этих позициях сущее рассматривалось как начало мироздания, основа бесконечного многообразия всего существующего. Так, в Упанишадах говорится, что все творения «имеют корень в Сущем, прибежище в Сущем, опору в Сущем» [29, 344].

В древнегреческой философии, в частности у Анаксагора, сущее — это простирающиеся во времени и пространстве миры, небосводы, охватываемые всеобъемлющим Умом. В высказываниях Ксенофана представлен пантеистический «бог-сущее», обладающий разумом, вечностью и «чувствительностью во [всех] частях» [30, 164–165]. На различие между незабываемой вечностью сущего и изменчивостью возникающих и исчезающих в нем сущих указывали Парменид, Платон и др. При этом Платон представил *сущее как идеальный проект мироздания* во всех составляющих его элементах: «Если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным» [22, 469].

В космологическом видении мира *источник должного усматривался в гармонии вселенной* и его смысл проявлялся в индийских представлениях о дхарме — всеобщем космическом законе самоорганизации сущего, несущем свод моральных правил и норм человеческой жизнедеятельности; китайском понимании дао — всеобщей закономерности бытия, содержащей принцип приведения всего в совершенное состояние; греческих размышлениях о Логосе — разумной силе, пронизывающей универсум и управляющей им.

В древней космологии сущее и должное были неразрывно связаны, обладали абсолютным статусом, поэтому в основе формирования культуры находилось благоговейное отношение к окружающему миру. С ним связывались представления о совершенстве бытия, а *создаваемый людьми порядок осознавался как его ценностная проекция свыше, извне*.

Идея трансцендентного сущего, выдвинутая школами Античности (Платоном, неоплатониками), получила осмысление в философии представителей *теоцентрического и объективно-идеалистического подходов*, развивавшихся в период Средневековья и в последующие эпохи мировой культуры. На этих позициях сущее осознавалось «единственной причиной разнообразия прекрасного и благого» и представало как сверхчувственный источник бытия, сообщающий всему существующему «присущие ему качества» [20, 91]. Сущее рассматривалось как пространство божественного, исключающее все негативное, которого, по утверждению Псевдо-Дионисия Ареопагита и иных религиозных мыслителей, «нет в сущем» [Там же, 58].

Любые проявления зла здесь объяснялись с позиций теодицеи, со ссылкой на иерархичную дифференциацию мирового совершенства, допускающего в своей полноте отступающие от благости вещи, и с указанием на акциденцию, свободу человеческой воли, которая сама по себе является благом, но обладает способностью следовать от истинного сущего в не-сущее.

На этих мировоззренческих позициях *источник должного полагается в трансцендентном сущем* — пространстве бесконечного совершенства, заключающем в себе истинное предназначение всего существующего. Здесь смысл должного

передается в своде сакральных заповедей и постулатов, предписывающих каждому индивиду руководствоваться ими в своей жизнедеятельности.

Открытие должного усилением религиозной веры, соединяющей интуицию и разум, позволяет избежать человеку, как утверждал Ф. В. Шеллинг, «ложного воображения и познания, направленного на не-сущее», и понять, что «истинное добро может быть вызвано только божественной магией, а именно непосредственным присутствием сущего в сознании и познании» [35, 1002–1003].

В русле указанных подходов утверждалась значимость перехода должного из объективного сверхчувственного «самого по себе сущего» в воспринимаемое «непосредственно сущее» в многообразии его объектов. Так, В. С. Соловьев, полагая, что высшее и неизменное «добро есть должное» [25, 205], доказывал, что оно включает в себе требование, которое выражается в том, чтобы осуществляться. Он заявлял: «Полнота добра... выражается в трех видах: 1) безусловно сущее, вечно действительное совершенство — в Боге; 2) потенциальное — в человеческом сознании, вмещающем в себе абсолютную полноту бытия как идею, и в человеческой воле, ставящей ее как идеал и норму для себя; наконец, 3) в действительном осуществлении совершенства или в историческом процессе» [26, 255].

На теологических и объективно-идеалистических позициях сущее и должное предстают в их целостном единстве, содержащем предельную полноту целей и смыслов всего существующего. Именно в этом трансцендентном мире видится исток культуры, ее исходящее свыше предназначение, выражающееся в том, чтобы приблизить человечество к образу божественного совершенства.

На данных позициях проводится мысль о том, что все непосредственно сущее несет в себе, по словам Ансельма Кентерберийского, «истинное или должное обозначение» и «говорит», что оно должно существовать» [3]. Согласно утверждению Г. В. Гегеля все действительное, будучи репрезентацией Абсолютной идеи, разумно. Данная закономерность относится и к *культуре, которая является имманентным моментом абсолютного* [7, 233], средством преодоления человеком своей единичности в процессе приобщения к целому.

В космологическом, теоцентрическом и объективно-идеалистическом понимании *культура является опосредованным действиями людей творением Ума, Логоса, Бога, Мирового разума.* На этих позициях воздвигнутый порядок наделяется священным статусом и его утверждению служит религиозное сознание, пронизывающее все сферы человеческой деятельности. Установленная власть обожествляется, а ее лики и мощь воспринимаются в качестве проводников небесного блага. Эталон человеческого существования мыслится в прошлом — «золотом веке предков», поэтому инновации пресекаются, а индивидуальная инициатива гасится в среде коллективистских отношений.

Сакрализация трансцендентного сущего и репрезентируемого в нем должного, становясь смысловым кодом культуры, ведет к образованию ее традиционного типа. В нем легитимизации заданного порядка служат религия, искусство и мораль, использующая приемы внушения и подражания. В этом случае нравственная норма, выражающая смысл должного, усваивается, как отметил И. Я. Лойфман, в ее «предметно-императивной функции», как жесткое

предписание социально-необходимого способа поведения, формулой которого является призыв «Будь как все!». В нем содержится основное положение моральности, возникшей, как пояснил Лойфман, «в первобытно-общинном строе, где формировался социальный тип естественного человека, сознание которого определяла конформистская установка» [17, 68].

Раскрытая система понимания сущего и нормативно-ценностного обоснования в нем должного свойственна всем этническим видам традиционного типа культуры, развивавшегося в древний период, достигшего апогея в эпоху Средневековья и сохраняющегося на периферии современной мировой культуры.

Наряду с отмеченными подходами в человеческом сознании складывались и иные тенденции, в соответствии с которыми основа должного и пространство сущего усматривались в сфере человеческого существования, где общество и личность осознавались не как объекты воздействия на них высшего разумного начала, а как деятельные субъекты культуры, самостоятельно определяющие смысловые приоритеты и ценностные ориентации своего бытия.

Начало *социальному* подходу к осмыслению сущего также было положено на ранних этапах человеческого существования в эпизодических, а затем и системных высказываниях о том, что в самом социуме формируются механизмы самоорганизации и саморазвития и он может выступать законодательной силой.

Одним из учений, очертивших данное направление, было конфуцианство, в котором традиционное понятие «дао» лишилось мистицизма, а «небо», как заметил Л. С. Васильев, «выступает не в виде божества, а верховного регулирующе-контролирующего начала» [5, 51]. В этой системе взглядов сущее мыслится в самой социальной среде, а должное усматривается не в совершенстве Абсолюта, а в деятельности людей на благо общества: «Фан Чи спросил учителя о мудрости. Учитель сказал: “Должным образом служить народу”» [11, 152].

Весьма значимы социальные позиции были у Аристотеля, отстаивавшего положение об общественной природе людей и необходимости активной реализации ими своих жизненных сил. В его понимании должное представляет собой социально-значимую деятельность, определяемую интересами общества, так как «прекраснее и божественней благо народа и государства» [4, 55].

Наиболее определенно специфика социального сущего и выводимого из него должного была раскрыта в воззрениях Нового и Новейшего времени. Так, Э. Дюркгейм заявлял: «Мы уподобляем реальность социального мира реальностям мира внешнего... Это значит... востребовать для первого уровня реальности, по крайней мере равного тому, который все признают за вторыми» [12, 8].

Многогранность социальной действительности обусловила различие точек зрения на то, что является ее основным атрибутом, субстанцией, обуславливающей целостное единство всех видов человеческой практики.

В марксистской философии основой социального сущего является материально-экономический базис, выражающий родовую сущность человечества, его изначальную потребность в труде, из чего следует смысл должного, связанный с проблемой совершенствования системы производственных отношений, возможностью каждого члена социума приумножать общественное богатство.

В понимании других мыслителей, и в частности Л. Леви-Брюля, основным фактором, определяющим специфику социального пространства, становится язык, который является «несомненной социальной реальностью, базирующейся на совокупности коллективных представлений» [16, 5]. В этой концепции именно язык как разновидность социального сущего обуславливает нормативность должного — совокупность вербальных и невербальных стандартов и стереотипов человеческой жизнедеятельности.

На указанных позициях должное лишается абсолютного статуса, его смысл извлекается из социального сущего и определяется в его контексте, исходя из тех или иных его особенностей. Такое понимание соотношения сущего и должного позволяет рассматривать *культуру как нормативно-институциональную систему предметно-процессуальных форм и способов осуществления человеческой активности, нацеленной на освоение окружающего пространства, интеграцию и развитие социального целого.*

В ином ракурсе рассматривали специфику сущего и должного, а также обусловленную их содержанием культуру представители *натуралистического* подхода. Его предыстория начинается в суждениях софистов, эпикурейцев и др. о том, что не боги или традиции, а именно человек способен устанавливать должное, исходя из своих интересов.

В эпоху Просвещения данная позиция оформилась в теориях представителей разумного эгоизма, которые рассматривали человека в качестве продукта природы, как антропоцентрическое сущее. Из его потребностей они выводили смысл должного, увязывая его со спектром того, что необходимо, полезно и приятно для индивида. На этих позициях складывалось представление о том, что главной движущей силой человека является его «любовь к себе» и что правильное удовлетворение этой потребности, «постоянная забота о самосохранении» [23, 247] оборачивается не только пользой для него, но и благом для всех.

Едва ли не самым полемическим выражением рассматриваемого подхода стало утверждение Ф. Ницше о том, что стремление к совмещению личной и социальной пользы является побуждением индивида стать функцией стада. По его убеждению, то, что должно и не должно, определяется инстинктами жизни, волей к власти стремящейся к самоутверждению личности, разрушающей скользящие ее рамки социальной нормативности: «Человек есть то, что должно преодолеть» [21, 143].

Постулируемая Ницше «любовь к себе», побуждающая индивида преодолевать свои слабости и становиться тем, кем он должен быть, у З. Фрейда выступает как сила природных инстинктов, оказывающих влияние на мотивацию поступков человека, который вводит в свою жизненную программу «свои первоначальные влечения, свой инстинкт самосохранения, свое стремление к агрессии, свою потребность в любви, свое желание получать удовольствие и избегать неудовольствие» [31, 413].

Теоретики, занимающие натуралистические позиции, как и представители социального подхода, выводили установки должного из потребностей сущего, но, в отличие от них, не принимали положения человека как функционального элемента социальной системы, доказывали значимость его индивидуального

существования и его способность определять для себя должное как желанное и обязательное для обретения полноты бытия, не исключающее всеобщего блага. В высказываниях представителей натуралистического направления проявились противоречивые взгляды на культуру как на систему подавления естественных потребностей человека и стратегию его личного успеха. Так или иначе, но именно *в сублимации склонностей и удовлетворении желаний человека они видели источник и цель культуры, ее смысл и предназначение.*

В социальном и натуралистическом понимании (при всем их различии) *культура осознается как совокупность разнообразных способов и результатов деятельной самореализации общества и индивида.* На этих позициях выдвигаются теории земного происхождения формируемого в человеческом мире порядка; основная роль в его обосновании отводится научному сознанию, вытесняющему на периферию религиозные воззрения, на смену которым приходит идеология. Власть в данном культурном пространстве устанавливается действием социально-политических и правовых институтов, поэтому в ней преобладают демократические формы правления, а их искажение камуфлируется псевдодемократической риторикой. В этой системе отношений содержится установка на активную самореализацию людей, которая делает востребованными инновации, искореняющие традиции и полагающие эталон человеческого существования в будущем.

Совмещение социальных и натуралистических тенденций в духовном производстве приводит к вытеснению искусства массовой культурой, а в морали — к распространению (наряду с установкой, предписывающей каждому в рамках своей общности «быть как все») и другой формулы поведения, облекающейся в правило «Будь собой!». Мораль в этом случае становится обоснованием нравственной нормы, которая, как отметил И. Я. Лойфман, «усваивается в ее *оперативно-мотивационной* функции, как мотив, внутреннее побуждение к действию и как рациональное основание для выбора должного действия... человека, ведущей установкой сознания которого становится индивидуализм» [17, 69].

На социальных и натуралистических позициях *смысл должного выводится из феноменов сущего:* его экономических, политических, идеологических, иерархических, структурно-ролевых, психологических, лингвистических и других составляющих. Отсюда исходят *инструментально-технические, гипотетические интерпретации должного*, в которых главными критериями человеческой жизнедеятельности становятся ее успешность и эффективность.

Десакрализация сущего как многомерного специфического мира актуализации человеческих сил и извлечение из его свойств прагматических и гедонистических модусов должного, становясь смысловым кодом культуры, формируют ее модернистский тип в его разных социально-экономических и политических модификациях.

Стремление к доминированию единичных и социально-групповых (классовых, корпоративных и пр.) субъектов модернистской культуры, преобладание в ней материально-экономических, потребительских и чувственных модусов должного становится в современном мире причиной возникновения кризисных ситуаций, которые приобретают всеобъемлющий характер и выявляют

необходимость переосмысления базовых оснований современной культуры в сторону усиления ее нравственного компонента.

Пересмотр ориентиров развития культуры может происходить на основе *морально-диалектического подхода*. Рассматриваемое в данном ракурсе *сущее выступает как наделенный моральным сознанием субъект культуры*, для которого наиболее значимым является не выгода, польза или удовольствие для себя, а содействие всестороннему развитию человечества в лице каждого его представителя и способность внести свой вклад в сферу всеобщих достижений.

Импульс к формированию данного подхода был также задан в мышлении древнего общества, в частности, в суждениях Демокрита, который утверждал: «Должно приучать себя к добродетельным делам и поступкам, а не речам о добродетели... Не из страха, но из чувства долга должно воздерживаться от дурных поступков» [18, 310–311]. Отстаивая эту позицию, Цицерон доказывал, что именно нравственность позволяет сберечь «общность рода человеческого» и важнейшие его атрибуты, в числе которых «любовь, дружба, справедливость, прочие добродетели», способные существовать лишь на основе бескорыстного и свободного полагания морального смысла должного [33, 201].

Классическое выражение данный подход нашел в философии И. Канта, который доказывал, что *диалектически* мыслящий субъект способен осознать и осуществлять идею *свободы* в личном установлении для себя максимы, имеющей статус всеобщего закона, и *подчинении* ему своей автономной воли. По убеждению Канта, возвышающее человечество над уровнем природно-биологического существования «чистое представление о долге и вообще о нравственном законе, без всякой чуждой примеси... имеет на человеческое сердце... гораздо более сильное влияние, чем все другие мотивы» [15, 248].

Значимый вклад в разработку данной проблемы в последние годы внесли К.-О. Апель и Ю. Хабермас, в понимании которых *сущее* (главный субъект нормативного действия) предстает как *трансцендентальный субъект — наделенный разумом и нравственной волей весь человеческий род, устанавливающий смысл должного исходя из морального закона, предписывающего видеть в каждом человеке не только средство, но и цель всеобщего развития*. Выражая вслед за И. Кантом надежду на создание всемирного объединения, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода, Апель говорит о необходимости перемещения такой культуры из мира должного в мир сущий. Апель видит в этом главную стратегию развития человечества, которое, руководствуясь моральным законом, способно в уже имеющемся «реальном сообществе воплотить в жизнь идеальное сообщество» [37, 431].

Моральный смысл должного здесь проявляется в признании уникальных свойств «другого» субъекта культуры (Бубер, Рикер), в отказе от подавления «нелигитимных форм жизни» (Лиотар), в обосновании «инога глобализма» и отстаивании прав «людей или не-людей — которым отказано не только в элементарных правах человека... но в самом праве на жизнь» (Деррида) [10, 133, 134].

В морально-диалектическом понимании *культура предстает как бесконечное многообразие форм и способов реализации общечеловеческих ценностей и идеалов*. На этих позициях возможно преодоление массовизации и поляризации

современной культуры, а также осуществление когеренции бытия, приводящей к гармоничному единству рациональные и иррациональные, материальные и идеальные, социальные и индивидуальные, уникальные и универсальные составляющие культуры, ее достижения прошлого, открытия настоящего и свершения будущего.

*Идентификация с различным сущего как рефлексивного единичного, отдельного и всеобщего субъекта, способного подчинить свою жизнь морально-этическому смыслу должного, в котором доминирует признание права каждого человека на творческую самореализацию, не подавляющую, но стимулирующую развитие других в соответствии с их ценностями и ментальными установками, ведет к появлению усовершенствованного типа культуры, который в трудах различных мыслителей получил наименование *иного модерна* (Хабермас), *постмодерна* (Лиотар, Деррида, Вельш, Гриффин), *альтернативного модерна* (Гринштейн), *постпостмодерна* (Апель).*

При всем различии взглядов этих мыслителей их объединяет понимание необходимости развития консенсуса и толерантности в культуре, совмещающей светские и религиозные, а также многоконфессиональные виды мировоззрения; духовные и материальные, в том числе инструментально-технические ценности; традиции и развивающиеся на их основе инновации.

Важнейшим инструментом в построении данного типа культуры является нравственная норма, которая, как заметил И. Я. Лойфман, «на этом уровне морального развития личности выступает в ее *оценочно-санкционирующей* функции» и является «не столько внешним регулятором поведения, сколько санкцией того, что можно делать, исходя из масштабов и полноты своей личной ответственности за происходящие вокруг события» [17, 69].

Актуализация морально-этической составляющей должного и признание ее приоритета перед остальными его смысловыми аспектами способствует освоению окружающего пространства без разрушения его экосистемы; формированию инициативной личности, осознающей значимость многопланового intersubъективного универсума и руководствующейся императивом «Будь собой в согласии с окружающим миром!»; совершенствованию демократической системы власти, опирающейся на авторитет наиболее достойных лиц и действующей в соответствии с законами нравственности.

Совершенно очевидно, что рассматриваемый тип культуры является лишь ее проектом, образом должного, очерчивающим перспективы мирового развития. Между тем осуществление этого типа, введение его усилиями всего человечества в реальную действительность ознаменовало бы переход культуры на новую ступень истории.

Таким образом, в формировании каждого типа культуры определяющую роль выполняет познание того, что является подлинной реальностью, обуславливающее понимание должного. При этом принятие в качестве несомненной реальности человека и человеческого рода в целом, руководствующегося моральным смыслом должного, открывает новые горизонты на пути дальнейшего развития мировой культуры.

1. *Августин*. Исповедь. М., 1992.
2. *Агацци Э.* Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 59–79.
3. *Ансельм Кентерберийский*. Об истине [Электронный ресурс]. URL: //http://www.philosophy.ru/library/catalog.html
4. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 53–295.
5. *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.
6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М., 1990. С. 61–272.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
8. *Гольбах П. А.* Система природы, или О законах мира физического и мира духовного // Избр. произведения : в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 63–686.
9. *Гусейнов А. Г.* Введение в этику. М., 1985.
10. *Деррида Ж.* «Наконец-то научиться жить» (последнее интервью) // Вопр. философии. 2005. № 4. С. 133–144.
11. Древнекитайская философия : в 2 т. М., 1972. Т. 1.
12. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод. М., 1995.
13. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 1. Философия культуры. С. 494–516.
14. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996.
15. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219–310.
16. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
17. *Лойфман И. Я., Руткевич М. Н.* Основы гносеологии. Екатеринбург, 2003.
18. *Маковельский А. О.* Древнегреческие атомисты. Баку, 1946.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. М., 1955. Т. 3. С. 7–544.
20. Мистическое богословие : сб. Киев, 1991.
21. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5–237.
22. *Платон*. Тимей // Соч. : в 3 т. М., 1971. Т. 3, ч. 1. С. 455–542.
23. *Руссо Ж. Ж.* Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 19–592.
24. *Секст Эмпирик*. Против ученых // Секст Эмпирик. Соч. : в 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 61–377.
25. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 47–548.
26. *Сорокин П. А.* Социокультурная динамика // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 425–504.
27. *Степин В. С.* Личность в технотронную эпоху // Наука в России. 1993. № 2. С. 32–45.
28. *Судаков А. К.* Должное и сущее // Этика : энцикл. слов. М., 2001. С. 123–125.
29. Упанишады. М., 2003.
30. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1.
31. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 1989.
32. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2002.
33. *Цицерон М. Т.* Учение академиков. М., 2004.
34. *Шахов М. О.* Возможен ли переход от знания о сущем к знанию о должном? // Вопр. философии. 2009. № 11. С. 113–122.
35. *Шеллинг Ф. В. Й.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Соч. М., 1998. С. 295–636.
36. *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов н/Д., 1998.
37. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie. Frankfurt a/M., 1988. Bd. 2.
38. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns : 2 Bde. Bd. 1. Frankfurt a/M., 1981.

Рукопись поступила в редакцию 5 июля 2011 г.

УДК 7.035.2 + 7.01 + 130.122

О. А. Петров
С. П. Пургин**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО В ИСКУССТВЕ**

В статье исследуются философско-эстетические основания классического в искусстве. Классическое рассматривается в связи с природой человеческого и с определенной установкой на утверждение этой природы. В его основании лежит определенный тип отношения «человек (человеческое тело) — мир». Отталкиваясь от устоявшегося определения исторической классики, авторы обнаруживают в античном понимании человека основания для осознания ее как вечно возвращающегося движения в культуре. Интерпретация Ницше античного наследия позволяет прийти к пониманию классического как равновесия тела и мира. Тело выступает как мера мира. Возникающие на этой основе типы искусства могут быть описаны как центробежный (классический) и центробежный (неклассический).

К л ю ч е в ы е с л о в а: классическое, неоклассицизм, неоклассика, тело и душа, античный эстетический идеал, философия искусства Ф. Ницше, человеческая природа, мир как феномен, центробежная и центробежная тенденции.

В последние десятилетия драматично складываются отношения между стремлением сохранить или по крайней мере учесть опыт прошлого и стремлением к радикальному обновлению искусства. Здесь, если воспользоваться театральной терминологией, имеет место особенно сложная *интрига*. Вопрос об «архивах» и «новаторах» (вспомним старую работу Ю. Н. Тынянова!) встает с новой силой и, как мы полагаем, с новым содержанием. В самых радикальных постановках, с самыми шокирующими пластическими, оптическими и иными эффектами, внезапно обнаруживается нечто такое, что дает повод критике говорить об «уважении к традициям» или даже о «возвращении к принципам эстетики XIX в.». Система классического искусства, созданная в XVIII и XIX вв., взаимодействует с возникшими в XX в. системами модернизма и постмодернизма. Разобраться в том, что происходит, не так-то просто. Но именно потребность распутать этот клубок и внести некоторую, хотя бы самую минимальную, ясность в картину происходящих событий и привела нас к попытке заново взяться за осмысление вопросов, далеко выходящих за рамки чисто искусствоведческого интереса.

В искусствоведении и философии искусства для обозначения художественных явлений, дающих повод говорить о совмещении традиций и новаторства, сложился термин «неоклассицизм». Некоторые исследователи советуют терминологически различать направления с классицизирующими тенденциями, переставляя акценты в слове «неоклассицизм»: с «неоклассицизм» на «неоклассицизм». Получается, таким образом, что есть ранний и новый неоклассицизм. Этот последний можно было бы именовать уже «неонеоклассицизмом». И так до бесконечности? Не помогает и ссылка на «традиции классического искусства». Ведь все художники, которые в той или иной мере опираются на

них, ориентируются на эти традиции по-разному. Кажется, что исследователь должен проанализировать все формы неоклассики, которые существовали в XX в. и продолжают еще существовать, и тем самым попытаться уточнить различные значения термина «неоклассика». Насколько выполнима такая задача? Не имеем ли мы дело с такой «терминологией», что, складываясь стихийно, просто не допускает уточнений? Ставятся спектакли, появляются новые стили; обо всем, в чем заметно что-то привычное, «классическое», говорят: «это неоклассицизм!». В результате появляется — в разных поколениях и внутри одного и того же — «неоклассика», «неоклассицизм» в самых разных вариантах и формах.

Как ни подходи к определению неоклассики, классицизма, неоклассицизма, ясно, что мы имеем дело с различными рефлексамии или отражениями классического. Классицизм — эхо классики. Чтобы разобраться с неоклассикой или классицизмом, нужно, следовательно, вначале разобраться с классикой. Чтобы ответить на вопрос, что такое классицизм, прежде приходится подумать о том, а что, собственно, такое в искусстве *классическое*. Ставя проблему широко, мы вовсе не отрываемся от истории искусства в XX в. Ибо очевидно, что соотношение классического и современного — это в первую очередь вопрос XX столетия. Не нужно быть особо проницательным, чтобы понять, что отмеченное выше многообразие форм неоклассики в искусстве XX в. (и путаница в их определениях) на самом деле лишь отражение амбивалентности в определении классического. Проблема на самом деле не в классицизме или неоклассицизме, *проблема именно в определении классики*.

Уже в начале XX столетия исследователям было ясно, что дать определение классике непросто. В «Словаре художественных терминов», подготовленном в 20-е гг. Государственной академией художественных наук, в статье «Классический стиль», принадлежащей Д. С. Недовичу, прямо говорится: «*Понятие К. ст. нужно признать условным, так как оно различно понималось в разные эпохи* (курсив наш. — О. П., С. П.). XIX в. приписывал К. ст. только античному искусству, не отрицая, впрочем, наличия отдельных классиков и в других исторических периодах. В настоящее время за античностью уже редко признается монопольное право на классику, и известная книга Вельфлина, называющая “классическим” искусство высокого Возрождения, по-своему симптоматична. Можно думать, что не только Возрождение, но и готика также имела свой К. ст. Усматривают его и в древнем искусстве Востока, нередко также называемом классическим. Такая упругость в применении понятия, со временем все более расширяющаяся, зависит от растущей широты общеисторических горизонтов современности и связана с проблемой аналогической периодизации стилей в пределах больших культур» [4, 230].

В дальнейшем автор статьи выделяет-таки некоторые устойчивые функциональные значения термина «классический стиль» (при констатации относительности содержательных определений). В первую очередь классика предполагает такое «единство формовыражения, которое является образцовым» и потому может служить «“классным” примером для школьного изучения и подражания» [Там же, 231]. Именно поэтому с классикой связывают представление об искусстве, «высочайшем по качеству», «чем и оправдывается наименование

наиболее гениальных художников классиками» [4, 231]. Особо отмечает Д. С. Недович связанные с классическим стилем социальные факторы: «покровительство искусству со стороны государства (Перикл, Медичи), в связи с чем роль художника приобретала крайне важное значение, и его работа всегда могла найти и заказ, и сбыт» [Там же].

Выделение только функциональных черт классического стиля на фоне неясных (размытых) содержательных характеристик делает попытку объективного (научного) применения данного термина весьма рискованной. Статья Д. С. Недовича была написана в 20-е гг. прошлого столетия. Хорошо известно, как понятие классического стиля было использовано в советской идеологии в последующие десятилетия. Всякое искусство, соответствующее официальным требованиям, объявлялось высококачественным, самые тенденциозные произведения были возведены в ранг образца для подражания. Положение о «высоком качестве» классических произведений, не подкрепленное никакими содержательными критериями, таким образом, оказывается очень ненадежным и не достигает цели в научном плане. Оно может быть использовано в роли риторической фигуры в различных идеологических спекуляциях. Кроме того, высококачественным может быть, как мы знаем теперь, не только «классическое», но и авангардистское произведение (ср. понятие *классического авангарда*). Возникает еще одна трудность: нельзя просто отождествить классический стиль с тем или иным историческим его содержанием; зачастую понятие «классика» продуктивно используется как диспозиционное, иначе говоря, в паре с современностью.

Нас не устраивает ни отождествление классического стиля с известными (исторически-определенными) формами искусства, ни констатация якобы полной относительности содержания данного понятия. Принцип нашего подхода к определению классического стиля должен состоять в том, чтобы, сохраняя в анализе известную дистанцию по отношению к конкретному художественному материалу, все же никогда и не выпускать его из виду. Только в случае последовательного осуществления такой установки мы получим в результате и исторически действенное, эффективное, и свободное от исторически случайных оценок определение. Неизбежным в этом случае является обращение к философско-эстетическим концепциям.

«Классическим» определением классического стиля в философии искусства является определение Гегеля в его «Лекциях по эстетике». Гегель, для которого искусство является исторически конкретной формой осуществления духа (идеи) в материи, определяет классический период в развитии искусства как период равновесия между идеальным содержанием и материальной формой его объективации. Это равновесие в наиболее полном своем варианте было осуществлено на почве искусства античной Греции. Классике в гегелевском понимании предшествует символическая форма искусства, господствовавшая в искусстве Древнего Востока, где материальное начало превалирует над идеей. Среди видов искусства символической форме соответствует архитектура. С другой стороны, романтическая форма искусства, берущая начало в европейском Средневековье и наиболее полно воплощающаяся в музыке, дает перевес

духовному содержанию, развивающемуся в ущерб материальной стороне. Искусство, по Гегелю, является исторически-ограниченной и, следовательно, переходящей формой человеческой культуры.

Смысл художественного творчества — в адекватном материальном выражении «идеи». Следовательно, искусство античной Греции, в котором идея и материальная форма находились в равновесии, и представляло собой искусство *par excellence*. Классическая Греция — вот настоящая родина искусства. Для Гегеля искусство есть одна из форм, один из этапов осуществляющегося *через* человеческую культуру и *в* человеческой культуре самопознания абсолютного Духа. Дух смотрит на себя в зеркале материи. Разделение на материю и идею, соответственно форму и содержание, есть основная особенность гегелевского подхода к искусству. Далее нам нет нужды углубляться в гегелевскую эстетику. Для наших целей вполне достаточно пока такого общего вывода.

Хорошо известно, в каком направлении в последующем развивалась европейская эстетика. Если оставить в стороне вторичные формы, которые представляет марксистская или неогегельянская эстетика, это направление в основном определялось осознанным или неосознанным желанием преодолеть разрыв между идеальным и материальным, «сознанием» и «бытием», а если взять антропологический аспект — также между телом и душой. В этом смысле показательное место из ницшевского «Заратустры»: «Я — тело и душа», — так говорит дитя. И почему бы не говорить, как дети? Но пробудившийся, знающий, говорит: я всецело тело (*Leib bin ich ganz und gar*) и ничто кроме тела; а душа — только слово для какого-то “нечто” в теле. Тело (*der Leib*) — большой разум, множественность при едином чувстве, и мир и война, и стадо и пастух. Орудием твоего тела будет также, о брат мой, и твой малый разум, называемый тобою “духом”, малое орудие и игрушка твоего большого разума»¹.

Часто это место из главы «О презрителях тела» приводится как свидетельство брутализма или «материализма» позднего Ницше. На наш взгляд, это место — одно из многочисленных свидетельств любви Ницше к Гомеру и культуре древней Эллады. Как раз у греков слово «*то сома*» (букв. «тело») могло обозначать человека вообще или даже данного человека, конкретную «личность». Например, у Софокла «*то сон сома*» (букв. «твое тело») означает просто «ты», «ты сам». Это словоупотребление живет до конца античности. В «Посланиях» Павла слово «*сома*» означает *самого* человека, человека как целое, то, что в христианской традиции принято называть *личностью* (*persona*). Оно, как считает Рудольф Бультман, соотносимо и с понятием «экзистенция» в философии С. Кьеркегора. Но так и в латинском языке: слово *persona* первоначально значило именно тело, живое существо человека в единстве его физических и психологических характеристик. Остальные значения, по-видимому, развиваются из этого значения позднее.

Впрочем, разве дело в этимологии как таковой? Словоупотребление, этимология — отражение античного образа мышления. Когда мы читаем у Гомера

¹ Перевод Я. Э. Голосовкера. Цитируется по [3, 56].

в первой песни «Илиады», как волнуется «сердце» Ахилла, как закипает гнев «в груди», то понимаем, что «сердце» или «грудь» здесь отнюдь не метафоры. «Гнев», «яростный дух» и место в теле, где он возникает, — «грудь», «диафрагма» — *одно и то же* и называется одним и тем же словом («*тюмос*»)! Можно ли сказать, что Гомер «еще не различает» эмоциональное и физическое, «тело и душу»? Очевидно, это было бы преувеличением. (Так, упомянутое выше «*сома*» у Гомера, как правило, означает именно мертвое тело, тело, которое оставила душа — *псюхэ*). Если мы говорим, что «Гомер не различает», отсюда один шаг до признания гомеровских и вообще раннегреческих представлений наивными. Будет лучше, если мы поймем, что за словоупотреблением Гомера и других — не обязательно ранних — греческих авторов скрывается особый взгляд на человека и его природу. Этот «взгляд» не более наивен, чем современные представления, он просто иной. Его можно было бы считать и *учением*. Но это учение присуще всей античности. Не то же ли это учение, которое пытается воссоздать Ницше в книге «Так говорил Заратустра», говоря о теле как единстве в множественности, как «большом разуме», скрывающем «малый»? Важнее всего отказаться от представления о теле как «физическом инструменте» души!

Каждый читатель «Илиады» знает особое, возникающее даже при первом прикосновении к поэме, ощущение тяжести и объема, сопутствующее гомеровским стихам. Как тяжелы его герои, когда они спрыгивают с колесницы, когда они, облаченные в доспехи, движутся навстречу друг другу, готовые сразиться! Как *крупны* слова их приветствий, как великолепны словесные агоны! Как роскошны, как тяжелы боги Олимпа: Зевс, Аполлон, Гера, Афина! Но откуда берется само это ощущение? Неужели дело только в словесных «красках»: составных эпитетах, велеречивости стиля, пространности описаний? Не потому ли возникает оно, это ощущение, что, когда поэт говорит о том, что только «душевно» (в нашем теперешнем понимании), оно заранее мыслится у него облеченным в «плоть»? И наоборот, когда Гомер описывает «зримое», «телесное», мы чувствуем — оно, это телесное, с самого начала связано со всем массивом души? Как будто у Гомера «*человека всегда больше*». Человек у Гомера как-то крупнее, чем в литературе более поздних эпох. Именно потому, что он изначально не расколот на тело и душу?

«Онтологизм» Гомера (за неимением лучшего определения воспользуемся этим термином), воспринятый в его *эстетическом измерении*, привлекает Ницше с самой ранней молодости. Отражение античного идеала он видит в музыкальном творчестве любимого им Вагнера. Но важными являются и философско-эстетические концепции Вагнера: его ранний натурализм и романтизм и поздний, уже нелюбимый Ницше, питаемый шопенгауэровской философией, пессимизм. Знаменитая идея *Gesamtkunstwerk* («целостное произведение искусства»; у Вагнера — объединение музыки, поэзии и изобразительного искусства в опере) лежит в русле тенденций, вырастающих из стремления к целостному постижению человеческого существа.

Можно представить себе, с каким удовольствием автор «Так говорил Заратустра» читал у Бодлера знаменитое стихотворение, описывающее челове-

ство в прежние, «нагие», эпохи («*époques nues*»)! А те строки «Цветов Зла», где речь идет о телесном уродстве современных людей, можно считать одним из важных источников темы «здоровья», что занимает столь важное место в поздних работах Ницше. Ницше любил Бодлера, — цитаты из него мы находим в набросках поздних работ философа:

Люблю тот век нагой, когда, теплом богатый,
Луч Феба золотил холодный мрамор статуй.
Мужчины, женщины, проворны и легки,
Ни лжи не ведали в те годы, ни тоски.
Лаская наготу, горячий луч небесный
Облагораживал их механизм телесный,
И в тягость не были земле ее сыны,
Средь изобилия Кибелой возвращены,
Волчицей ласковой, равно, без разделенья,
Из бронзовых сосцов поившей все творенья...
А в наши дни, поэт, когда захочешь ты
Узреть природное величье наготы
Там, где является она без облаченья,
Ты в ужасе глядишь, исполняясь отвращенья,
На чудищ без одежд. О, мерзости предел!
О, неприкрытое уродство голых тел!
Те скрючены, а те раздуты или плоски.
Горою животы, а груди словно доски,
Как будто их детьми, расчетлив и жесток,
Железом пеленал корыстный Пользы бог... [2, 36].

Во Франции, отчасти под влиянием немецкого романтизма и Вагнера, но прежде всего оставаясь верными своим собственным поискам, поэты приходят к идее союза различных «чувств» (Т. Готье, Ш. Бодлер), даже их интенсификации путем «расстройства всех чувств» (А. Рембо). Иному подходу к натуре, раскрепощению живописной палитры в творчестве импрессионистов, очевидно, должны были предшествовать идея раскрепощения чувств и принципиальная реабилитация тела как такового. Чтобы не ходить далеко за примерами, снова вспомним строки из «Цветов Зла» (вдохновленные, если судить по статьям Бодлера о «Тангейзере» и «Лоэнгрине», также музыкой Вагнера):

Как звуки голосов на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, темный смысл обретшие в слиянье.

Есть запах чистоты. Он зелен, точно сад,
Как плоть ребенка, свеж, как зов свирели, нежен,
Другие царственны, в них роскошь и разврат,

Для них границы нет, их зыбкий мир безбрежен, —
Так мускус и бензой, так нард и фимиам
Восторг ума и чувств дают изведать нам [Там же, 293].

Другие философы (и творцы) искусства во второй половине XIX — XX в. шли иными путями. Но в их поисках на рубеже веков — один дух и одна мысль: вернуть утраченное понимание единства человека, того самого единства, которое непосредственно выступает во всех наших жизненных проявлениях, до тех пор, пока его не коснулась своим взглядом вторичная, «теоретическая», рефлексия. Тело не «инструмент души», скорее союзник, если не сказать больше. *Благодаря* телу мы участвуем в жизни: глаза и слух и все органы чувств, благодаря которым для нас раскрывается окружающий мир, принадлежат телу. С телом мы находимся *в мире. Но и само тело также есть мир.*

Вместе с заново обретенным пониманием единства человеческой сущности изменяется и взгляд на искусство. На место восходящего к Баумгартену тезиса об искусстве как форме познания мира приходит тезис об искусстве как форме жизни или искусстве как творении *par excellence*. Насколько чуждо это традиционной эстетике (которая — заметим попутно — несмотря на смену лозунгов, продолжает спокойно существовать и поныне), показывает Джорджо Агамбен в некоторых своих статьях, в особенности тех, что объединены им в сборник «The Man without Content» («Человек без свойств»). Главным героем у Агамбена также выступает Ницше. В небольшой работе «The Most Uncanny Thing» («Самая опасная вещь») он приводит высказывание из книги «Генеалогия морали». Ницше сталкивает известное положение Канта о красоте как «незаинтересованном удовольствии» и Стендаля о красоте как *une promesse de bonheur* («обещании счастья»). Последнее положение, по Ницше, принадлежит именно *художнику*. Именно поэтому оно не является положением *эстетики*, поскольку последняя всегда опирается на идею *незаинтересованного созерцания* (*aisthesis*) и *бескорыстного удовольствия*. Эстетика выражает точку зрения воспринимающего, причем такого, который не столько *переживает* произведение искусства, сколько *размышляет* о нем. Создатель искусства всегда связан с искусством более насущным и живым отношением, что выражено в мифе о Пигмалионе, пожелавшем оживить свое творение². Для художника красота — всегда обещание счастья. Ницше предвидит изменение основных установок художественной рефлексии в ближайшее время, и, как замечает Агамбен, в этом он, как и во многом другом, оказывается подлинным пророком [6, 2].

Многие художники XX столетия свидетельствовали о том, что настоящим импульсом их работы является непосредственно живой («практический») интерес. Об этом они прямо заявляли в художественных манифестах. А. Арто в предисловии к книге «Искусство и его двойник» дает этим наблюдениям и свидетельствам своеобразное теоретическое обобщение: «Что привело нас к утрате культуры, так это наше западное представление об искусстве и той пользе, которую мы из него извлекаем... Нашему инертному представлению об искусстве настоящая культура противопоставляет представление магическое и неис-

² Интересно, что из тех же положений — очевидно, находясь под влиянием Ницше, — исходит и Иннокентий Анненский в своей статье «Символы красоты у русских писателей». И Анненский цитирует Стендаля!

тово эгоистичное, а значит заинтересованное»³. Можно добавить, что о «заинтересованном» характере основного художественного влечения свидетельствуют и творцы совсем иной породы, нежели основатель «театра жестокости». Например, в «Музыкальной поэтике» Стравинского, композитора, известного своим, по мнению многих, холодным рационализмом⁴, прямо говорится о том, что «в основе всякого творчества лежит аппетит, хотя это и не жажда земных благ» [5, 180–181].

С другой стороны, об этом знали древние. Тот факт, что искусство (к примеру, театр) вырастает из заинтересованного отношения к миру, делает его, по слову Платона, «самой страшной вещью» (определение, вынесенное в название цитируемой статьи Дж. Агамбена). Искусство, театр, музыка могут быть причиной массового (имеющего форму эпидемии) распада нравов и падения царств. «Возможно, что, как говорил Августин Блаженный, попав внутрь общественного тела, яд театра разъедает его изнутри, однако он делает это подобно чуме, подобно болезни возмездия, подобно той спасительной эпидемии, в которой легковверные эпохи предпочитали усматривать перст божий...» [1, 31–32].

Не может быть никакого сомнения в том, что признание такого «заинтересованного» отношения в основе искусства было внутренне связано с эволюцией в представлениях о его субъекте. Субъектом искусства признается теперь не отвлеченный «носитель» известной способности (к примеру, воображения), не абстрактный «дух» или человеческая «сущность», не «гений», но живой человек в единстве его возможностей, L'Homme Integral, проявляющий себя в текущей повседневности как непрерывность телесно-душевной структуры.

Вернемся к вопросу об определении классического. Что дадут нам в связи с нашими поисками идеи Ницше, повлиявшие на подход к искусству в XX в. и на само понимание искусства? Заметим, что Ницше вовсе не выступает с программой некоего нового «классицизма», как Лессинг или Винкельман. В отношении к греческому наследию он скорее пробуждает интерес к глубинным, бессознательным слоям греческой культуры. К тому, что сам Ницше назвал «дионисийским началом», а наследующий ему Вячеслав Иванов — «мифородными корнями» эллинства. На первый план выходит не столько классическая, сколько до-классическая, архаическая Греция. (Во многом интерес к греческой архаике, удачно совпавший по времени со знаменитыми археологическими находками, вдохновлен именно Ницше.) Без Ницше не было бы исследований Эрвина Роде, Вячеслава Иванова, Карла Кереньи, даже известной книги Э. Р. Доддса «Греки и Иррациональное». Влияние образа античности, созданного Ницше, на художников, поэтов, музыкантов общеизвестно: это не столько прекрасный образ, выражающий идеальное равновесие содержания и формы, сколько порыв, экстаз, упоение, бессознательная стихия... В каком же отношении может помочь Ницше нам в наших поисках *определения классического*?

³ Приводимые Дж. Агамбеном цитаты из статьи А. Арто «Театр и культура» даются в переводе С. А. Исаева по [1, 9–10].

⁴ Конечно, в первую очередь в теоретических работах — не в самой музыке.

Опыт мысли Ницше важен для нас совсем с другой стороны. Именно Ницше в своих работах подводит нас к мысли, что классическое не столько в равновесии элементов внутри заданной системы (например соответствие формы произведения его содержанию), сколько *в существовании самой этой системы*, ее границах. Ибо любая система, поскольку она имеет место, обладает «естественными» границами в своем бытии как таковом. «Система человеческого», т. е. *человеческая природа*, также обладает необходимыми границами. Единство души и тела, как основообразующее и, следовательно, обозначающее границу человеческого, — основание для нашего определения классического стиля. Таким образом, «классическое» мы выводим из природы человека. Не об этом ли говорит поэт:

Меняются прически и костюм,
Но остается прежним наше тело...

Разумеется, высказанное выше предположение еще не может быть окончательным определением классического. Это лишь «основание» определения или первый шаг, сделанный по направлению к нему. Определение должно содержать в себе, пусть и в свернутом виде, отчетливое, ясное понимание того или иного явления. И понимание это всегда можно развернуть. Но в приведенном выше «определении», конечно, остается еще много непонятого. Напрашивается простой вопрос: если классический стиль в искусстве внутренне связан с самими границами человеческого, то почему же помимо классического искусства существует иное? Несомненно, что помимо классического стиля при всем великом многообразии его форм существует и иной, «неклассический» (чтобы выразить эту общую и простую мысль, вполне достаточно такого отрицательного понятия). Никто не назовет картину, созданную способом разбрызгивания краски на холст, «классической» (разве только в каком-то случайном, произвольном смысле). Можно говорить о живописи Сезанна как классической, но кто же назовет классическим творчество некоторых художников в послевоенной Германии, например Георга Базелица, который для того, чтобы усилить живописное воздействие картины, «переворачивает» изображение? «Весна Священная» в постановке Мориса Бежара, быть может, «классична». Но кто отважится назвать классической хоть в каком-либо смысле постановку Пины Бауш? Между тем человек всегда остается человеком, и, что бы он ни творил, он осуществляет возможности, находящиеся «в пределах человеческого». Как же тогда возможна такая живопись, такая хореография — как возможно «неклассическое» искусство?

Самым насущным для определения классического является раскрытие отношения человек (человеческое тело) — мир. Это может показаться общей фразой. Любое проявление человеческого скрывает в себе отношение «человек — мир»! Все же, в нашем случае, исключительно важно вдуматься в структуру того отношения, которое связывает человеческое тело с миром. Важно ответить на вопрос, *каким образом* человеческое тело *несет мир*.

Касаясь этой проблемы, нельзя не отметить, что именно *понятие мира* является одним из самых сложных для рационального постижения. Об этом сви-

детельствует опыт философии XX в., в которой данное понятие не раз становилось предметом обсуждения. Мир — это не просто совокупность вещей, что встречаются в нем. И дело не только в том, что «целое больше суммы своих частей». Это урок древних мыслителей — Платона и Аристотеля. Как показала философия минувшего столетия (М. Хайдеггер, М. Шелер), *мир существует для человека*. (Хайдеггер, в отличие от Шелера, отказываясь от антропологического подхода, разрабатывает эту мысль в понятиях онтологии. Для него человеческое существование — «*вотбытие*», Dasein. Мир как феномен возникает лишь в горизонте такого способа бытия, каков присущ «*вотбытию*».) Но нам нет нужды подробно останавливаться на тонкостях философского анализа понятия «мир». Нам важно понимание того, что, в отличие от животного, для которого существует только среда и *окружающий* мир, человек существует еще и в *мире*. Мир — феномен, соотношенный с «человеческим субъектом». Мир существует для субъекта. Иначе говоря, мир существует для человека, а «в самом мире» мира нет!

Но и человек тоже существует в мире! Человеческое как человеческое определяется отношением к миру. Только так становится возможной человеческая *судьба* и то ближайшее пространство наших связей, которое можно назвать «окружающим миром». Человек всегда свой собственный проект, и в этом проекте, как точка схождения лучей в перспективе, стоит последняя и окончательная встреча с миром, момент абсолютного проникновения «я» и «не-я». Мир для нас существует только постольку, поскольку человек конечен и знает о своей конечности. Мир охватывает человека, следует за ним, стережет его — как такое чуждое, которое на самом деле оказывается самым близким, без чего мы просто не можем *быть*.

Как в этом отношении «человек — мир» участвует наше тело? Тело, не являющееся ни «орудием» души, ни ее «инструментом», ни «храмом» ее, ни «надгробием». Можно сказать, что мы разделяем ницшеанское понимание тела со всеми приведенными выше уточнениями. Тело — *целый* человек, его «большой разум». Поэтому человек не может «выйти» из своего тела, взглянуть на него «со стороны». Ибо в этом случае он вновь будет смотреть глазами (или постигать разумом!) своего тела. Тело ограничивает человека. Оно становится его «окружающим миром». (Не отсюда ли известная метафора органов тела как членов некоего сообщества, объективно существующей иерархии?) Но благодаря телу для нас существует и «большой» мир (как пишет Августин в «Исповеди», «*все, что обступает двери плоти моей*...»). Именно здесь и возникает проблема связи тела с этим «большим» миром. Это наш вопрос: *как тело несет мир? Или: как мир, со своей стороны, относится к телу?*

Можно выделить два типа такого отношения. В одном случае тело полностью отдает себя миру, мир принимает тело. Это явление смерти в самой жизни, ее разыгрывание («игра на острие смерти»), ее предвосхищение. Дионисийский экстаз, растворение в стихиях, бесконечно продолжающееся падение, тут же — восстание, возрождение. Конечно, дело не идет об имитации смерти как физического события. Разыгрывается «идея» смерти. Смерть — последняя встреча с миром. Невозможно дескриптивно или аналитически (исходя из понятия)

раскрыть содержание этой «идеи», содержание того, *что* есть смерть. Доступно только, *забегая вперед*, разыграть это содержание. В этом роль искусства. В нем человек может узнать смерть как свою последнюю *возможность*. Но в основе такого «разыгрывания» лежит определенное отношение тела к миру, а именно указанное выше отношение предания себя миру («стихиям»).

Но есть и другое отношение, когда мир словно удерживается на некоторой дистанции. Можем ли мы сказать, что тело удерживает мир? Тело не отдает себя миру, но сохраняет свою автономность. Мир, конечно, всегда присутствует и сохраняет свое определяющее влияние, но и тело определяет мир. Речь идет, таким образом, о некоем равновесии взаимоотношений. В этом равновесии мы склонны искать секрет классического. Тело выступает как *мера мира*.

Если в первом случае из рассматриваемых нами двух типов отношения «человек — мир» тело отдает себя миру, в этом, втором, напротив, тело возвращается к себе, увлекает с собой мир и вводит его в круг человеческих «возможностей». Конечно, здесь тоже имеет место *бросок*, но вместе с ним — и постоянное *возвращение*. Поэтому первый тип отношения (равно как и возникающий на его основе стиль) можно условно определить как *центробежный*, второй — как *центростремительный*. В первом случае имеет место выход в чуждое самому телу пространство, насильственный разрыв круга наших естественных возможностей. Во втором случае — само чуждое постоянно усваивается и «одолевается» телом. Мы остаемся в круге наших сил и способностей. Мы обрели в нем точку равновесия, точку опоры. Значит, мы можем «поднять мир»? Так, если перефразировать древнее изречение Протагора, человеческое тело оказывается «мерой всех вещей». Точка равновесия найдена. Человек находится в своей естественной среде, мир — внутри человеческого круга. Классическое, следовательно, связано с самой природой человеческого и с определенной установкой на утверждение этой природы. В основании его лежит, в соответствии со сказанным, определенный тип отношения «человек (человеческое тело) — мир»: равновесие между обоими полюсами отношения.

Подтверждением нашей гипотезы может служить то, что подобное понимание классического стиля не раз высказывалось творцами искусства. Не упоминая впрямую слова «центростремительное» и «центробежное», И. Ф. Стравинский в «Музыкальной поэтике», на наш взгляд, очень точно описывает феноменологию этих музыкальных состояний: «Таким образом, Сувчинский выделяет два рода музыки: одна развивается параллельно течению онтологического времени и проникает в него, вызывая в душе слушателя ощущение эйфории и, так сказать, «динамического покоя». Другая же опережает этот процесс или препятствует ему. Она не совпадает со звучащим мгновением. Она смещает центры притяжения и тяжести и утверждает себя в нестабильности, что делает ее способной передавать эмоциональные побуждения ее автора. Всякая музыка, в которой доминирует воля к экспрессии, принадлежит к этому второму роду...

В музыке, связанной с онтологическим временем, доминирует обычно принцип подобия. Другая же охотно использует контрасты. Этим двум принципам, доминирующим в творческом процессе, соответствуют основные понятия многообразия и однородности...

Все искусства обращаются к этому принципу. Методы полихромии и монохромии в пластических искусствах соответствуют многообразию и однородности. Со своей стороны, я всегда считал, что полезнее оперировать подобием, чем контрастом...

Контраст дает непосредственный эффект. Подобие же удовлетворяет нас только с течением времени. Контраст является элементом многообразия, однако рассеивает внимание. Подобие порождается стремлением к единству. Потребность в изменении вполне законна, но не следует забывать, что единое предшествует множественному. Их сосуществование, однако, необходимо, и все проблемы искусства, как, впрочем, и любые другие, вплоть до проблем познания и Бытия, вновь и вновь неустанно возвращаются к этому вопросу, начиная от Парменида, отрицающего возможность множественного, и кончая Гераклитом, оспаривающим существование единого...» [5, 185].

Если все сводится к постоянному возвращению классического, стоит ли тогда говорить о «неоклассике» или «неоклассицизме»? Мы полагаем, что обоснованное выше понимание классического вовсе не лишает эти термины эвристической силы и не отменяет возможности их использования. Центристская тенденция в искусстве предполагает определенный выбор в отношении двух полярных противоположностей: диссонанс — консонанс, подобие — контраст, единство композиции или сюжета — множество децентрализирующих мотивов (планов). Таким образом, то, что классический стиль базируется на структурном принципе единства, находит новое обоснование в том, что мы обозначили как «центристская сила».

Классика в таком понимании и должна постоянно возвращаться. Человеческая культура существует в борьбе центристских и центробежных тенденций. В центробежных тенденциях тело подвергается испытанию посредством переноса его в чуждое, иное пространство. Но такой «выход вовне» с необходимостью требует и возвращения, нового усвоения приобретенного опыта. Тот экстремальный опыт, который был получен путем выхода вовне, заново усваивается, чтобы стать уже *внутренне присущим* и органичным самой природе человеческого. В искусстве это называется классическим началом, или классицизмом, или неоклассицизмом. В любом случае, как бы это ни проявлялось, мы видим здесь работу на твердом основании, заботу о поддержании устойчивости, стремление возвести к единству разнородные «материалы» жизни, поиск обновления и совершенствование того, что существовало давно, может быть — «от века».

-
1. Арто А. Театр и его двойник. Театр Серафима. М., 1993.
  2. Бодлер Ш. Стихотворения. Харьков, 2001.
  3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. Я. Э. Голосовкера, В. Б. Микушевича. М., 1994.
  4. Словарь художественных терминов. Г. А. Х. Н. 1923–1929 гг. М., 2005. С. 230.
  5. Стравинский И. Ф. Хроника. Поэтика. М., 2004.
  6. Agamben G. The Man Without Content. Stanford, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 18 июня 2011 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 001.894 + 544(09) + 549(09) + 94(470)“1711/1765”

Б. В. Емельянов

«ЭПОХА В ЛЕТОПИСЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА» К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова

Статья посвящена вкладу М. В. Ломоносова в развитие мировой науки и его актуализации в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, физическая химия, минералогия, Северный Ледовитый океан, народ.

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат французскому академику Леклерку, который в речи, произнесенной 16 апреля 1765 г. в Петербургской академии наук, сказал: «Не стало человека, имя которого составит эпоху в летописях человеческого разума, обширного и блестящего гения, обнимавшего и озарявшего вдруг многие отрасли... Общество пользовалось его знаниями, ваши летописи воспользуются его славой; его будут чтить повсюду, где будут люди просвещенные» [8, 878]. С той поры работ о жизни и трудах русского ученого, от хрестоматийных до монографических, написано много, но, думается, далеко не все. И понятно почему. По известной сентенции «Лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии» каждая эпоха, каждый поворот российской истории позволяет по-новому взглянуть на наследие М. В. Ломоносова и удивиться прозорливости его предложений и предвидений, связанных с умножением могущества Отечества. Это хорошо видно на оценках творчества русского ученого выдающимися деятелями XVIII–XX вв.

В XVIII в. первая оценка вклада Ломоносова в русскую культуру содержится в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Для русского просветителя величие Ломоносова было несомненным. «Если бы силы мои достаточны были, — пишет он, — представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовав-

шись в душе его и разуме, в новом виде явились в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые» [10, 9].

Путь Ломоносова в науку был непростым, но результативным: «Отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика верные делать заключения и убеждаться единою очевидностью; метафизика преподавала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть, ради изящности силы воображения прилежал отлично, ввели его в храм минералогии, яко последовательницы предыдущих, привлекли себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познавать правила, в оных науках руководствующие» [Там же, 9–10]. Конечный результат деятельности Ломоносова Радищев видит в том, что «Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразные отверзал общему уму стези на познания» [Там же, 15]. А главная заслуга Ломоносова, считает Радищев, не его научный подвиг, а вклад в развитие русской словесности («В стезе российской словесности Ломоносов есть первый») и поэтическое творчество, хотя и отмеченное льстивыми одами власть имущим. Но Радищев не был бы первым русским радикальным мыслителем, если бы не отметил при этом: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова для того, что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопеи, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей?» [Там же, 19–20].

В XIX в. первым заслуги Ломоносова отметил А. С. Пушкин, указав на главную, по его мнению: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [9, 21]. В своем «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин особо отметил достоинство Ломоносова: «Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей» [Там же, 24].

В XIX в. многие писавшие о Ломоносове и его вкладе в развитие русской культуры и науки сравнивали его с Петром I. Первым это сделал В. Г. Белинский. Оценивая ломоносовскую «Оду на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года», он писал: «В 1739 г. двадцативосьмилетний Ломоносов — Петр Великий русской литературы — прислал из немецкой земли свою знаменитую “Оду на взятие Хотина”, с которой по всей справедливости должно считать начало русской литературы... Влияние Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, как влияние Петра Великого на Россию вообще» [2, 8–9]. Подобные сравнения мы встречаем у М. П. Погодина («Воспоминание о Ломоносове»), косвенно у С. М. Соловьева («Очерк состояния России

в эпоху деятельности Ломоносова»), О. М. Бодянского («Ломоносов как профессор-академик») и других. Но при этом, заметим, XIX в. прошел мимо оценки выдающегося вклада Ломоносова в развитие физики, химии, минералогии, естественных наук вообще и, естественно, философии, хотя еще Пушкин в цитируемой статье указывал: «Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименитства и проч.» [9, 22]. Только два русских ученых-естественника, Н. А. Любимов и Н. П. Бекетов, в 1865 г. опубликовали небольшие заметки о Ломоносове как физике и химике. Оценка Ломоносова как естествоиспытателя началась в конце XIX в. с работ химика Б. Н. Меншуткина, который собрал и перевел с латинского и немецкого языков работы Ломоносова-ученого и в 1904 г. начал их публиковать.

Двадцатый век можно считать веком открытия Ломоносова как выдающегося ученого-естествоиспытателя. Первым, кто осознал величие и современность заслуг русского ученого, был В. И. Вернадский. В 1900 г. он напечатал статью «О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии», а в 1911 г., как член юбилейной Ломоносовской комиссии, опубликовал пять статей о Ломоносове-естествоиспытателе. Самой интересной, на наш взгляд, является статья «Памяти М. В. Ломоносова», напечатанная в журнале «Запросы жизни» (1911. № 5). В ней Вернадский констатирует: «Годы идут — и какие годы в истории естествознания! — а фигура старого, недавно еще забытого русского натуралиста становится перед нами, его потомками, все более яркой, сильной, своеобразной. Из его работ, написанных по-латыни или стильным русским языком древнего мастера, перед нами открываются поразительные прозрения науки нашего времени. Как это ни странно, но это так. Ряд идей М. В. Ломоносова ближе, яснее и понятнее в начале XX века, чем они были в середине века прошлого» [4, 400–401].

Двадцатый век признал современность научных открытий Ломоносова. Именно Ломоносов в работе «О слоях земли» (1763) дал первое по времени современное для XX в. изложение геологии. А еще более значимым являются открытия русского ученого в области физической химии, которая «охватывает все области знания, всюду мы сталкиваемся с полем явлений, к ней относимых, — в минералогии, биологии, медицине, технике» [Там же, 403–404]. Вернадский специально подчеркивает еще одну заслугу Ломоносова: «Можно было бы долго перечислять отдельные — крупные и мелкие — идеи нашего времени в мирозерцании и работе великого русского ученого половины XVIII века... Но, вспоминая Ломоносова, нельзя не остановиться еще на одной характерной черте его научной деятельности, сближающей его с нашим веком. Он все время стоял за *приложение науки к жизни*, он искал в науке сил для улучшения положения человечества. Наряду с философскими обобщениями его все время привлекало прикладное естествознание. Не чуждаясь широких обобщений, он неуклонно имел в виду возможную “пользу”, он стоял непрерывно в соприкосновении с жизнью» [Там же, 405].

Значение естественно-научных трудов Ломоносова высоко оценил в своих многочисленных статьях и выступлениях, посвященных ему, президент АН

СССР С. И. Вавилов. В частности, он пишет: «Своей “главной профессией” Ломоносов считал химию (об этом он пишет в посвящении ко второму изданию перевода “Вольфианской экспериментальной физики”), но вместе с тем он, несомненно, может считаться первым и наиболее заметным русским физиком. Принципиальные позиции Ломоносова как в химии, так и в физике могут быть определены как крайний, последовательный атомизм и механизм. Для своего времени это, несомненно, было наиболее прогрессивное воззрение» [3, 24–25]. Как известный специалист в области оптики, Вавилов особо выделяет труды Ломоносова по теории света: «Истинное значение и важность физико-химических работ Ломоносова, его роль в открытии законов сохранения массы и движения и в развитии кинетической теории вещества, а также его огромная исследовательская работа и изобретения в области оптического приборостроения стали ясными только в XX в.» [Там же, 34]. Эту мысль он подробно развивает в специальных работах — «Оптические работы и воззрения М. В. Ломоносова» (1936), «Ночезрительная труба М. В. Ломоносова» (1946), «Оптические исследования М. В. Ломоносова» (1946).

А лауреат Нобелевской премии академик П. Л. Капица в речи на сессии Отделения физико-математических наук АН СССР, посвященной 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, выделяет еще несколько заслуг Ломоносова-ученого: «Приходится удивляться тому, как много сделал Ломоносов в области экспериментальной базисной науки, несмотря на... неблагоприятные условия. Во-первых, он очень широко захватил в своих работах различные области физики. Он изучал жидкое, твердое и газообразное состояние тел. Он тщательно разработал термометрию, он точно калибровал свои ртутные термометры. Пользуясь ими, он, например, определил коэффициент расширения газов при нагревании с удивительной для своего времени точностью. Сравнивая его данные с современными, мы находим, что он сделал ошибку меньше 3 %, что было в десять раз точнее принятого тогда значения. Это показывает исключительно высокую технику Ломоносова как экспериментатора» [6, 201]. Далее Капица отмечает: «Самым крупным по своему значению достижением Ломоносова было экспериментальное доказательство закона сохранения материи. Открытие Ломоносовым закона сохранения материи теперь хорошо изучено, и несомненность того, что Ломоносов первым его открыл, полностью установлена. В 1756 г. он сделал классический опыт, в котором показал, что в запаянном сосуде при нагревании происходит окисление свинцовых пластинок, но при этом общий вес сосуда не меняется. Опыт Ломоносова аналогичен знаменитому опыту Лавуазье, но опыт Лавуазье был сделан на 17 лет позже. Я не буду подробно повторять всю эту историю, большинство знает ее. Несомненно, что это открытие одного из самых фундаментальных законов природы должно было в истории науки поставить имя Ломоносова в ряду крупнейших мировых ученых» [Там же, 202].

Утвердившийся в XX в. взгляд на М. В. Ломоносова как на выдающегося ученого-энциклопедиста, первооткрывателя многих естественно-научных направлений в развитии науки в XXI в. несколько изменил вектор интереса к ученому. Усилиями историков русской общественной мысли и особенно его

земляков, ученых Поморского государственного университета, было обращено внимание еще на одну область его творчества: «Михаил Ломоносов не был в стороне от развития экономической мысли мира. Главной целью жизни его было умножение (приращение) могущества России» [5, 15].

По убеждению Ломоносова, важным источником умножения богатства России является Север. Его пророческая мысль о том, что могущество России будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым океаном («Северный океан есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою» [7, 420]), подтверждается практикой экономического развития России. Уже доказано, что богатство Севера — это 80 % разведанных и перспективных запасов минерального сырья, 90 % запасов пресной воды и 60 % лесных богатств [1, 6]. Важным политическим и экономическим аспектом освоения Севера, по мысли Ломоносова, является Северный морской путь, что он и доказывал своими работами, среди которых «Рассуждение о большей точности морского пути» (1759), «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763), «Прибавление первое о северном мореплавании на восток по Сибирскому океану» (1764), «Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток Северным океаном» (1765) и др. В них он утверждал: «Когда желаемый путь по северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана» [7, 424]. Этот проект Ломоносова начал осуществляться уже при его жизни, а в XIX и XX столетиях он доказал свою перспективность. Что же касается богатства шельфа Ледовитого океана, принадлежащего России, то оно подтверждает самые смелые предположения русского ученого.

В XXI в. чрезвычайно актуализировалось еще одно направление мысли Ломоносова — «о сохранении и умножении русского народа».

1 ноября 1761 г., в день рождения своего покровителя И. И. Шувалова, Ломоносов написал ему письмо, в котором сообщал: «Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их Вашему превосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащие... Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народе просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира...

Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением русского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [7, 383–384]. Началом своего большого труда и главной его темой, как видим, Ломоносов считал «сохранение и размножение русского народа». В тринадцати разделах этого первого очерка он рассмотрел варианты решения данной проблемы. Вполне естественно, что эти решения относятся к российской действительности середины XVIII в., но в них в определенных аспектах просматривается их перспектива и для нашего века.

В первом разделе Ломоносов выступает против «неравенства в супружестве», предлагая «вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15-ю годами» [Там же, 385]. А во втором разделе он предлагает запрещать священникам под угрозой лишения сана венчать насильно. В третьем разделе ученый выступает против церковного догмата, запрещающего четвертый брак: «Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде пятый брак был позволен по примеру других христианских народов» [Там же, 386]. Четвертый раздел посвящен вдовым клирикам, которым запрещено вступать во второй брак. Для увеличения деторождения Ломоносов предлагает также браки разрешить, а еще он предлагает пострижение в монашество запретить женщинам младше 45 лет, мужчинам — 50 лет. Последующие три раздела посвящены детям. В пятом разделе Ломоносов предлагает «для сохранения жизни» незаконнорожденных детей «учинить нарочные богодельные дома» (приюты), а в шестом разделе, чтобы уменьшить детскую смертность, предлагает: а) издать «хорошие книжки о повивальном искусстве»; б) в этих книжках рассказать о накопленном опыте лечения малолетних детей; в) поскольку «у нас с аптеками так скудно», их нет даже в «знатных великих городах», необходимо государству об этом «иметь попечение», о чем Ломоносов намеревается написать особо; г) книжку эту напечатать большим тиражом, чтобы «распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и других наставлением пользоваться» [Там же, 390].

Два следующих раздела Ломоносов направляет против «невежд-попов», крестящих детей в ледяной воде: «Таких упрямых попов, коих хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти» [Там же, 391]. Наконец, Ломоносов выступает против укоренившейся в России невоздержанности в еде и питии перед Великим постом и после него, когда «недавние строгие постники» объедаются и пьянствуют. Такое «крутопеременное» питание, по его мнению, вредно и даже «смертоносно». Ломоносов обращает внимание на то, что время церковных постов и праздников было установлено в Греции и «в земле обетованной», что для сурового климата России неприемлемо. Поэтому он обращается к церковным властям: «Расположите, как разумные люди, по вашему

климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами... А сверх того, учением вскорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубийства вредными пищами, но для воздержания от излишества» [7, 395]. Ломоносов понимает, что выполнение этого требования нарушает вековые традиции, однако, поскольку «русский народ гибок!», оно выполнимо.

В десятом разделе предлагается ряд мер против «насильственных, натуральных и случайных обстоятельств, как причин лишения жизни человеческой», имея в виду то, что следует предупреждать заранее жителей о начавшихся эпидемиях, приближающихся наводнениях, затмениях Солнца, о чем Ломоносов подробно предполагает написать позже в главе «О лучшей государственной экономии». Одиннадцатый раздел письма посвящен борьбе с ворами и разбойниками. Мер предлагается много, в том числе плата за их поимку. Большую потерю поселения Российская империя терпит из-за «живых покойников», т. е. из-за тех, кто эмигрирует — «уходит в чужие государства». Ломоносов считает, что этот процесс «силою совершенно запретить невозможно» и поэтому нужно применить ряд экономических мер, облегчая жизнь приграничных жителей. И компенсировать уход русских «приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры», о чем он пишет в последнем, тринадцатом разделе.

Заканчивая свое письмо к Шувалову, ученый предполагает, что если принять во внимание эти тринадцать способов (а может быть, и больше) «сохранения и приращения подданных ее императорского величества», то каждый год можно увеличивать население на полмиллиона человек, а за 20 лет («от ревизии до ревизии») — до 10 миллионов. «Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительные, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному» [Там же, 402].

Как видим, каждый век российской истории обнаруживает «свое» в наследии великого русского ученого, не отрицая и другие стороны его наследия, а празднование 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова позволит еще раз обратиться к его творчеству и, думаю, найти новые доказательства его патриотизма и гениальности.

---

1. Аганбегян А. Г. Освоение природных богатств арктической зоны СССР // Изв. СО АН СССР. 1984. № 9.

2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10.

3. Вавилов С. И. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961.

4. Вернадский В. И. Памяти Ломоносова // Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1983.

5. Залынский Н. П. Михаил Васильевич Ломоносов и экономическая наука России. Архангельск, 2001.

6. Капица П. Л. Ломоносов и мировая наука // М. В. Ломоносов: К 285-летию со дня рождения. М., 1997.

7. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 6.

8. Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2.
9. Пушкин А. С. Ломоносов // М. В. Ломоносов: К 285-летию со дня рождения.
10. Радищев А. Н. Слово о Ломоносове // Там же.

Рукопись поступила в редакцию 30 июня 2011 г.

УДК 159.96 + 159.972 + 616.89 + 141.7

Г. Г. Коломиец

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ,
ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУР
БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ
Ж. ДЕЛЁЗА И Ф. ГВАТТАРИ**

Материалистическая психиатрия (шизоанализ), метод философского анализа бессознательных процессов в индивидуальной и массовой психологии, предложенный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, исследуется, как правило, в рамках проблемного поля социальной философии или философской антропологии. В статье дано эксплицитное описание моделей онтологической, информационной и эмоциональной структур бессознательного в материалистической психиатрии с учетом вопросов философии сознания, выявленных специфических черт этих моделей на основе сопоставления с близкими по предметной и проблемной сфере философскими концепциями.

Ключевые слова: Жиль Делёз, Феликс Гваттари, материалистическая психиатрия, шизоанализ, структура бессознательного.

Материалистическая психиатрия (шизоанализ) — философский проект, разработанный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, который определяет теоретическую базу для исследования широкого спектра проблем, относящихся к сфере как философии сознания, так и философской антропологии, философии экологии, политологии, политэкономии, психоанализа, культурологии, этики [4, 916]. Сущность метода Делёза и Гваттари отражена уже в названии их проекта: материалистическая психиатрия основывается на материализме и представляет собой философский дискурс, направленный на психиатрическое исследование человека, общества и культуры. Материализм Делёза и Гваттари вполне ортодоксален: они исходят из мысли о том, что мир материален, существует объективно, вне и независимо от сознания, что материя первична, никем не сотворена, существует вечно, а мышление — одно из свойств материи. Материалистическая психиатрия противопоставляется фрейдистскому и постфрейдистскому психоанализу как идеалистическому учению, понятийный аппарат которых отсылает к трансцендентным сущностям, нематериальным образам с неясным онтологическим статусом. Шизоанализ сближается с психиатрией ввиду того, что французские философы с помощью знаний о мышлении, сознании и бессознательном психиатрических больных (психотиков, шизофреников, кататоников)

объяснили бессознательное и сознание психически здорового человека, а также исторические и общественные процессы, что вполне соответствует свойственному философии второй половины XX в. пониманию философа как клинициста цивилизации.

Направленность материалистической психиатрии на объяснение структуры и функций бессознательного и сознания недвусмысленно указывает на то, что шизоанализ принадлежит прежде всего к проблемному полю философии сознания. Однако большинство исследователей склонно трактовать его преимущественно в ключе философской антропологии (см., напр., [1]) и социальной философии (см., напр., [7]). Такой подход не позволяет дать целостную характеристику его концептуальной базы. Для эксплицитного описания материалистической психиатрии необходимо выявить и охарактеризовать шизоаналитическую философию сознания и определить отличия основных ее положений от близких по предметной и проблемной сфере философских концепций.

Ключевым моментом при этом выступает реконструкция машинной структуры бессознательного — нестабильного множества производящих желание материальных единиц, включающего четыре типа машин (желающую, параноическую, чудодейственную и безбрачную) и три рода их синтезов (коннективный, дизъюнктивный, конъюнктивный). Для этого необходимо последовательно описать онтологическую, информационную и эмоциональную структуры бессознательного.

Существующие подходы к решению этой проблемы имеют ряд особенностей.

И. П. Ильин описывает шизоанализ как идеологический дискурс, далекий от философии. По его мнению, в основе материалистической психиатрии лежит социально-политический заказ на оправдание анархических выступлений в мае 1968 г. И. П. Ильин склонен редуцировать философский метод Ж. Делёза и Ф. Гваттари к художественному жесту, несущему эпатажный характер [Там же, 109–120].

Сходные тенденции прослеживаются и в работе Р. М. Алейник. По ее мнению, материалистическая психиатрия относится к сфере поэтической рациональности — эстетизации философского дискурса [1, 8–10].

Н. Г. Попова видит в материалистической психиатрии модернизированный вариант французского материализма (в частности, концепций Ж. О. Ламетри), считает шизоанализ искаженной формой марксистско-ленинской диалектики [17, 80–85].

Тенденция к идеологизации материалистической психиатрии и сближению ее с диалектикой намечается также в работе А. В. Дьякова [6, 86–104].

Видно, что при исследовании шизоанализа проблематике философии сознания не уделяется должное внимание. Поэтому целесообразно описать машинную структуру бессознательного с позиций философии сознания и сопоставить ее с близкими по предметной и проблемной сфере философскими концепциями.

Описание и сопоставление построено сообразно трем организующим принципам:

1) порядок рассмотрения моделей структурной организации бессознательного (онтологическая, информационная и эмоциональная структуры) совпадает

ет с порядком их рассмотрения в «Анти-Эдипе», ввиду того, что каждая последующая модель основывается на концептуальном и терминологическом аппарате предыдущей;

2) сопоставляемые понятия шизоанализа приводятся в порядке увеличения их объема;

3) изложение результатов сопоставления концепций Делёза и Гваттари со сходными построениями других философов производится в хронологическом порядке, по датам жизни авторов.

Онтологическая структура бессознательного и ее особенности

Установка на радикальный материализм, обосновывающая методологию шизоанализа, формирует представление о единственном Бытии, которому принадлежит любая сущность и любое существование. Решая вопрос о его структуре и свойствах, Делёз и Гваттари вводят понятие машины желания. По их мнению, Бытие составлено из многочисленных машин, основная функция которых — желать или производить желание, энергию либидо (производство в данном случае понимается как тождество производства и произведенного).

Бытие структурно однообразно и нейтрально, а это означает, что в рамках машинного бытия не существует четкой границы между машинами желания человека и машинами желания, составляющими природу или инструмент. Следовательно, человек является органичной частью природы (*homo-natura*).

В связи с тем что у желающего производства нет внешнего объекта, «воздействие» машины желания необходимо направлено на другую машину желания. Невозможно существование единичной (одной) машины желания, любая желающая машина представляет собой синтез двух других. Такой синтез называется коннективным [22, 8–13].

Понятия потока и среза (*la coupe*) потока позволяют Делёзу и Гваттари полнее раскрыть сущность коннективного синтеза. Любая машина желания пропускает через себя непрерывный поток материи, энергии, информации, части которого она изымает и передает другой. Поток материи представляет собой органическую связь между разнородными объектами. Линейная цепь, состоящая из машин, передающих друг другу материальный поток, благодаря постоянному наращиванию коннективных синтезов, беспредельна. Следовательно, все машины функционируют в едином плане (плоскости), который включает в себя бессознательное человека как локальную область с неопределенными и нестабильными границами [Там же, 43–45].

Выявление особенностей онтологической структуры бессознательного целесообразно проводить, сопоставляя идейную базу понятий «машины желания» и «коннективный синтез» со сходными по структуре и смыслу философскими построениями.

Ж. О. Ламетри в работе «Человек-машина», находясь на материалистических позициях, пытается создать монистическую концепцию человека и природы, описывает высшие мыслительные функции человека как следствие бесконечного усложнения механических процессов, происходящих в органах его тела.

Основываясь на том, что физиологические состояния влияют на характер эмоций и способ мышления, французский философ утверждает, что мысль и эмоция — свойства, традиционно приписывавшиеся *res cogitans*, являются коррелятами машинных процессов, происходящих в *res extensa* [8, 169–276]. Шизоанализ значительно расширяет механицистское понимание машинного, считая таковым всякий материальный процесс. Особенностью шизоанализа можно считать и постулат о взаимосвязи и неограниченности всех производящих желаний машин, — Ж. О. Ламетри рассматривает всякую машину как изолированную материальную единицу, имеющую строго определенные границы и конечное количество составляющих частей, а Делёз и Гваттари считают всякую машину бинарной, частичной и неограниченной. Отличительным признаком шизоанализа является также указание на первостепенную важность производственной функции для описания онтологии машины. Проект Делёза и Гваттари отличается от механицизма Ж. О. Ламетри понятие потока и соответствующая ему материальная сущность: французский материалист ограничивается описанием машин с позиций современной ему механики, игнорируя реальность, внеположную машинам, а авторы шизоаналитического проекта вписывают в свою онтологию не-машинные сущности посредством понятия «поток».

К. Маркс определяет машину, как объект, который на основе законов природы производит ее преобразование [13, 397]. Однако в связи с искусственным происхождением машины и подконтрольностью человеку [14, 203] ее невозможно вписать в систему природы. По Марксу, машина занимает промежуточное положение между природой и человеком, это «третье бытие». Шизоанализ же использует понятия «машина», «человек», «природа» как равнозначные.

Аналогии коннективного синтеза обнаружены нами при анализе работ Дж. Беркли и Д. Юма.

Дж. Беркли, анализируя восприятие, приходит к выводу, что зрение, равно как и другие органы чувств, не дают истинной информации о содержании опыта. Идеи расстояния, формы, цвета, движения навязываются реальности разумом [3, 74], а «...все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа... <...> их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми» [Там же, 173]. Мысль Дж. Беркли может быть прочитана и в ключе шизоанализа: всякий предмет синтезирован с воспринимающим его органом, что можно считать частным случаем коннективного синтеза. Отличия шизоанализа от описанных концепций Дж. Беркли состоят в следующем: а) шизоанализ отрицает существование трансцендентных инстанций, в том числе и «духа». Отношения, описываемые коннективным синтезом, выстраиваются на материальном субстрате; б) область действия коннективного синтеза в материалистической психиатрии не ограничивается отношениями между объектом и воспринимающим органом, — коннективный синтез применим для описания взаимосвязи произвольных объектов; в) вводя понятие потока, Делёз и Гваттари определяют характер синтетических отношений между объектами и дают возможность выявить конкретный порядок синтетических взаимосвязей в системе машин.

Д. Юм, анализируя механизмы восприятия, приходит к выводу о том, что существование изолированных объектов мнимо. Он также ставит под сомне-

ние единство и ограниченность телесной схемы: в опыт телесного вплетены синтезы органов тела и природных объектов [19, 242–267]. От описанной концепции Д. Юма материалистическую психиатрию отличает более глубокая и комплексная проработка вопроса: если в работе английского философа синтетические отношения между мнимо изолированными объектами подразумевались имплицитно, то Делёз и Гваттари раскрывают конкретные форму и содержание конвективного синтеза, выделяют материальные потоки как способ связи между объектами.

Информационная структура бессознательного и ее особенности

Информационная структура бессознательного задает порядок соединения машин и определяет поведение потоков. Благодаря информационному коду, который Делёз и Гваттари называют регистрацией (*enregistrement*), единичный поток выделяется из недифференцированной массы материи. Сущность регистрации шире языковых форм: всякий поток материи является одновременно и потоком информации [21]. Следовательно, каждый срез потока сопровождается захватом машиной желанного информационного кода, который влияет на режим ее функционирования. Роль кода состоит в том, чтобы останавливать, пропускать или ускорять поток материи [20]. Логика этого процесса, по мнению Делёза и Гваттари, задается дизъюнктивным синтезом, который образует «генеалогию» машин желанного, иерархию связей между ними. Сущность этого синтеза состоит в том, что бинарное соединение «равнозначных» и «неразличимых» машин желанного наделяется различием без нарушения целостности конвективного синтеза. Образуются логические синтезы (например, «отцесын», «живой мертвец» и т. п.), которым соответствует языковая форма «то ли... то ли...», что позволяет бессознательному маркировать элементы множества как пределы единого континуума. Сознанию же свойственно выделять пары предметов или явлений по принципу дизъюнкции.

За сохранение информационного кода регистрации и его воспроизведение отвечает инстанция, которую Делёз и Гваттари называют телом без органов. Тело без органов является продуктом одновременной остановки машин желанного, ему свойственны непроизводительность, неорганизованность, нефункциональность и недифференцированность. Оно также способно отталкивать и притягивать машины желанного. Отталкивание машин желанного от тела без органов образует параноическую машину — то, что психоанализ именуется «первичным вытеснением», а их притяжение является преображающей (чудодейственной) машиной, которая производит и воспроизводит регистрацию, записанную на поверхности тела без органов.

Объясняя механизм функционирования преображающей машины, Делёз и Гваттари проводят прямую аналогию между производством желанного и экономическим производством: капитал, будучи продуктом труда, на определенном этапе развития общества присваивает себе средства производства и становится его универсальной предпосылкой. Возникает мнимое впечатление, что капитал производит капитал. В этом и состоит преображающее действие регистрации [22, 15–18].

Специфику рассмотренных нами элементов материалистической психиатрии можно определить в ходе сопоставления их со сходными концепциями других философов.

Библиография по этому вопросу скудна.

В. А. Подорога подчеркивает, что понятие «тело без органов» было позаимствовано Делёзом и Гваттари у французского теоретика театра Антонена Арто [16, 66–68]. Специфика шизоаналитического прочтения этого понятия состоит в том, что телом без органов могут быть не только живые организмы. Кроме того, Арто не оговаривает социальные качества тела без органов.

А. А. Сухно проводит параллель между понятием «Бытие-в-себе», введенным Ж. П. Сартром, и телом без органов. Инертность, самотождественность, автономность выступают как сходные признаки двух понятий [18, 44–47]. Специфика шизоанализа по сравнению с экзистенциализмом Сартра заключается в способности тела без органов служить информационным носителем, в его непроизводительности и в том, что оно является продуктом производства.

Ряд историко-философских аналогий нам удалось выявить самостоятельно.

Первая интуиция тела без органов обнаружена у Аристотеля. В трактате «Метафизика» греческий философ, рассуждая о первоначалах всякого движения и изменения, приходит к мысли о том, что существует неподвижный двигатель любого мирового процесса, форма, лишённая материи, чистая нематериальная действительность, Бог [2, 306–315]. Концепция неподвижного перводвигателя сходна с концепцией тела без органов в аспекте его инертности (неподвижности), обладающей способностью задавать логический принцип всякого процесса. Отличительной чертой шизоанализа по сравнению с аристотелевской метафизикой можно считать способность тела без органов быть информационным носителем, а также утверждение Делёза и Гваттари о том, что оно не может быть идеальной сущностью.

Другой аналог тела без органов — «монада» Г. В. Лейбница. Это простая субстанция, не имеющая составных частей. Причина движения, развития и изменения монады содержится в ней самой. Она, как и тело без органов, неорганизована, бесструктурна, невозможно оказать на нее никакое внешнее воздействие. Монада способна «присваивать» материальный процесс, становясь энтелехией любых тел [10, 413–429]. Особенности понятия «тело без органов» состоят в его неспецифичности, невозможности выявления его родовых и видовых признаков, а также в том, что тело без органов является продуктом производства, тогда как монада появляется в ходе Божественного творения и исчезает посредством Божественного уничтожения. Специфичной для шизоанализа является и способность тела без органов сохранять информационный код.

Целесообразно выделить специфические черты, отличающие капитал как полное тело без органов от капитала в теории К. Маркса. Немецкий философ отмечает свойственную капиталу способность присваивать производительную функцию труда («товарный фетишизм», «фиктивный капитал»). Эта способность связана с тем, что в рамках капиталистических отношений абстрактный (всякий) труд и наемный труд представляются тождественными по природе.

Историческая обусловленность наемного труда редуцируется как самим рабочим, так и буржуазной экономической теорией, что приводит к созданию ложного сознания, дискурса о производящем капитале [12, 383–395]. Делёз и Гваттари расширяют сферу приложения этого правила, утверждая, что любое тело без органов способно порождать мистификации. Другая общность состоит в том, что капитал в форме денег у К. Маркса, так же как и у Делёза — Гваттари, выступает в качестве индифферентной, нейтральной, неделимой субстанции, однако немецкий философ настаивает на том, что не существует глобального капитала, который поглощал бы всю денежную массу отдельного общества, что капиталы многочисленны и локальны [11, 436–439]. Делёз и Гваттари, напротив, намечают тенденцию к глобализации социуса, к охвату им всего общественного производства отдельно взятого социума.

Понятие «феноменальное тело», введенное М. Мерло-Монти, крайне близко понятию «тело без органов» по существенным свойствам и смыслу.

М. Мерло-Понти исходит из мысли о том, что тело является особенной формой бытия, находящейся «между» *res cogitans* и *res extensa*, сочетающей их свойства. Тело феноменологически ориентировано как на себя, так и на сознание и мир материальных объектов. Его важнейшими сущностными характеристиками являются неорганизованность, бесструктурность, пассивность и анонимность. Феноменальное тело, как и тело без органов, не мыслится как единство работающих органов. Невозможно также выделение частей феноменального тела, так как всякая возможная локализация производится не в пределах внешнего онтологического пространства, а внутри системы соотносящихся феноменологических восприятий. Пассивность феноменального тела можно охарактеризовать как его непродуктивность. Его анонимность означает невозможность говорить о нем как о принадлежащем кому-либо. Оно существует в пространстве интеркорпоральности, где невозможно выделить не только чье-то тело но и отдельное тело, вследствие того, что сознание взаимодействует с ним как с сущностью, явленной в форме досознательных и бессознательных автоматизмов, рефлексия над которыми невозможна. По этой же причине невозможно приписать феноменальному телу какую-либо форму. Биологическое тело выступает в качестве оболочки, заключающей в себе недифференцированное феноменальное тело, но не определяющей его границы, так как оно находится в пространстве интеркорпоральности [15, 146–164]. Специфика тела без органов заключается, следовательно, в его способности быть информационным носителем, служить мнимой причиной процесса, будучи его продуктом.

Для выявления специфики дизъюнктивного синтеза достаточно сравнить его с классическим пониманием дизъюнкции в булевой алгебре. В произведении «Законы мысли» Джордж Буль выделяет две формы дизъюнкции: строгую (исключающую) — ей соответствует языковая форма «или/или», которая требует выбора одного из элементов множества, и нестрогую — которая допускает истинность обоих элементов множества («и/или»). Особенность дизъюнктивного синтеза состоит в том, что Делёз и Гваттари смягчают языковую формулировку («то ли... то ли...»), что позволяет объединить элементы множества, сохраняя в то же время различия между ними.

Эмоциональная структура бессознательного

Ввиду того что Делёз и Гваттари считают эмоции основой субъективности человека, реконструкция эмоциональной структуры бессознательного позволит описать шизоаналитическую философию субъекта. Субъект, по Делёзу и Гваттари, производится особым типом машины (безбрачной) и возникает как конъюнктивный синтез сил притяжения и отталкивания, действующих на машину-орган. Функция безбрачной машины состоит в потреблении регистрации, нанесенной на тело без органов, в ходе которого выделяется новый вид энергии (*Voluptas*, энергия наслаждения). Машина, производящая наслаждение, и субъект, его потребляющий, — одна и та же сущность. Шизоаналитический субъект вовлечен в непрерывную цепь видоизменений, он создается заново всякий раз, когда начинается новый цикл производства желания. Таким образом, эмоция (удовольствие) конституирует субъективность как нестабильное свойство объекта. По мнению Делёза и Гваттари, любое ощущение себя является видоизмененным наслаждением. Будучи осознанной, эмоция может терять качества, присущие наслаждению, и принимать иные формы.

Свойства и структура субъективности определяются тем органом, который производит *Voluptas*, а также соотношением сил притяжения и отталкивания, воздействующих на него (интенсивностью). Интенсивности образуют серию позитивных состояний (негация, по мнению Делёза и Гваттари, недоступна бессознательному), бесконечное множество становлений, каждое из которых сопряжено с характеристикой, заключенной в информационном коде, коллективной исторической памяти (субъект — это *Homo Historia*) [22, 22–25].

Для выявления особенностей описанной модели необходимо сопоставить ее с близкими по проблемной и предметной сфере философскими концепциями.

Философия субъекта Р. Декарта, несмотря на существенные методологические расхождения с шизоанализом, близка ему по структуре. Радикальное сомнение конституирует субъекта с эксклюзивным набором свойств в акте самоутверждения и самодостоверения [5, 269–270]. Следовательно, в автореферентном акте рефлексии совпадает производство и потребление: мышление конституирует субъекта в ходе процесса мышления. Шизоаналитический субъект создается из эмоционального становления, которое он потребляет. Значит, особенности шизоаналитической философии субъекта состоят в том, что субъективность конституируется на основе эмоции, а также в нестабильном характере субъективности.

Значительную близость шизоанализу демонстрирует и философия субъекта Э. Левинаса. По его мнению, направленность сознания на объект, которая и конституирует любое возможное сознание, реализуется не в восприятии или рефлексивном акте. Представление конструирует свой объект в интеллигибельных формах. Это означает, что объект представления детерминирован закономерностями работы мышления. Таким образом, в мышлении не существует ничего качественно отличного от него, представление центрировано, становится первопричиной любого существования. Наслаждение же реализует принципы, противоположные принципам представления. Всякий акт наслаждения

связан с человеческим телом, которое «питается» окружающим миром. Формулируя свои потребности, тело конституирует внеположный ему онтологический центр. «Питаясь» предметом своих потребностей, тело делает внешний объект своей частью. Объект в этом случае направлен на субъект и оказывает на него несомненное преобразующее воздействие. Любой предмет потенциально может стать «питающим» источником наслаждения [9, 143–150]. Особенности шизоанализа по сравнению с метафизикой Э. Левинаса заключаются в том, что шизоанализ ассоциирует субъективность не с человеческим телом в целом, а с отдельными органами. Кроме того, становление субъекта, по Делёзу и Гваттари, не связано с удовлетворением потребностей.

Итак, в ходе исследования были выявлены следующие особенности философского анализа бессознательного в материалистической психиатрии Ж. Делёза и Ф. Гваттари:

1. Для онтологической структуры бессознательного: сопоставление любого объективного процесса и любого вида движения с машиной, постулирование бессубъектности, безобъектности и бесцельности машин, постулирование единства человека, природы и культуры.

2. Для информационной структуры бессознательного: порядок соединения машин желания в бессознательном определяется коллективной памятью, содержащейся в коде регистрации; роль информационного носителя выполняет поверхность тела без органов; информация записывается посредством дизъюнктивных синтезов; языковая форма дизъюнктивного синтеза («то ли... то ли...») позволяет образовать континуум, который включает в себя переходные состояния между элементами множества, выступающими в качестве его пределов.

3. Особенности шизоаналитической философии субъекта заключаются в том, что субъективность как нестабильное свойство объекта конституируется на основе эмоции, связанной с работой определенного органа, носит позитивный характер.

---

1. Алейник Р. М. Образ человека в философской постмодернистской литературе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007.

2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М., 1976.

3. Беркли Дж. Опыт новой теории зрения // Беркли Дж. Соч. / сост., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского. М., 1978.

4. Грицанов А. А., Вашкевич А. В. Шизоанализ // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. ; Минск, 2002. С. 916–918.

5. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и фр. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М., 1989.

6. Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск, 2006.

7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

8. Ламетри Ж. О. Сочинения / общ. ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. 2-е изд. М., 1983.

9. Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб., 2000. С. 66–292.

10. *Лейбниц Г. В.* Монадология // Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. М., 1982.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1961. Т. 25, ч. 2.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1962. Т. 25, ч. 2.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1960. Т. 23.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1969. Т. 46, ч. 2.
15. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
16. *Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995.
17. *Попова Н. Г.* Французский постфрейдизм: критический анализ. М., 1986.
18. *Сухно А. А.* Анти-репрессивная программа: экзистенциальная аналитика и микрофизика бессознательного: по материалам «Бытия и Ничто» Ж. П. Сартра и «Анти-Эдипа» Ж. Делёза и Ф. Гваттари : дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.
19. *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. И. Церетели и др. ; вступ. ст. А. Ф. Грязнова ; примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М., 1996.
20. *Deleuze G.* Cours Vincennes — 16/11/1971 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webdeleuze.com/php/texte.php?cle=115&groupe=Anti%20Oedipe%20et%20Mille%20Plateaux&langue=1> (дата обращения: 11.04.2011).
21. *Deleuze G.* Cours Vincennes : nature des flux — 14/12/1971 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webdeleuze.com/php/texte.php?cle=118&groupe=Anti%20Oedipe%20et%20Mille%20Plateaux&langue=1> (дата обращения: 11.04.2011).
22. *Deleuze G., Guattari F.* L'Anti-Édipe — Capitalisme et schizophrénie. P., 1972. P. 8–13.

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2011 г.

УДК 101.1 + 111.1 + 130.3

Т. Х. Керимов

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья посвящена анализу различных сосуществующих концепций философии. Цель публикации — показать наиболее значимые из них: метафизическую, научную и антропологическую, определить теоретические мотивы, меняющие их характер и методологию. В статье провозглашается необходимость новой, дифференциальной онтологии — гетерологии, радикально трансформирующей природу самой философии.

Ключевые слова: философия, метафизика, философия науки, антропология, гетерология.

Философия как метафизика

Значение понятий «метафизика», «метафизический» функционально, контекстуально обусловлено: оно зависит от того, в каком ряду сопоставлений и противопоставлений возникает это понятие. И в то же время можно было бы сказать, что метафизика — постоянная и неизменная тема в истории западной философии. Меняя свои конкретные формы, эта тема не всегда становится в собственном смысле проблемой, во всяком случае до той поры, покуда не становится проблемой сама философия как таковая.

© Керимов Т. Х., 2011

В четвертой книге «Метафизики» Аристотель определяет бытие как общее всему сущему, которому посвящается отдельная наука, а именно наука о сущем как сущем. Наука эта противопоставляется региональным наукам, исследующим какие-то части сущего. Наука о сущем как таковом не ограничивается какой-то частью сущего, а исследует общую природу сущего как сущего. И так же, как мы ищем начала и причины в любой частной науке, в науке о сущем как таковом нам необходимо постичь первые начала и причины сущего как такового. Именно этой науке впоследствии будет присвоено имя метафизики. «Есть некоторая наука, исследующая сущее как сущее, а также то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его, исследуют то, что присуще этой части, как, например, науки математические» [1, 119]. «Как сущее» имеет здесь принципиальное значение, поскольку Аристотель исключает возможность общей науки о сущем в целом, изучающей, например, свойства, присущие всему сущему по природе. В то же время исключается возможность науки о сущем как таковом как особом регионе сущего. Аристотель говорит о другом: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как сущее», т. е. исследующая сущее, всякое сущее в той мере, в какой оно есть: сущее в его бытии. Сущее в его существовании: становящееся сущее. Не сущее вообще и не сущее в целом, а сущее в его существовании, всякое сущее в его становлении. «Как сущее» указывает на бытие или факт бытия, общий всему сущему.

Аристотель, так же как и Платон, обозначает этот факт бытия термином *ousia*: «И вопрос, который издревле ставился и ныне и постоянно ставится и доставляет затруднения — вопрос о том, что такое сущее, — это вопрос о том, что такое сущность. Именно о ней одни утверждают, что она одна, другие — что больше, чем одна, а из них одни утверждают, что она ограничена по количеству, другие — безгранична по количеству. А потому и нам надлежит главным образом, прежде всего и, можно сказать, исключительно исследовать, что такое сущее в этом смысле» [Там же, 188]. Если *ousia* есть нечто общее абсолютно всему, то потому, что оно лежит в основании и фундирует сущее в целом: это общий суб-страт или суб-станция, выражающая сущее в его сущности. Все, что есть, есть на основе *ousia* как причины, основания, начала сущего в целом. Смысл бытия отождествляется со смыслом существования. Наука о сущем как сущем — это в действительности наука о том, на основе чего сущее существует. Онтология — это прежде всего наука о сущности сущего. Из всех категорий, выражающих множество значений сущего, *ousia* — самая первая и фундаментальная: «и по определению, и по познанию, и по времени». На самом деле, из других родов сущего только *ousia* обладает статусом самостоятельного существования, только оно содержится в любом определении, только через него мы познаем что бы то ни было.

В «Физике» Аристотель определяет *ousia* как *upokeimenon* [2, 83]. Такое отождествление имеет двойной смысл: во-первых, это то, что присутствует, наличествует, т. е. пред-нами-здесь-лежащее; во-вторых, это то, что лежит под (под-лежащее) и фундирует присутствующее. В одном смысле *ousia* и

urokeimenon, как равнозначные и взаимозаменяемые, используются Аристотелем для описания присутствующего, наличествующего. И по этой же причине обозначают не только то, что есть, поскольку оно присутствует, но также то или это определенное сущее — именно потому, что оно присутствует, лежит перед нами. В этом, первом смысле все сущие — субстанции. В качестве предварительного вывода относительно первого смысла *ousia* можно выдвинуть следующее положение: *ousia* как сущность описывает как земной, так и Божественный мир в том смысле, что характеризует сущее в его присутствии или же, с некоторыми оговорками, в его существовании. Категория *ousia* описывает как сущее в перспективе его с самого начала актуализированной сущности, так и сущее в состоянии становления, или при-роду. Первый смысл бытия в равной степени относится как к физике, так и к метафизике, хотя и выполняет в каждом случае различные функции.

Второй смысл указывает на «суть» вещи, устойчивое ядро, благодаря которому она остается самотождественной при всех ее превращениях. Вторым смыслом *ousia* Аристотель называет *arche*. Наука о сущем в его присутствии — это в то же время наука о первых и высших началах. Этот, второй смысл — решающий для Аристотеля: хотя о сущем говорится в различных значениях, «но ясно, что первое из них — это значение сущего как сути вещи, которая выражает ее сущность... а все остальное называется сущим, поскольку в одних случаях это относящееся к сущему в первом значении количество, или качество, или состояние, или что-то другое тому подобное» [1, 187]. Под сущностью надо понимать нередуцируемое ядро сущего, которому приписываются какие-то качества, но которое остается самотождественным и неизменным. Строго говоря, наука, в собственном смысле этого слова, имеет дело именно с сущим в отношении его сущности.

Двойственность основополагающего понятия Аристотеля фундирует философию с самого ее рождения. Философия, по крайней мере в аристотелевской версии, утверждается как наука о сущем в его становлении и как наука о сущем как таковом, о сущем как сущем, т. е. как наука о природе и как наука о причине, основании, первоначалах. Иначе говоря, философия утверждается и как физика, и как метафизика. Техническое значение метафизики получает здесь логическое обоснование: метафизика обозначает не просто то, что следует за физикой, а то, что находится по ту сторону физики. В то же время этой двойственности физики-метафизики сопутствует другая двойственность. С одной стороны, философия — это онтология, наука о сущем в его присутствии. В этом качестве философия исследует сущее в его земном и божественном присутствии. С другой стороны, философия — это онтотеология, наука о сущем в отношении его сущности. Философия исследует сущность сущего, устойчивое, неизменное ядро, благодаря которому сущность остается самотождественной при всех ее изменениях. Поэтому онтология ведет к науке о божественном, или к теологии. Но поскольку она обозначает сущее в целом в его бытии и поднимает вопрос о сущности сущего как такового, теология есть онтология.

Хотя философия Нового времени разрабатывает новую концепцию *ousia*, она остается в рамках метафизической исследовательской программы, зало-

женной в Античности. Вопрос о сущем, который, как полагал Аристотель, есть вопрос о сущности, трансформируется в вопрос о рефлексии. И если метафизика все еще сохраняет статус «первой философии», то прежде всего благодаря тому, что обеспечивает и гарантирует онтологические основания познания природы. А «место» этой гарантии, субстанция, с которой это основание отождествляется, и есть человеческая субъективность, или человеческая природа. Восстановленная в своих правах «первая философия» обретает все свое значение у Гегеля в качестве вершины и завершения метафизики субъективности: разум — это не столько человеческий разум, сколько само бытие или субстанция материального мира. Разум как Дух и объективен, и субъективен: «...Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [3, 9].

Отныне философия — это метафизика как наука об априорных структурах данности сущего. Она всегда обращена к основанию (причине, абсолюту) и занимается его поиском вне зависимости от того, как будет пониматься это основание: бытие, язык, социальность или человек.

Философия как философия науки

Концепция философии как философии науки связана с так называемой неокантианской ее интерпретацией как трансцендентальной эпистемологии, обосновывающей возможности и границы строго научного познания, условия познания всех возможных объектов научного опыта.

Философия Канта — это теория опыта. Но поскольку опыт дан в математике и чистом естествознании, философия становится учением об условиях возможности математики и чистого естествознания. При этом опыт рассматривается исключительно как система априорных знаний. К подобному толкованию опыта неокантианство, бесспорно, подтолкнуло бурно развивающееся математическое естествознание и все более усиливающаяся роль математики в естественно-научных исследованиях. Задача критической философии в научном смысле заключается в том, чтобы определить принципы систематического познания физико-математического мира — принципы, а не законы природы. «Критика не есть исследование познавательных возможностей — это, вероятно, могло бы быть воспринято и как психология, — но, объективно, есть исследование науки, чистого разума как чистой науки. Философия не является “доктриной”, но является критикой; она не сама порождает науку о предметах природы, но учит вскрывать заблуждения и делает то, без чего была бы невозможна никакая наука: позитивно определять “горизонт” познания. Через то, что философия, таким образом, отказывается от претензии на доктрину, она заслуживает права называться “цензурой”, одновременно реализуя в качестве проверяющей инстанции понятие “возможность опыта» [6, 151]. Именно потому, что эта задача обращена к методу, благодаря которому осуществляется познание, а не к объектам познания, критическая философия в то же время предстает в качестве трансцендентальной: «Носители априори в кантовской теории — пространство и время, как и категории, их следует понимать в качестве методов, а не

в качестве духовных форм. Это восприятие является следствием трансцендентального метода, трансцендентального априори. Априори означает, в трансцендентальном смысле, только познавательную ценность, но реализуется и подтверждается она научным способом. Поэтому различаются как методы основные виды априори — вид созерцания и вид мышления. А именно, метод чистого созерцания означает метод математики, а метод мышления — метод механики» [6, 160].

Исходный пункт трансцендентальной эпистемологии усматривается в «трансцендентальном методе». В чем заключается это требование трансцендентального обоснования философского положения? Требование это состоит из двух существенных частей. Вот каким образом П. Наторп объясняет эти части: «Первая есть правильное сведение к имеющимся налицо, исторически доказуемым фактам науки, этики, искусства, религии. Ибо философия не может дышать в “безвоздушном пространстве” чистой мысли, в котором чистый разум мог бы парить на крыльях идей» [7, 124]. Таким образом от «высоких башен» метафизических строителей философия стремится на «плодоносную равнину» опыта, творческой работы созидания объектов всякого рода. «Но творческой основой всякой такой работы объективирования является закон, и в конце концов тот первоначальный закон, который все еще будет достаточно понятен нам, если мы назовем его законом *логоса*, *разума*, *ratio*. И в этом заключается второе существенное требование трансцендентального метода: рядом с фактами должно быть доказано основание “возможности” и вместе с тем “правовое основание”; это значит: необходимо показать и в чистом виде сформулировать законсообразное основание, единство логоса, *ratio*, во всякой такой творческой работе культуры... Таким образом, метод, в котором заключается философия, имеет свою целью исключительно творческую работу созидания объектов всякого рода, но вместе с тем познает эту работу в ее чистом законном основании и в этом познании обосновывает. Вследствие этого и с этой точки зрения метод, конечно, возвышается над этой работой, “трансцендирует” ее в этом чисто методическом смысле» [Там же, 124–125].

Однако это принципиальное для марбургской школы требование остается привязанным к ситуации в самой науке. В это время в естествознании возникают новые объекты и задачи исследования, законы классической механики перестают действовать, а ее философские и методологические установки оказываются опровергнутыми. Отсюда антисубстанциализм, т. е. отказ от поиска неизменных и общих субстанций бытия, полученных логическим методом механического абстрагирования общих свойств от единичных вещей и процессов, с чем — как его продолжением — связана антиметафизическая установка построения универсальных картин мира. Логос расплывается в различных концепциях логики и языка: мыслить в классической онтологии означало высказывать и определять (в особом смысле) вещи или субстанции в соответствии с их родовидовыми различиями. Теперь, перед лицом математизированной природы, мыслить означает исчислять, а исчисление связывается со способностью устанавливать отношения зависимости — функции. На смену категориям приходят математические функции. Против логики родового

понятия, подчиненного понятию субстанции, выдвигается логика математического понятия функции.

В результате философия становится философией науки, эпистемологией еще и в другом смысле: философия — это саморефлексия науки, учение о понятиях, принципах и методах, благодаря которым наука организует собственную деятельность. Из «науки наук» философия превращается в эмпирическую, производную от естественных наук, единственная цель которой — логико-семиотический анализ «языка» науки, т. е. анализ употребляемых в конкретных науках терминов, предложений и сочетаний предложений, а также критика традиционных метафизических притязаний. Философия получает санкцию быть философией и методологией науки непосредственно от науки как формы онтологического и логического обоснования возможности познания. Из «науки наук» философия превращается в «служанку наук», а философы, по меткому замечанию С. Критчли, «становятся швейцарами хрустального дворца наук» [11, 95].

В отношении этой научной концепции мира предложения классической метафизики считаются бессмысленными, поскольку они не имеют познавательного содержания. «Благодаря развитию современной логики стало возможным дать новый и более острый ответ на вопрос о законности и праве метафизики. Исследования “прикладной логики” или “теории познания”, которые поставили себе задачу логическим анализом содержания научных предложений выяснить значение слов (“понятий”), встречающихся в предложениях, приводят к позитивному и негативному результатам. Позитивный результат вырабатывается в сфере эмпирической науки; разъясняются отдельные понятия в различных областях науки, раскрывается их формально-логическая и теоретико-познавательная связь. В области метафизики (включая всю аксиологию и учение о нормах) логический анализ приводит к негативному выводу, который состоит в том, что мнимые предложения этой области являются полностью бессмысленными. Тем самым достигается радикальное преодоление метафизики, которое с более ранних антиметафизических позиций было еще невозможным... В строгом смысле бессмысленным является ряд слов, который внутри определенного языка совершенно не образует предложения. Бывает, что такой ряд слов на первый взгляд выглядит так, как будто бы он является предложением; в этом случае мы называем его псевдопредложением. Мы утверждаем, что мнимые предложения метафизики путем логического анализа языка разоблачаются как псевдопредложения» [5, 70].

Более того, сама метафизика объявляется бессмысленной: «На основе наших предыдущих выводов можно прийти к представлению, что метафизика содержит много опасностей впасть в бессмысленность и метафизик в своей деятельности должен тщательно их избегать. Но в действительности дело обстоит таким образом, что осмысленных метафизических предложений вообще не может быть. Это вытекает из задачи, которую поставила себе метафизика: она хочет найти и представить знание, которое недоступно эмпирической науке» [Там же, 87]. Традиционная философия лучше всего подходит к выражению «чувства жизни», не поддающемуся рациональному анализу. Наиболее

адекватным средством выражения чувства жизни считается искусство, а философия не что иное, как суррогат искусства.

Философия как антропология

Антропологическая концепция философии связана с реакцией на естественно-научную редукцию мышления. Философия теперь обращается к человеку как к онтологическому основанию не только познания мира, но и его производства и воспроизводства. Отныне вся философия антропоцентрична. В противоположность космологическим или теологическим доктринам философия, как антропология, конструирует мир в соответствии с образом и подобием человека.

Кантианский момент парадигматичен, даже если трансцендентальная субъективность и не признается вполне достаточным основанием и гарантом постоянства мира. В метафизике Нового времени именно представление обеспечивает действительность действительного, его объективность. Представление устанавливает само себя в пространстве своего собственного существа и полагает это пространство как меру для бытия сущего и для существа истины. И поскольку истиной зовется обеспеченность предоставления, т. е. удостоверенность, и поскольку бытие означает представленность в смысле такой достоверности, человек соразмерно своей роли в таком основополагающем представлении становится исключительным субъектом. В области господства этого субъекта сущее уже не сотворенное сущее, оно достоверное, несомненное, но обязательно представленное сущее. Антропология становится необходимой, как только представление лишается своей автономии и нуждается в другом, нежели трансцендентальная субъективность, логическом и философском обеспечении. Основные вопросы метафизики Канта — «что я могу знать?», «что я должен делать?» и «на что я могу надеяться?» — сходятся в четвертом вопросе, от которого оказываются зависящими первые три: «что такое человек?». Метафизика, мораль и религия сходятся в антропологии. Человек — универсальный синтез, в котором сходятся эмпирическое и трансцендентальное. Вопрос «что такое человек?» не может разворачиваться в чистом мышлении, поскольку человек есть обитатель актуального существования, конкретной реальности, он действует и творит как практически действующее существо. И поскольку все сущее так или иначе относится к человеку и соответственно к антропологии, она становится всеобъемлющей. Так складывается антропологический «четырёхугольник».

Отныне антропология является не просто названием для философской дисциплины, а выступает обозначением ключевой конфигурации философии. В определенном смысле все проблемы философии можно свести к вопросу о сущности человека и его положению в космосе: «Если и есть философская задача, решения которой наша эпоха требует как никогда срочно, так это задача создания философской антропологии. Я имею в виду фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека; о его отношении к царству природы (неорганический мир, растение, животное) и к основе всех вещей; о его мета-

физическом сущностном происхождении и его физическом, психическом и духовном появлении в мире; о силах и властях, которые движут им и которыми движет он; об основных направлениях и законах его биологического, психического, духовно-исторического и социального развития, их сущностных возможностях и их действительностях. Сюда же относятся как психофизическая проблема тела и души, так и ноэтически-витальная проблема. Только такая антропология могла бы стать последним философским основанием и в то же время точно определить исследовательские цели всех наук, которые имеют дело с предметом “человек” — естественно-научных и медицинских, археологических, этнологических, исторических и социальных наук, обычной и эволюционной психологии, а также характерологии» [10, 70]. Все формы бытия зависят от бытия человека. И только на основе выяснения сущностного состояния человека, которое исследует «философская антропология», исходя из духовных актов, изначально проистекающих из центра человека, можно понять истинные атрибуты высшей основы всех вещей.

Антропологическая конфигурация философии не обязательно предполагает (но и не исключает) антропоцентричность и может рассматривать человека в его отношении к чему-то трансцендентному (Другой, Смерть, Бог и т. п.). Но вне зависимости от принимаемой ею формы (религиозной, социальной, экзистенциальной и т. д.) такая антропология предопределена метафизической ситуацией, в которую поставлен человек. В рамках метафизической традиции человек, его место и предназначение определялись, исходя из некоего внешнего архетипа порядка (Космос, Бог, Природа), который организовывал и гарантировал единство собственно человеческой природы. С возникновением социальных наук (начиная с XIX в. — времени формирования социологии как науки) функцию такого архетипа выполняет социальность: она полагается в качестве метафизической реальности, которая господствует над людьми и подчиняет все иные измерения и возможности бытия-в-мире — они выступают лишь как частный случай социального космоса. Человек оказывается полностью заключенным в систему социальных координат. То же самое мы наблюдаем в ситуации антропологической конфигурации философии: все антропологии предопределены метафизической ориентацией на познание мира. «Антропология есть такая интерпретация человека, которая в принципе уже знает, что такое человек, и потому никогда не способна задаться вопросом, кто он такой. Ибо с этим вопросом ей пришлось бы признать саму себя пошатнувшейся и преодоленной. Как можно ожидать этого от антропологии, когда ее дело, собственно, просто обеспечивать задним числом самообеспеченность субъекта?» [9, 61].

Философия как антропология неизбежно сталкивается с логикой «двойной связи». С этой логикой «двойной связи» философия неизбежно погружается в «антропологический сон» — «докритический анализ того, что есть человек по своей сути, становится аналитикой того, что вообще может быть дано человеческому опыту» [8, 437]. С одной стороны, она исходит из готового, сконструированного понятия человека, а затем в самой истории, в разных типах историчности (ясно, что сама история также рассматривается как данная) ищет формы или способы проявления уже сконструированного человека. С другой

стороны, антропология, отказав в доверии любому трансцендентальному спекулятивному схематизму, опирается на саму историю, в самой истории ищет проявления и способы существования человека. Кажется, что этот, второй подход более предпочтителен. Этот подход часто обвиняли в релятивизме. Но вопрос заключается в другом: если у нас нет никакого, пусть даже минимального понятия человека, кого или что в истории мы будем называть человеком? Более того, тот факт, что данный подход тем не менее обращается к истории, говорит о том, что он невысказанно полагается на то или иное понятие человека. Эти два подхода, только на первый взгляд противоположных, образуют две стороны одной медали. Более того, они невозможны друг без друга. Каждый из них обосновывает свою легитимность за счет дискредитации другого. И каждый из них охотится за ресурсами другого. Трансцендентальный схематизм именно в истории будет искать и, естественно, находить подтверждения уже сконструированному понятию человека. Релятивизм так или иначе всегда полагается на понятие, пусть даже минимальное, человека. «Для того чтобы пробудить мысль от этого сна... для того чтобы пробудить в ней ее первозданные возможности, нет другого средства, как разрушить до основания весь антропологический “четырёхугольник” и начать мыслить в пространстве, где уже нет человека» [8, 437–438].

Философия как гетерология

Выход за пределы данных определений связывается с обоснованием исходного условия различия сущего в его присутствии и событием самого присутствия. Это различие обосновывает собственный «объект» мышления. Этот объект не следует понимать в качестве стороны или аспекта действительности. Ибо действительное, по крайней мере в его актуальности, или материальности, подчиняется авторитету научного мышления. В определенном смысле всякое действительное объективируемо наукой, может стать объектом науки. Но такой объект мышления не является собственно объектом мышления. Иначе говоря, во всяком объекте именно необъективируемое является объектом мышления. Благодаря этой необъективируемости мышление ускользает от метафизической репрезентации. И в то же время благодаря тому, что этот объект ускользает от репрезентации, метафизика мыслит. Объектом мышления и является то, что метафизика не мыслит, то, на основании чего метафизика мыслит.

Что тогда есть не-мыслимое, на основании которого метафизика мыслит или представляет? Не-мыслимое, которое позволяет мышлению выйти за пределы метафизики? Выход за пределы метафизики представляет собой выход за пределы различия между сущим и сущностью к различию между сущим и событием (становлением) сущего. Мышление имеет место в пределах сущего и в то же время в пределах того, что избыточно относительно сущего. Эта избыточность есть то, что в сущем недотягивает до его сущности. Речь не идет о повторной имманентизации трансценденции. Природа в ее имманентности исключает всякую трансценденцию. Речь идет о высвобождении свойственной самой имманентности избыточности. Бытие как становление-событие усколь-

зает от всякой репрезентации, дает(ся) в избыточности имманентности. Современную науку невозможно понять без этой избыточности бытия как становления. Современная наука критична именно в отношении онтологических предположений классической метафизики и в то же время высвобождает возможность другой, дифференциальной онтологии — гетерологии. Онтология подвергается двойному преобразованию: во-первых, онтология становится онтогенезисом, т. е. учением о становлении систем и явлений различных типов; во-вторых, онтология становится гетерогенезисом, т. е. учением о становлении как о становлении различия или множественности.

Выход за пределы метафизики осуществим только при условии понимания бытия как генетического и дифференциального условия не возможного, а действительного опыта, т. е. как операции, благодаря которой сущее выходит в присутствие. Иначе говоря, когда онтико-онтологическое различие переформулируется как различие-становление бытия (и) сущего. Как различие-становление до-индивидуального и индивидуального, виртуального и актуального. Трансформация статуса и смысла онтологического различия бытия и сущего, когда «быть» (как становиться) в его отличии от сущего понимается как генетические и дифференциальные условия действительного опыта, влечет за собой трансформацию самого понятия становления. Становление, не будучи линейным процессом от одного актуального к другому актуальному, представляется как движение от актуального через динамическое поле виртуальных тенденций к актуализации этого поля в новом актуальном. Становление понимается здесь именно как различие, как «между», актуализирующее виртуальные различия в той мере, в какой отделяет или разделяет их [4, 57–58].

Принципиальное значение имеет то, что виртуальное действительно и образует одну сторону или аспект действительного. Действительность виртуального состоит из дифференциальных элементов, отношений между ними и соответствующих им сингулярных точек. Это означает, что виртуальное полностью определено и обозначает генетические дифференциальные элементы. И тем не менее виртуальное, несмотря на свою определенность, — это только одна сторона объекта. Актуальность образует другую сторону объекта. Между двумя сторонами объекта, или действительного, имеет место переход, движение, но не опосредование. Опосредование имеется между уже готовыми, конституированными, или индивидуализированными, вещами, тогда как становление — это движение актуализации от виртуального к актуальному. Следовательно, актуализация — это другой аспект процесса, посредством которого феномен феноменализируется. Вопрос в том и заключается, каким образом виртуальные множественности реализуются как актуальности. Отношение между этими двумя сторонами не есть отношение подобия и тождества, оригинала и образа, модели и копии. И если актуальное повторяет виртуальное, то это повторение-различия. И если виртуальное повторяется в актуальном, то это повторение посредством различия, в результате которого мы имеем разнородность между повторением и повторяемым.

Предполагаемая здесь трансформация онтико-онтологического различия предвещает решающий поворот от метафизики субстанции и сущности.

В гетерологической перспективе Бытие более уже не отождествляется с субстанцией и сущностью, бытие событийно, оно есть не основание сущего, а то, в чем сущее не-основывается. Гетерология — это не фундаментальная или даже не-фундаментальная онтология, это онтология безосновности. Онтология, которая уже не уклоняется от становления как единой и единственной модальности бытия. Философия обращается к этому не-основанию как к условию становления материальных и других систем, изучая опространствование-овременение актуализации этих систем. В отличие от субстанций и сущностей, множественности это конкретные и сингулярные универсалии: не всеобщности, подчиняющие себе частные инстанции, а ряды сингулярностей-событий, благодаря которым формируются актуальные процессы. В отличие от всеобщих сущностей универсальность множественностей является расходящейся: различные реализации множественности никаким образом не соответствуют этой множественности и ничто не ограничивает этот набор потенциальных расходящихся форм. Это не-соответствие усиливается тем фактом, что множественности придают форму процессам, но не конечному продукту, так что результаты процессов, реализующих одну и ту же множественность, радикально отличаются друг от друга. В отличие от сосуществующих друг с другом и отличающихся друг от друга сущностей как абстрактных всеобщностей конкретные всеобщности существуют как сетевые континуумы. Всякая множественность существует как смесь множественностей, формируя непрерывное имманентное пространство, отличное от «пространства» вечных архетипов или родов, так же как от «пространства» рядоположенных и дискретных элементов.

-
1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1975. Т. 1.
  2. *Аристотель*. Физика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1981. Т. 3.
  3. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. СПб., 1992.
  4. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998.
  5. *Карнат Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
  6. *Коген Г.* Теория опыта Канта // Вопр. философии. 2006. № 10.
  7. *Наторп П.* Кант и марбургская школа // Избранные работы. М., 2006.
  8. *Фуко М.* Слова и вещи. М., 1977.
  9. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Время и Бытие. М., 1990.
  10. *Шелер М.* Избранные произведения. М., 1994.
  11. *Critchley S.* Continental philosophy. A very short introduction. N. Y., 2001.

Рукопись поступила в редакцию 21 июня 2011 г.

КАФЕДРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом номере журнала в рубрике «Кафедральные исследования» публикуются статьи преподавателей и соискателей кафедры теории и истории политической науки.

УДК 327.2.01 + 327.8.01

Н. А. Комлева

МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье даются определения понятий «мировое господство», «структура мирового господства», рассматриваются структурные элементы мирового господства в современных условиях.

Ключевые слова: мировое господство, структура мирового господства, институты, ресурсы, технологии.

Феномен мирового господства исследовался, начиная с работ сэра Хальфорда Маккиндера, более чем сто лет назад впервые разработавшего глобальную геополитическую концепцию. Данная концепция впервые была изложена Х. Д. Маккиндером 25 января 1904 г. на заседании Королевского географического общества Великобритании в докладе «Географическая ось истории». Позже доклад был опубликован в виде статьи в журнале «The Geographical Journal» [8]. В течение прошедших ста лет с наибольшей интенсивностью изучались следующие вопросы: 1) ключевая пространственная локализация мирового господства (каким именно типом и сектором пространства необходимо овладеть для обеспечения мирового господства) — Мэхэн, Маккиндер, Спайкмен, Лакост, Галуа, Северски, С. Коэн и др.; 2) способы достижения и удержания мирового господства (кроме вышеперечисленных ученых — Модельски, Томпсон, Кеннеди, Бжезинский, Киссинджер, Най-младший и др.); 3) общая теория

генезиса державы — мирового лидера (так, Дж. Модельски выделяет четыре фазы «накопления опыта», т. е. процесса становления державы — мирового лидера: определение повестки дня, построение коалиций, макрорешение, исполнение [9]); 4) взаимоотношения с основным соперником в борьбе за удержание мирового господства (Бжезинский, Модельски, Бергстен, Гилл, Ларди, Митчелл, Лапкин и Пантин).

Заметим, что само понятие мирового господства вышеперечисленными выдающимися геополитиками не определяется, его содержание трактуется «по умолчанию», аксиоматически. На наш взгляд, точное определение понятия дал А. Г. Дугин: мировое господство мощной державы возникает тогда, когда она стремится «организовать мировое пространство на своих принципах и к своей пользе» — и то данная формулировка в буквальном смысле дана «вскользь»! Полная цитата: «Державы победившей Германию и Австрию Антанты представляют собой ядро “цивилизации Моря”, которая отныне должна осознать свое единство и воспользоваться победой для того, чтобы организовать мировое пространство на своих принципах и к своей пользе» [4, 88]. Современные западные авторы предпочитают — в целях соблюдения политкорректности — использовать не понятие «мировое господство», но такие понятия, как «мировое лидерство» (Модельски, Кристол, Бжезинский), «мировая гегемония», «мировое могущество» (Бжезинский), «мировое влияние» (Сестанович), не формулируя при этом точное их содержание. Современные российские авторы (В. А. Дергачев, Б. А. Исаев, Э. Я. Баталов) определяют мировое господство через его синонимы — «мировое доминирование» (вариант А. Г. Дугина — «мировая доминация»), «мировая гегемония» [3], что также не проясняет суть данного явления, поскольку давать определение через определяемое логически неверно.

Политическая корректность формулировок в геополитических текстах позволяет избежать обвинений в геополитической агрессивности и «имперских амбициях» как авторам научных работ, так и практикующим политикам. Однако геополитическая наука со времен ее появления в конце позапрошлого века является наукой цинической, поскольку только прямо и ясно выраженные интенции позволяют выстроить четкие и эффективные схемы геополитического действия. Станем поэтому употреблять «неполиткорректное», но точное понятие «мировое господство» и попытаемся дать собственное определение этого феномена. На наш взгляд, *мировое господство представляет собой абсолютный контроль всех геополитических пространств со стороны одного и того же актора*. При этом, несмотря на глобалистские тенденции уменьшения политической и геополитической роли государств в современном мире, нам представляется, что до сих пор таким актором остается государство как институт, обладающий наибольшим объемом и наилучшей структурой ресурсов для осуществления контроля геополитических пространств. Государства обладают неодинаковыми возможностями для осуществления мирового господства. Контроль всех типов геополитических пространств возможен лишь для государства, имеющего статус сверхдержавы, т. е. обладающего совокупной мощью, абсолютно превосходящей совокупную мощь любого другого государства данной эпохи [6, 23–29].

Поясним слова «все геополитические пространства». По нашему мнению, имеются четыре основных геополитических пространства. Наряду с географическим пространством, которое классическая геополитика полагала единственным полем геополитических интенций, в ходе разворачивания человеческой цивилизации на стадии ее индустриального развития формируется экономическое пространство как геополитический фактор, а на постиндустриальной стадии — информационное пространство в совокупности информационно-идеологического и информационно-кибернетического. В рамках современного геополитического процесса информационное пространство становится доминирующим [7].

Мировое господство, охватывая все геополитические пространства, несомненно, является системным феноменом и, как любая система, имеет определенную структуру¹. На наш взгляд, вопрос о структуре мирового господства остается мало разработанным.

Обратимся к понятию «структура». Латинский термин *structura* переводится как «строение, расположение, порядок». В более широком смысле структура — это организация содержания, то, что остается неизменным при любых преобразованиях системы, не меняющих ее сущности [13, 657]. На основании вышеизложенного попытаемся определить понятие «структура мирового господства».

Структура мирового господства — это совокупность основных институтов, ресурсов и способов (технологий) осуществления абсолютного контроля всех геополитических пространств. Таким образом, структура мирового господства троична и содержит: 1) институциональную, 2) ресурсную и 3) технологическую подструктуры. По нашему мнению, институты, ресурсы и технологии — это именно те факторы, которые дают возможность «организации содержания» мирового господства. Ресурсы и технологии лежат в основе феномена совокупной мощи геополитических акторов. Сверхдержава, т. е. актор государственной природы, осуществляющий мировое господство, имеет наибольшее количество и наилучшее качество ресурсов и технологий для обеспечения своего глобального статуса.

Ресурсная подструктура мирового господства являлась предметом исследования поколений ученых как классического, так и постклассического периода развития геополитической науки. Не будем пересказывать известные концепции выдающихся представителей геополитической науки различных периодов ее развития — от Мэхэна до Бжезинского. Отметим лишь, что не ресурсы географического пространства, но идеологические и кибернетические ресурсы играют в современном геополитическом процессе наибольшую роль. Этот факт был признан во второй половине прошлого века французами И. Лакостом и П. М. Галлуа, которые указывали на ведущую геополитическую роль СМИ, а в наше время доказан российскими учеными, прежде всего А. Г. Дугиным,

---

¹ Объем статьи не позволяет углубиться в вопрос различия между феноменом структуры мирового господства и феноменом мирового порядка. Заметим лишь, что обычно, говоря о мировом порядке, имеют в виду специфику баланса мировых центров силы и принципы построения мирового порядка, что, по нашему мнению, неравнозначно феномену структуры мирового господства.

А. С. Панариным и И. Н. Панариным [5, 10, 11]. В связи с глубокой проработкой в геополитической литературе вопроса о ресурсной подструктуре мирового господства в данной статье мы его затрагивать не будем.

Значение *институциональной подструктуры*² для эффективного осуществления мирового господства подчеркивал Бжезинский применительно к современным Соединенным Штатам Америки: «Американское глобальное превосходство... подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир» [1, 41]. Само собой разумеется, что в этих «союзах и коалициях» главенствующую роль играет именно сверхдержава. С помощью вышеназванной системы формируется такой важнейший, по нашему мнению, институт мирового господства, как глобальная система лимитрофов, или *глобальный лимитроф сверхдержавы*. Здесь необходимо небольшое рассуждение о природе лимитрофов.

По нашему мнению, лимитрофом в современную геополитическую эпоху является не просто совокупность приграничных государств, географически прилежащих к определенной державе [14], но совокупность государств и негосударственных акторов, пространства которых прочно контролируются мощным государством, выступающим в данном случае в роли геополитического тьютора (англ. *tutor* — тот, кто поучает, а также руководит занятиями, обучает). При этом лимитрофы выстраиваются не только в географическом, но также в экономическом и информационно-идеологическом пространстве. Элементом лимитрофа может выступать актор государственной или негосударственной природы, географически отдаленный от геополитического тьютора, но включенный в экономическое и информационно-идеологическое пространство тьютора и находящийся под его политическим контролем. Поскольку информационная революция в обществе Постмодерна меняет иерархию геополитических пространств и на первое место выходит информационно-идеологическое пространство, лимитрофы могут приобретать идеологическую или экономическую природу и вообще не соотноситься с возможностями географического контроля со стороны тьютора. К примеру, НАФТА является лимитрофом США в экономическом пространстве Америки, а бывший социалистический лагерь после разрушения идеологического лимитрофа СССР перешел в идеологическое пространство либеральных демократий, сохранив свои лимитрофные характеристики. Тьютором может выступать и актор негосударственной природы, к примеру, глобальная корпорация, но ни одна корпорация не может иметь той же совокупной мощи, какую имеет сверхдержава, и не может выстроить глобальный лимитроф во всей его комплексности: экономической, военной, идеологической, дипломатической.

В геополитическом пространстве стран-сателлитов в рамках лимитрофа используются значительно меньшие объемы ресурсов борьбы с геополитичес-

---

² Если следовать Э. Дюркгейму, то под политическим институтом понимается совокупность регулирующих норм, материализующихся в деятельности определенных организаций. По М. Веберу, политический институт — это образования, учреждения, сообщества индивидов, обладающие признаками надындивидуальности. В данном случае применяются оба этих подхода.

ким противником (противниками), чем в случае, если бы таковая борьба происходила непосредственно в геополитическом пространстве державы-экспансиониста. Лимитрофы принимают на себя удары, предназначенные их тьюторам, и позволяют последним сохранять силы и ресурсы; при этом наиболее мощные тьюторы создают целую систему относительно независимых друг от друга лимитрофов, прикрывающих их на все более отдаленных рубежах. Помимо этого лимитрофные государства дают мощным державам выход к ранее недоступным или труднодоступным геополитическим зонам (открытый или теневой передел мира).

Элементы лимитрофа как государственной, так и негосударственной природы имеют следующее преимущество своего положения: защиту и помощь со стороны государства-тьютора в своем выживании и развитии — до пределов, определяемых совокупной мощью государства-тьютора и его стремлением не создавать себе дополнительных проблем и новых соперников в интересующих его пространствах. Одновременно лимитрофное положение может привлечь на пространства конкретных государств или негосударственных структур социальные, политические и военные конфликты, спровоцированные в интересах тьютора.

Автор данной статьи делит государства по критерию их совокупной геополитической мощи на пять статусных групп: сверхдержавы, великие державы, региональные сверхдержавы, региональные державы и малые государства. Все они целенаправленно строят лимитрофы, пространства которых пересекаются, поскольку державы и государства более низкого статуса сами входят в лимитроф державы более высокого статуса. В соответствии с вышесказанным чем более высоким геополитическим статусом обладает данная держава, тем более многоуровневый лимитроф она имеет. Так, вторым уровнем лимитрофа сверхдержавы являются лимитрофы великих держав, третий уровень образуются лимитрофами региональных сверхдержав, четвертый — лимитрофами региональных держав и, наконец, пятый — это крошечные лимитрофы некоторых малых государств, совокупная мощь которых позволяет подчинять себе еще более слабые малые государства.

Разумеется, государства с различным геополитическим статусом играют в лимитрофе державы-тьютора отличающиеся роли, и государства с более высоким статусом обладают известной самостоятельностью в рамках геополитического процесса. Со своей стороны и государство-тьютор ведет себя по-разному по отношению к государствам лимитрофа в зависимости от статуса данного лимитрофного государства и конкретной геополитической ситуации.

Геополитическая практика показывает, что для сверхдержавы наиболее результативным является включение в состав своего лимитрофа региональных держав первого и второго уровня (региональная сверхдержава и «простая» региональная держава). Влияние на региональные державы позволяет контролировать не только географическое, но и все иные виды пространств определенного региона. Разумеется, далеко не всегда региональная держава «таскает каштаны из огня» для кого-то другого, поскольку реализует и собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами сверхдержавы-тьютора,

имеющей на нее влияние. В весьма ограниченном масштабе, определяемом его ничтожной совокупной мощностью, даже малое государство может иметь определенную самостоятельность по отношению к своему непосредственному тьютору или генеральному тьютору лимитрофа. Однако стимулы, применяемые сверхдержавами для подчинения государств более низкого статуса, бывают настолько сильны, что практически исключают возможность непослушания (кредиты, например, и нарастающие проценты по ним, которые становятся истинными экономическими кандалами, надежно связывая геополитическое и иное политическое поведение государства-должника).

Еще раз подчеркнем, что внутри лимитрофа выстраивается собственная геополитическая иерархия в соответствии как с объективно существующей разницей совокупной мощи акторов, так и с целенаправленными усилиями тьютора. Государства более высокого статуса (т. е. обладающие большей совокупной мощностью в сравнении с остальными элементами лимитрофа) имеют собственные лимитрофы. Эти лимитрофы более низкого уровня используются «генеральным тьютором» в своих интересах через воздействие на державу-тьютора данного лимитрофа. Однако в рамках лимитрофа более низкого уровня тьютор данного лимитрофа имеет некоторую свободу геополитического действия, определяемую разницей между собственной совокупной мощностью и мощностью элементов своего лимитрофа. В связи с этим тьютор более низкого уровня может вступать в конфликт интересов с генеральным тьютором, используя при этом в качестве орудия противостояния ресурсы своего лимитрофа. Эти конфликты, как правило, ситуативны и недолговременны. Чем ниже уровень тьютора, тем меньше у него возможностей для противостояния «генеральному тьютору» и тьюторам более высокого уровня в рамках одного и того же лимитрофа.

Таким образом, лимитроф сверхдержавы представляет собой многоуровневое образование, включающее лимитрофы входящих в него держав меньшего геополитического статуса. Сложность такой конструкции предопределяет ее противоречивость: не только зависимые державы лимитрофа могут ситуативно противостоять генеральному тьютору, но и государства лимитрофов второго, третьего и последующего уровней могут прибегать к покровительству зависимых держав-тьюторов лимитрофа в стремлении добиться больших преференций от генерального тьютора.

Отражением и выражением результативности процесса формирования глобального лимитрофа со стороны сверхдержавы является сосредоточение в ее столице «глобальных институтов, отражающих историческую связь между глобальной мощностью... и глобальной взаимозависимостью...» [2, 161], что позволяет контролировать все геополитические пространства лимитрофа «из дома», «в пределах шаговой доступности».

Институт глобального лимитрофа является материальным выражением *главного института мирового господства — института глобальной зависимости от сверхдержавы*. Супермощь сверхдержавы в экономическом и информационном пространстве, ее абсолютная военная мощь являются ресурсами, позволяющими сформировать высокую степень зависимости от нее практически любого

государства мира. Степень данной зависимости определяет собственная совокупная мощь лимитрофного государства.

С помощью глобального лимитрофа, формируемого сверхдержавой, выстраивается еще один важный институт мирового господства — *глобальная элита, лояльная ценностям и интересам сверхдержавы*. Это своеобразные «агенты влияния» мирового лидера в каждой конкретной стране. Бжезинский так описывает современную глобальную элиту: «Представители этой элиты свободно говорят по-английски (обычно в американском варианте) и пользуются этим языком для ведения дел; эта новая глобальная элита характеризуется высокой мобильностью, космополитическим образом жизни; ее основная привязанность — место работы, обычно это какой-либо транснациональный бизнес или финансовая корпорация» [2, 162]. Глобальная элита современности обладает «глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью» [Там же, 162]. Иными словами, глобальная элита (элита глобального лимитрофа сверхдержавы) впитывает и транслирует в обществах государств лимитрофа образ жизни и систему ценностей мирового лидера, обеспечивая тем самым его господство в сферах быта и сознания — или, другими словами, поддерживает господство сверхдержавы в экономическом и идеологическом пространстве на уровне повседневности. Важным средством формирования глобальной элиты со стороны сверхдержавы является такой институт, как система образования, а также технология предоставления образовательных услуг гражданам других стран, в том числе и целенаправленно — для политической, военной, экономической элиты глобального лимитрофа сверхдержавы. Институт образования является как формирующим, так и «поддерживающим» в отношении института глобального лимитрофа.

Глобальный лимитроф и глобальная элита функционируют во всех четырех основных геополитических пространствах.

Институт глобального лимитрофа проявляется в идеологическом пространстве через *институт языка глобального межнационального общения*, а им может быть лишь государственный язык сверхдержавы. «Смысл содержится не в мире объектов, внешнем для говорящего человека, но в глубинных структурах языка, в его парадигмах. И поэтому каждая лингвистическая общность, объединенная языком, имеет дело со своим особым миром, с особой вселенной смыслов» [4, 162]. Использование государственного языка сверхдержавы как языка политического, делового и бытового общения в определенной степени меняет культурный код обществ лимитрофных государств — вначале на уровне элиты, а затем во все большей степени на уровне массового сознания. В этом же ряду, на наш взгляд, стоит и изменение алфавита языка лимитрофного общества — переход на алфавит государственного языка сверхдержавы. Казалось бы, сам по себе язык, его смыслы и его грамматика в данном случае не меняются, иным становится лишь внешний образ языка — начертание букв (символов). Однако символический элемент языка — его алфавит — также несет в себе определенные смыслы, и с его изменением постепенно меняется самоидентификация общества. На уровне коллективного бессознательного происходит все большее отождествление с культурным и социальным кодом державы-тьютора, что закрепляет лимитрофное положение общества-реципиента.

Ключевым институтом мирового господства в идеологическом пространстве является так называемая *пан-идея* (термин К. Хаусхофера), т. е. мировоззренческая система, представляемая в качестве универсальной. Пан-идея позволяет структурировать идеологическое пространство глобального лимитрофа в интересах сверхдержавы, так же как и идеологическое пространство каждого элемента лимитрофа, вне зависимости от природы этого элемента — государственной или негосударственной. Пан-идея, по нашему мнению, определяет систему принципов, на базе которой сверхдержава строит соответствующую ее интересам систему международных отношений. В современном мире такой пан-идеей является либерализм с доминирующим концептом прав человека. Главный принцип предыдущей системы международных отношений, существовавшей с середины XVII в. и базировавшейся на балансе сил сверхдержав Моря и Суши, принцип нерушимости государственного суверенитета — отражение гецивилизационной самостоятельности противостоящих сверхдержав — в настоящее время целенаправленно разрушается. Именно принцип государственного суверенитета представлял первую «линию обороны» обладания определенными ресурсами со стороны наций, политически конституированных в государство. Сегодня предпочтителен «мягкий» государственный суверенитет, т. е. возможность и необходимость преодоления суверенитета лимитрофных государств с артикулируемой целью обеспечения полного соблюдения прав человека в конкретном государстве.

Необходимо подчеркнуть, что выбор основополагающего принципа системы международных отношений не является случайным, а также не базируется исключительно на субъективных предпочтениях геополитических победителей. Напротив, данный принцип является отражением объективного закона функционирования соответствующей социальной системы. В данном случае принцип прав человека — базовый принцип либеральной экономической системы, для функционирования которой абсолютно необходима свобода предпринимательской деятельности, невозможная без целой системы экономических, политических и культурных прав человека. Поскольку в международном экономическом пространстве реальными акторами являются глобальные и транснациональные корпорации, постольку принцип прав человека фактически является инструментом «смягчения» государственного суверенитета определенных стран, чьи ресурсы соблазнительны для осуществления еще большей степени свободы предпринимательства той или иной корпорации, политическую поддержку которой оказывает соответствующая великая держава или сверхдержава (доминирующий центр силы). Так, после оккупации Ирака в войне, начатой США и их союзниками в 2003 г., нефтяные ресурсы этой страны (второй в мире по запасам нефти после Саудовской Аравии) оказались в монопольной разработке двух американских и двух британских нефтяных глобальных компаний. Как известно, артикулируемым поводом для начала иракской кампании была необходимость защиты прав человека в Ираке, тиранически поправленных Саддамом Хусейном. В соответствии с этим в США было утверждено название иракской военной кампании — «Свобода Ираку», в том числе название ее начальной стадии — «Несокрушимая свобода».

Принципы функционирования современной системы международных отношений формируются не в меньшей мере в соответствии с тем, что созданное во второй половине XX в. в ведущих капиталистических странах «общество потребления» требует своего дальнейшего развития, т. е. новых и новых ресурсов. Известен факт, что высокий уровень потребления в странах Запада обусловлен, в частности, тем, что они расходуют на это 75 % мировых ресурсов. Дальше — или прекращение западными странами роста потребления, или жесткая борьба за стопроцентный контроль земных ресурсов с их стороны. Принято считать, что недостатки в значительной мере являются продолжением достоинств. В соответствии с этим можно утверждать, что выгоды демократии как присущего Западу политического режима образуют и прочную ловушку для него же. Необходимость получать преобладающий процент голосов избирателей на выборах понуждает к стимулированию роста уровня и качества жизни значительной части избирателей (в идеале — всех социальных слоев), а это требует овладения новыми ресурсными базами. Несмотря на развитие высоких технологий и артикулируемое сокращение значимости природных ресурсов, потребление нефти, газа, воды (как для питья, так и для производства электроэнергии и иных продуктов) не сокращается, а только увеличивается, порождая локальные войны как в географическом, так и в экономическом и иных типах геополитических пространств. Повторим, что основной препоной для получения западными потребительскими обществами новых ресурсов развития является именно государственный суверенитет, причем суверенитет прежде всего ресурсных стран. Итак, принцип «мягкого» государственного суверенитета — краеугольный для современной системы международных отношений и глобального лимитрофа, созданных в интересах единственной сверхдержавы — США.

Этот принцип новой геополитической системы, как и принцип свободы предпринимательства в рамках социальной системы капитализма, влечет целую систему принципов, логически вытекающих один из другого.

Уже в 90-е гг. прошлого века, как логическое развитие и дополнение принципа «мягкого» государственного суверенитета, в западных экономических и политических кругах получила определенное хождение идея необходимости установления международного протектората в отношении малонаселенных ресурсных стран. Сегодня, десятилетие спустя, эта идея подкрепляется высказываниями различных политических деятелей высокого ранга (в первой половине 2000-х — госсекретарь США К. Райс, сегодня — канцлер ФРГ А. Меркель) о несправедливости того факта, что народы и государства, получившие возможность распоряжаться значительными природными ресурсами, фактически узурпируют права всего человечества на эти ресурсы. Среди «малонаселенных ресурсных стран» — Бразилия, Россия, Монголия, Австралия.

Систематическое поправление прав человека в определенном государстве должно наказываться следующим образом. Постоянное нарушение экономических прав человека — объявлением данного государства банкротом с последующим назначением внешнего управления со стороны международных финансовых организаций (идея, высказанная в 2003 г. заместителем директора Всемирного

банка, но пока не реализованная). Систематическое нарушение всего комплекса политических прав человека и его гуманитарных прав может повлечь за собой так называемую «гуманитарную интервенцию», т. е. агрессию со стороны «развитых демократий». Этот принцип был сформулирован на юбилейной сессии НАТО в мае 1999 г. и в итоговом документе саммита получил название «принцип законного совместного международного интервенционизма». Было проведено четыре «гуманитарных интервенции»: Югославия (1999), Афганистан (2001), Ирак (2003), Ливия (2011). Наконец, главы государств и ведущие политики стран, где постоянно нарушаются права человека, должны подвергаться международному судебному преследованию. Однако, поскольку международная правовая база такого преследования не создана, арест данных политиков (С. Милошевич, Б. Плавшич и др.) получил название «творческого ареста» (термин видного юриста К. дель Понте).

В связи с этим не случайно формирование еще в 90-е гг. термина (Ч. Хейз) *failed states*, «государства-неудачники», причем «неудача» этих государств состоит именно в том, что они не могут сформировать и защитить систему прав человека, соответствующую либеральной парадигме. Население «государств-неудачников» не виновато в неудачах политиков, не сумевших правильно выстроить экономическую и политическую систему, и поэтому должно быть защищено от собственных политиков вышеприведенными мерами: «гуманитарной интервенцией», «творческим арестом» данных политиков и преданием их специализированному международному суду, а также процедурой государственного банкротства. Дальнейшее сделают «развитые демократии»: принесут на белоснежных крыльях свободу, полный комплекс прав человека, а в награду себе, развитым и прогрессивным, присвоят все ресурсы данного общества-неудачника, произведя обмен символического капитала (права человека) на реальный. В самом термине *failed states* содержится и объяснение необходимости агрессии экономического или военного характера против таких государств как для победителей, так и для побежденных: мы вас победили не потому, что мы агрессоры и желаем жить за ваш счет, вас победили потому, что вы неудачники, не можете правильно распоряжаться своими ресурсами сами.

Технологическая подструктура системы мирового господства, по нашему мнению, выглядит следующим образом.

Технологии контроля геополитических пространств³, разумеется, разнятся в зависимости от типа пространства, но, по нашему мнению, все они делятся на две большие группы — панельные и точечные.

Панельным мы называем такой тип геополитического контроля, который позволяет осуществить абсолютное господство на большей части или во всем объеме данного пространства. Такой контроль возможен лишь в нетерриториальных типах геополитического пространства, и его масштаб увеличивается по

---

³ На наш взгляд, геополитическая технология является частным случаем социальной технологии, которую можно определить как совокупность средств и методов целенаправленного воздействия на некий социальный объект. Применительно к геополитическим объектам воздействия и выделяется такой тип социальных технологий, как геополитические.

мере перехода от экономического к информационно-кибернетическому и информационно-идеологическому пространству. Панельный контроль в географическом пространстве современного мира в его буквальной форме невозможен, но географическое пространство может абсолютно контролироваться сверхдержавой через специальные формы контроля экономического и особенно идеологического пространства. Панельный контроль части географического пространства, т. е. отдельного региона или тем более государства, — дело вполне осуществимое.

Точечный контроль геополитических пространств — это господство в ключевых точках данного пространства, определяющих его качество.

В географическом пространстве панельный контроль осуществляется только одним способом, и это *силовой захват, или война*. Юридическое закрепление захвата позволяет распространить на захваченную территорию суверенитет государства-экспансиониста и уже на законных основаниях пользоваться плодами незаконного действия. В результате доминирования панидеи либерализма и ее ключевой концепции, концепции прав человека, открытая форма силового захвата никак не может быть осуществлена современной сверхдержавой без «потери лица». К тому же число так называемых «пороговых государств», т. е. государств, реально обладающих ядерным оружием — оружием сдерживания или находящихся на пороге его создания, экспоненциально увеличилось после распада двоичной системы одновременного существования сверхдержав Моря и Суши, что не позволяет начать агрессию против этих государств вне реальной опасности нанесения агрессору неприемлемого ущерба.

Существует два основных выхода из этой ситуации:

1) использование лимитрофных государств для осуществления агрессии в интересах мирового гегемона, причем в определенной степени реализуются и интересы непосредственных агрессоров. Примером контроля географического пространства через влияние на региональные державы может служить геополитическое поведение Пакистана, союзника США. Пакистан осуществил подготовку исламского движения талибан и с его помощью — агрессию против Афганистана. Талибы практически контролировали всю территорию Афганистана до осени 2001 г., таким образом, обеспечивая важное для геополитических интересов США переориентирование туркменской и казахской нефти на юго-восточное направление транспортировки (по территории Афганистана) в обход территории России. Талибы не просто были подготовлены на территории Пакистана, в их рядах воевало два полка и один батальон регулярной пакистанской армии, а ряд полевых командиров Афганистана были кадровыми офицерами этой армии. Пример контроля географического пространства через влияние на малое государство — «война 08.08.08» со стороны Грузии, неудачная для нее, в отношении самопровозглашенных государств Абхазии и Южной Осетии;

2) «гуманитарная интервенция», т. е. вооруженная агрессия под предлогом защиты прав человека, обычно проводится в коллективной форме с использованием союзников по военному блоку для «размывания ответственности» реального инициатора агрессии. В современном мире преимущественно используется

именно эта форма: контроль Балкан посредством «гуманитарной интервенции» в бывшей Югославии в 1999 г.; контроль Среднего Востока и его ядра — Центральной Азии с помощью агрессии против Афганистана в 2001 г.; контроль Ближнего Востока через войну в Ираке в 2003 г.; контроль Северной Африки и Магриба посредством войны в Ливии в 2011 г.

Панельный контроль конкретного государства и особенно его отдельных территорий, помимо силового захвата, может быть осуществлен с помощью *демографической агрессии* (термин Х. Д. Маккиндера). Демографическую агрессию можно определить как незаконное проникновение одного этноса на территорию проживания другого с последующим экономическим и административным закреплением. Маккиндер, который впервые ввел этот термин в научный оборот, считал демографическую агрессию самым эффективным средством геополитической экспансии. Эффективность данного метода заключается в том, что демографическая агрессия осуществляется скрытно от властей страны-реципиента в течение длительного времени, и это обуславливает роковое запаздывание защитной реакции государственной машины. В принципе массированная демографическая агрессия может привести к отторжению части территории страны-реципиента в пользу государства, являющегося матричным для этноса-экспансиониста. Прием демографической агрессии использовал Израиль для закрепления территорий, захваченных в ходе арабо-израильских войн. Демографическая агрессия европейских переселенцев, наряду с силовым захватом, была основным методом образования Канады и Соединенных Штатов Америки, а также всех стран Латинской Америки.

Формами точечного контроля географического пространства являются, на наш взгляд, следующие.

Размещение военных баз в лимитрофных государствах. Этот метод, являясь точечным, при необходимости может преобразовываться в панельный, т. е. силовой, захват. Контроль географического пространства в данном случае осуществляется через присутствие воинских контингентов государства-экспансиониста в стратегически важных регионах. Это дает возможность быстро среагировать на неблагоприятное для государства-экспансиониста изменение геополитической обстановки в этом регионе, осуществив силовой захват территорий или коммуникаций. Кроме того, сама такая возможность удерживает государства региона от соблазна каким-либо образом нарушить сложившееся геополитическое равновесие.

Поощрение сепаратизма. Сепаратизм — это стремление к отделению части территории государства и образованию на ней нового суверенного государства. Оставляя в стороне вопрос о причинах данного явления, отметим, что в геополитическом плане сепаратизм позволяет контролировать пространство стратегически важных регионов мира. Помощь сепаратистам (оружием, деньгами, кадрами, информационным и дипломатическим обеспечением) позволяет затем, при образовании нового суверенного государства, использовать его территорию для строительства военных баз либо использовать армию данного государства как «сторожа» территорий данного региона. Через территорию сепаратистского государства могут проходить важные коммуни-

кации, оно может обладать значимыми природными и демографическими ресурсами.

Поощрение терроризма. Обычно осуществляется в скрытой форме, хотя иногда проявляется и открыто в случае идеологического обеспечения такой поддержки в виде признания террористов «борцами за права человека», в том числе «борцами за право наций на самоопределение». Это позволяет контролировать географическое пространство, на котором действуют террористы, а также воздействовать на параметры экономического пространства и политический курс определенного государства. После терактов 11 сентября 2001 г. терроризм был объявлен основной глобальной угрозой современности. «Глобальная война против терроризма», начатая мировой сверхдержавой США в конце 2001 г., позволяет под предлогом борьбы с терроризмом вмешиваться в дела любого государства и в любой форме, вплоть до вооруженной (свежий пример — агрессия НАТО против Ливии в 2011 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что противодействуют США в основном так называемому «исламистскому терроризму» — на территориях мусульманских государств, богатых углеводородами, а также морской разновидности терроризма — пиратству, не случайно существующему в стратегически важных регионах (моря Юго-Восточной Азии, Аденский залив). Экспансия сверхдержавы в кибернетическом пространстве поддерживается военной структурой, официально созданной для противодействия кибертерроризму — Киберкомандованием США.

Значение *контроля экономического пространства* усиливается с развитием процесса глобализации и включения в либерально-рыночные отношения все большего числа стран. Контроль экономического пространства определенной страны позволяет добиться ее геополитического послушания в той мере, в какой она является экономически зависимой.

Основными формами контроля экономического пространства являются следующие (в порядке усиления).

Посредничество в доставке к потребителю и в использовании энергоресурсов и иных значимых товаров. Такая форма контроля экономического пространства позволяет затруднить или пресечь доставку товаров и энергоресурсов и поставить условием возобновления поставок выполнение определенных требований политического или экономического характера. С последней трети прошлого, XX в. существует термин «продовольственное оружие», обозначающий жизненно важные объемы поставок пищевых продуктов в развивающиеся и терпящие бедствия страны, предоставляемые на вполне конкретных политических и экономических условиях. Особенно действенно «продовольственное оружие» в странах Африки, 23 из которых находятся под постоянной угрозой массового голода. США активно пользуются названной технологией (посредничество) в своих интересах.

Строительство промышленных объектов и инфраструктуры на территории других стран, поставки оборудования. Промышленные объекты и инфраструктура — это индустриальные и постиндустриальные технологии. Построив завод в другой стране, государство-экспансионист привязывает к себе ее технологически, а также в плане поставок запасных частей к машинам и агрегатам,

в плане консультаций специалистов. При этом строить промышленные объекты могут и частные фирмы, базирующиеся на территории государства-экспансиониста, геополитическую выгоду — их руками — все равно извлечет государство. Недаром к заключению крупных контрактов часто подключаются структуры Министерства иностранных дел государства-экспансиониста и даже главы государств. Дороги и иные объекты инфраструктуры, как и все иные материальные сущности, имеют свойство со временем приходить в негодность. Поставки строительной и ремонтной техники, специалистов — это средства сохранения экономической зависимости страны-реципиента. Разумеется, либеральная экономика невозможна без международного разделения труда и соответственно без участия иностранного капитала в развитии экономики. Однако дело заключается не в данном факте самом по себе, а в степени, масштабах иностранного присутствия в экономике конкретной страны. Опять-таки именно США сегодня наиболее интенсивно используют данную геополитическую технологию.

Предоставление кредитов. По нашему мнению, это основная форма геополитического контроля экономического пространства. Чем больше сумма кредита и чем труднее государству-должнику его вернуть, тем более жесткие экспансионистские требования может предъявить кредитор. Выплата суммы кредита и процентов по нему нередко превращается для страны с недостаточно развитой экономикой в трудную или даже неразрешимую проблему. В таком случае проводятся переговоры должника и кредитора по реструктуризации долга, т. е. по отсрочке выплат. Выплаты отодвигаются, но основным условием этого обычно бывает увеличение годового процента по кредиту. Так что может получиться следующее: итоговая сумма кредита становится намного больше начальной. В феврале 2000 г. МВФ (Международный валютный фонд) ввел новые правила контроля над расходованием кредитов. Эти правила фактически обеспечивают Фонду или «независимым международным аудиторам» доступ ко всем базовым финансовым секретам страны, претендующей на кредиты. Контроль над деятельностью самих по себе международных кредитных и финансовых структур также одна из форм экономической экспансии. Так, США сегодня доминируют во всех крупных международных финансово-кредитных структурах, в частности, таких, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, а также в Лондонском и Парижском клубах кредиторов. Это дает им возможность ставить условия предоставления кредитов той или иной стране через международные структуры.

Эмбарго. Санкции. Эмбарго — полный запрет торговли (распространяется либо на весь объем торговых связей, либо на какой-то определенный вид товаров). Санкции — ограничение торгового обмена в определенной сфере или лишение торговых льгот и преференций. Метод применяется для приведения того или иного государства к геополитическому послушанию. Актором введения санкций или эмбарго являются как международные организации (ООН, ОБСЕ, организация «Исламская конференция» и т. п.), так и отдельные государства, прежде всего США.

Экономическая блокада (полный запрет всех форм экономических контактов с определенным государством). Применяется значительно реже других форм

экономического воздействия на геополитического противника, так как очень трудна в осуществлении. Причина: экономический интерес в ряде случаев оказывается сильнее любых санкций и запретов, и меняется лишь его проявление — экономические контакты вместо осуществления в открытой форме реализуются тайно. США и государства их лимитрофа с 60-х гг. прошлого века осуществляют блокаду Республики Куба.

Из перечисленных методов контроля экономического пространства первые два являются точечными, третий и пятый — панельными, а четвертый — комбинированным.

Контроль информационно-кибернетического пространства. Панельным методом контроля информационного пространства является *контроль производства и реализации программного продукта*. В современный период основным монополистом в производстве и реализации программного продукта является американская частная корпорация Microsoft. В начале работы Microsoft ходили слухи о тесных связях этой компании и Агентства национальной безопасности (АНБ) США: якобы последнее помогло Microsoft одолеть основного конкурента — могущественную компанию IBM, активно продвигавшую собственный программный продукт. Причина помощи со стороны АНБ — согласие Microsoft на установку в своих продуктах так называемых «закладок», т. е. программ вскрытия зашифрованных сообщений (на что не пошло руководство IBM). Любопытно, что одна из таких закладок называлась NSAKEY — от аббревиатуры NSA, что означает Агентство национальной безопасности США, и слова key, т. е. ключ. Учитывая, что Windows используется во многих странах мира, в том числе экономическими корпорациями и военными ведомствами, закладки типа NSAKEY открывают широчайшее поле кибернетического контроля информации в геополитических интересах США и американских корпораций.

Точечные методы контроля кибернетического пространства — *распространение компьютерных вирусов и хакерские атаки*. Возник особый вид хакерства — военное хакерство. Две страны современного мира имеют так называемые «сетевые войска» — это Китай, создавший такие подразделения первым (2008), и США (2010).

Контроль идеологического пространства. Данный тип геополитического пространства содержит ментальные ценности, производимые в рамках образовательных программ и научных разработок, при создании произведений литературы и искусства, а также в деятельности СМИ.

Укажем на следующие методы контроля идеологического пространства.

Внедрение ментальных ценностей государства-экспансиониста в массовое сознание государства-реципиента. Благодаря этому идеологическое пространство данной страны становится частью идеологического пространства экспансиониста, и геополитическое расширение, производимое последним за счет данной страны в других видах пространств, уже не воспринимается реципиентом как агрессия.

В настоящее время данная технология осуществляется с помощью *радио- и теле вещания, распространения печатных изданий в других странах*. Чем больше объем вещания и распространения печатных изданий, тем больше степень

контроля идеологического пространства. Сверхдержава по определению имеет наибольший масштаб распространения своих электронных и печатных СМИ — глобальный. Применяется также *переориентация образовательных систем, научных направлений, процесса создания произведений литературы и искусства* в конкретной стране на ментальные ценности сверхдержавы. Основным стимулом переориентации — предоставление премий и грантов со стороны благотворительных или официальных структур государства-экспансиониста. Кроме того, практикуется активное внедрение образцов массовой культуры экспансиониста в идеологическое пространство реципиента.

Ментальные ценности сверхдержавы внедряются в идеологическое пространство других стран также посредством *обучения национальных кадров для других стран в учебных заведениях сверхдержавы*. Как правило, проживание в определенной стране и обучение на ее языке в течение нескольких лет впоследствии приводит к тому, что обучаемый в значительной степени воспринимает ментальные ценности этой страны как свои собственные. Таким образом, чем большее количество специалистов в ключевых отраслях промышленности, науки и искусства будут ментально тождественны государству-экспансионисту, тем в большей степени они сами станут индивидуальными акторами его геополитического расширения. Наибольшее количество иностранных студентов и слушателей сегодня — в США.

Контроль идеологического пространства с помощью *религиозных ментальных ценностей* является особенно прочным, так как религиозные догматы имеют ауру вечности и освященности сверхъестественными силами. Религия часто использовалась как действенное средство геополитического расширения (миссионерство), а иногда геополитическая экспансия прямо принимала форму религиозного действия (крестовые походы). Современная сверхдержава в непосредственной форме данный вид контроля не использует.

Создание и распространение мифов как с положительным, так и с отрицательным когнитивным смыслом. Миф об абсолютной и непреходящей природе идеологических ценностей, господствующих в культуре сверхдержавы, является действенным способом контроля идеологического пространства как геополитического противника (противников), так и глобального лимитрофа. Мифы с отрицательным когнитивным смыслом используются для разрушения идеологического пространства геополитического противника и для ослабления его ментальной сопротивляемости. Специалистами американской корпорации «Рэнд» предлагается понятие «инфосфера», определяемое как синтез киберпространства и средств массовой информации. «Информационное оружие», применяемое в инфосфере, это не только информационный продукт для электронных сетей, но и идеологические программы воздействия на сознание, используемые средствами массовой информации. Эксперты «Рэнд» осознают потенциал информационного оружия как «оружия массового поражения нового типа». Рекомендуется создавать «специальные силы информации» по образцу сил специального назначения — для действий в инфосфере.

Перечисленные методы контроля идеологического пространства в значительной степени носят панельный характер. Точечные методы в сфере контро-

ля идеологического пространства выделить трудно. Одним из немногих точечных методов контроля идеологического (ментального) пространства являются *слухи*. Слухи обычно анонимны, невозможно установить реальный изначальный источник их распространения. В то же время слухи передаются от человека к человеку, т. е. через знакомых людей, что придает им оттенок доверительности и правдивости. Слухи часто используются для дискредитации политических деятелей или целых государств с целью добиться определенной степени геополитического ослабления конкретного государства.

Можно выделить также *комплексные технологии контроля геополитических пространств*.

Дворцовые и государственные перевороты. Дворцовый переворот — это насильственная смена главы государства с целью изменения политического курса страны. Государственный переворот — насильственное изменение состава, структуры и функций всех трех ветвей государственной власти. Перевороты — очень эффективная форма контроля пространств. В результате переворота в конкретной стране более мощное государство-экспансионист может получить целый спектр геополитических возможностей: от размещения военных баз и получения выгодных концессий до полного контроля всех видов пространств данного государства. Разумеется, далеко не каждый переворот имеет геополитическую подоплеку и инициируется геополитическим противником, но случается и такое. Геополитическое значение переворотов подтверждает и ярко иллюстрирует тот факт, что в 1999 г. Конгресс США даже принял специальный закон, легитимизировавший попытки США совершить государственный переворот в Ираке руками шиитских радикалов.

Рубеж последних веков принес такую комплексную технологию абсолютного контроля пространств, как *сетевая война*. Можно дать следующее определение сетевой войны: это тотальное разрушение базовых характеристик определенной нации во всех типах геополитических пространств одновременно, осуществляемое преимущественно в скрытой форме. В сетевой войне используется весь объем перечисленных выше технологий. При этом в зависимости от конкретного периода и задач воздействия на противника та или иная сфера общественной жизни может становиться приоритетным объектом агрессии в сравнении с другими. Цель сетевой войны — прочное закрепление всей совокупности ресурсов общества-противника за геополитическим агрессором, причем «передача» этих ресурсов агрессору осуществляется жертвой в значительной степени добровольно и с охотой, поскольку воспринимается не как агрессия, а как дополнительный импульс к восходящему развитию. В связи с этим сетевая война гораздо сложнее в осуществлении, чем традиционная «горячая», но и неизмеримо эффективнее. Результаты «горячей войны» обычно с течением времени оспариваются и размываются (мы можем это видеть на примере Первой и особенно Второй мировых войн). Результаты сетевой войны могут существовать веками — до того момента, пока не изменятся сами акторы-агрессоры и их базовые потребности. Основной фронт сетевой войны располагается в ментальном пространстве, где целью противника является разрушение традиционных базовых ценностей данной нации и имплантация собственных.

Факт ведения и структуру этого типа войны невозможно распознать на уровне массового сознания. Если политическая элита общества, ставшего объектом сетевой войны, не имеет достаточной квалификации для выявления сетевой агрессии и организации адекватного отпора, то такое общество обречено на сокрушительное геополитическое поражение. Сетевые войны постиндустриальной информационной эпохи Постмодерна отличаются от «обычных» войн индустриального периода Модерна стремлением к внешне бескровному решению задач передела пространств и ресурсов [12].

Такова, по нашему мнению, структура мирового господства, взятая в самом общем виде. Почти все вышеуказанные элементы данной структуры, кроме тех, которые появились в позднюю индустриальную или постиндустриальную эпоху, являются применимыми к любой системе мирового господства — от Древнего мира до современности, меняется лишь их иерархия. Разумеется, нужно отметить тот факт, что сам феномен мирового господства имеет различную локализацию в зависимости от исторической эпохи — собственно мировым (глобальным) господство становится только после образования общепланетарной цивилизации.

Каждый тип геополитического пространства имеет свою подструктуру мирового господства, содержащую те же основные элементы (институты, ресурсы, технологии), но это темы отдельных исследований.

-
1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010.
  2. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2010.
  3. *Дергачев В. А.* Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. Статья «Мировая гегемония» [Электронный ресурс]. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/12/80.html>
  4. *Дугин А. Г.* Геополитика : учеб. пособие для вузов. М., 2011. С. 162.
  5. *Дугин А.* Геополитика Постмодерна. М., 2007.
  6. *Комлева Н. А.* Геополитический статус государства: сущность и типология // Геополитика и безопасность. 2010. № 1 (9). С. 23–29.
  7. *Комлева Н. А.* Феномен экспансии. Екатеринбург, 2002.
  8. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
  9. *Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики // Там же. 2005. № 3.
  10. *Панарин А. С.* Правда «железного занавеса». М., 2006.
  11. *Панарин И. Н.* Информационная война и геополитика. М., 2006.
  12. Сетевые войны: угроза нового поколения : сб. ст. М., 2009.
  13. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.
  14. *Цымбурский В. Л.* Россия — земля за Великим лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

УДК 147.72:167 + 159.947 + 17.021.2

О. Ф. Русакова

КРАТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДИСКУРСА СОБЛАЗНА

В статье рассматриваются различные версии кратологической модели дискурса, а также их превращения в дискурсы соблазна, представленные в работах Дж. Батлер, Ж. Бодрийяра, С. Жижека, Ж. Липовецки, Дж. Ная, З. Баумана. Отдельно выделяются дискурс *soft power* как властный ресурс и технология соблазна в обществе эпохи «текущей современности».

Ключевые слова: кратологическая модель, дискурс соблазна, обольщение, *soft power*.

Парадигма дискурс-анализа выступает методологическим основанием многих современных гуманитарных и социально-политических исследований. Применение данной парадигмы на междисциплинарном уровне привело в последнее время к институционализации новой интегративной дисциплины — дискурсологии [8–10]. В рамках дискурсологии происходит формирование крупных теоретических и проблемных блоков, каждый из которых стратегически нацелен на конструирование новых объектов и предметных полей дискурс-исследований, на новый методологический синтез.

В процессе анализа большого числа отечественных и зарубежных источников, посвященных как общетеоретическим, так и научно-прикладным вопросам дискурс-анализа, нами были выявлены следующие теоретические модели дискурса, получившие разработку в современном общественном знании: 1) лингво-семиотическая, 2) модель критического дискурс-анализа (КДА), 3) социетальная, 4) кратологическая, 5) комплексная [10].

В связи с заявленной темой остановимся на особенностях кратологической модели дискурса, а также на ее методологических возможностях при изучении такого эфемерного феномена, как дискурс соблазна.

В самом общем плане суть кратологической концепции дискурса заключается в том, что дискурс рассматривается главным образом как властная сила, как определенный способ властного воздействия и влияния.

Основоположником кратологической концепции дискурса можно считать М. Фуко. Теория дискурса Фуко, взятая на вооружение его последователями, получила новые концептуальные воплощения в творчестве Джудит Батлер, Жана Бодрийяра, Славоя Жижека, Жили Липовецки и др.

Мишель Фуко: множественная сила дискурса

Согласно Фуко собственно власть не является ни институтом, ни системой правил, ни подавлением, ни господством. Власть мыслится им как *множественность отношений силы*, которые имманентны области, где они осуществляются. Власть трактуется как игра, соперничество, столкновение стратегий, «институциональная кристаллизация которых воплощается в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства» [11, 192].

Власть, по Фуко, подвижна и вездесуща. Она исходит отовсюду, а не из некой центральной точки. Иными словами, власть носит распыленный, «капиллярный» характер и реализуется на уровне «микропрактик» повседневной жизни. При этом конфигурации отношений господства и подчинения носят подвижный характер.

Власть рассматривается Фуко как результат сложного сцепления стратегических сил. Она является эффектом стратегической ситуации, которая разрешается либо мирным путем, либо посредством войны. В любом случае власть возникает в результате неравенства сил и установления неравновесного отношения между ними. Политическая власть, по Фуко, есть эффект, произведенный борьбой множества различных социальных сил.

Фуко предложил новую аналитику власти, согласно которой любая власть как множественное отношение силы реализует свои стратегические установки посредством разнообразных дискурсов. «Дискурсы, — пишет он, — являются тактическими элементами или блоками в поле отношений силы; внутри одной и той же стратегии могут быть самые различные и даже противоречащие друг другу дискурсы; и, наоборот, они могут обращаться, не меняя своей формы, между противоположными стратегиями» [11, 203–204].

Для Фуко именно дискурсы выступают теми силами, которые обеспечивают эффекты властвования. Эти эффекты сопряжены с таким когнитивным властным ресурсом, как знание. Власть и знания в трактовке Фуко выступают производными от дискурсных стратегий и тактик. По сути, политическая власть, по Фуко, возникает там и тогда, когда происходит столкновение различных дискурсных стратегий. Сами дискурсы или дискурсные стратегии рассматриваются в качестве «подвижного поля отношений силы» [Там же, 204].

Джудит Батлер: дискурс как субъектообразующая сила

В своем анализе политической власти Д. Батлер соединяет теорию власти Мишеля Фуко с психоанализом Зигмунда Фрейда, постструктуралистскими идеями Луи Альтюссера и гендерными дискурс-исследованиями. Батлер рассматривает власть не только в качестве некой внешней силы, довлеющей над субъектом и определяющей его место в иерархии социального пространства, но также в роли субъективирующего начала, обладающего свойством идентификации. «Мы привыкли, — пишет Батлер, — думать о власти как о том, что давит на субъект извне, о том, что субординирует, ставит в зависимость и переводит в низший класс. Это, безусловно, справедливое описание части того, что делает власть. Но если, следуя Фуко, мы понимаем власть также как *формирующую* субъект, как обеспечивающую само условие его существования и траекторию его желания, тогда власть есть не просто то, чему мы противостояим, но также в конечном итоге то, от чего мы зависим в самом нашем существовании, и то, что мы скрываем и сохраняем в своем бытии» [1, 15].

Батлер, заостря внимание на том, что власть интернализуется в самом субъекте, предлагает пойти дальше Фуко и соединить концепцию власти как дискурса с теорией психики в духе психоаналитической концепции несчастного сознания.

Власть трактуется Батлер как дискурсивное производство субъекта, его субъектной самоидентификации, подчиняющейся властному дискурсу. Она делает также ссылку на работу Л. Альтюссера «Идеология и идеологические аппараты государства», в которой говорится о том, что эффект властной субординации субъектов реализуется через властный голос, окликающий индивида. «В печально известном примере, предлагаемом Альтюссером, — отмечает автор, — полицейский окликает прохожего на улице, и прохожий оборачивается и признает себя как того, кого окликнули. В этом обмене, в котором предлагается и принимается признание (человеком себя), и происходит интерпелляция — дискурсивное производство социального субъекта» [1, 19].

Дискурс рассматривается Батлер как властная сила, производящая идентичности, включая гендерную идентичность. Само же отношение власти и гендера она трактует как инкорпорированность посредством дискурса властных отношений в гендерные, в результате чего конструируется гендерная идентичность.

Гендер как дискурсивный конструкт, согласно Батлер, репрезентируется посредством системы нормативных предписаний по отношению к внешнему облику, поведению и способам репрезентации половой идентичности. Подобного рода нормативные репрезентации пола Батлер обозначает понятием «перформация гендера». Перформация гендера, отмечает она, создает иллюзию существования некой естественной и неизменной сущности женственности (феминности) и мужественности (маскулинности), на чем выстраиваются разнообразные теории, объясняющие или критикующие ситуацию исторического доминирования мужчин в системе властных отношений, включая классические политические теории феминизма, которые настаивают на существовании некой изначальной гендерной сущности. Такой изначальной сущности, по Батлер, просто не существует, ибо гендер есть дискурсивный эффект внутрисубъектной ретроактивной логики, которая в целях признания собственной идентичности добровольно принимает сконструированные обществом властные предписания в отношении поведения различных полов. В этой связи Батлер делает вывод о том, что разного рода понятия, служащие для обозначения сущности пола, к примеру понятие «женщина», — это всего лишь фантазийная конструкция, отвечающая определенным целям, но отрицающая внутреннюю сложность и неопределенность самого термина.

Жан Бодрийяр: сила дискурсного соблазна

Согласно Бодрийяру в современном обществе массового потребления властная сила дискурсов осуществляется в знаково-символическом пространстве, где господствуют симулякры, т. е. образцы несуществующих объектов. В мире симулякров — разрекламированных моделей, кинообразов, шоу-звезд, а также имиджей и брендов — господствуют дискурсы особого рода, которые формируют символическую знаковую субстанцию и выполняют функции привлечения внимания и соблазна.

Бодрийяр был, пожалуй, первым философом, который ввел в широкий теоретический оборот категорию соблазна, обозначающую дискурсивное властное

воздействие, осуществляемое в пространстве символических образов. Соблазн, по Бодрийяру, представляет господство над символической вселенной, над царством видимостей. Соблазн относится к строю знака, производства дискурса и желаний. В мире образов, имиджей и виртуальных объектов соблазн становится силой, воздействие которой не уступает, а то и превосходит по своему влиянию все другие способы властвования. «Только невероятное ослепление побуждает отрицать эту силу, равную всем прочим и даже превосходящую их все, поскольку она опрокидывает их простой игрой стратегии видимостей», — отмечает Бодрийяр [3, 36].

Дискурс соблазна, по Бодрийяру, не относится к строю реального, под которым им подразумевается власть материальных сил. Однако, не будучи властной материальной силой, данный дискурс тем не менее присутствует в любых реальных проявлениях власти. Он «обволакивает весь реальный процесс власти, как и весь реальный строй производства». Без дискурса соблазна власть никогда бы не обрела силу реальности [Там же, 96, 99].

Стратегия соблазна — это стратегия обольщения, стратегия производства иллюзий, которые зачаровывают и которые с удовольствием потребляют. В иллюзорную реальность, сконструированную дискурсом соблазна, погружаются с радостным удовольствием. «В этом, — отмечает Бодрийяр, — источник баснословной силы. Ведь если производство только и умеет, что производить какие-то материальные объекты и реальные знаки, через это обретая какую-никакую силу, то обольщение производит лишь приманки, но получает благодаря этому все мыслимые силы, в том числе силу завлечь производство и реальность в их основополагающую иллюзию-приманку» [Там же, 131].

Источник огромной силы дискурса соблазна — в его властвовании над символическим пространством видимостей или симулякров. Одной из модельных форм такого символического пространства выступает кинематограф с его рядами массового поклонения звездам кино, правилами игры и ритуалами. Соблазн, отмечает Бодрийяр, живет в самом сердце кинематографического мифа, связан с захватывающей силой образа, запечатленного на киноплёнке.

Жиль Липовецки: дискурс обольщения

В интерпретации Ж. Липовецки дискурс власти в обществе массового потребления содержит в своей структуре стратегию обольщения, которая пронизывает все современные реалии — политику, производство, образование, сферу услуг, повседневный быт, интимную жизнь. Обольщение провоцирует тягу индивида к наслаждению, легитимирует право индивида наслаждаться всеми радостями бытия. Революция потребления возвела право на наслаждение в ряд высших человеческих ценностей. В результате система ценностных ориентаций в обществе массового потребления сместилась в сторону гедонизма, персонализированного индивидуализма и нарциссизма.

Одним из проявлений нарциссизма, согласно Липовецки, выступает стремление индивида к медийному самовыражению посредством участия в разнообразных телевизионных ток-шоу и в сетевых коммуникациях. Однако в жела-

нии нарцисса высказаться в средствах массовой информации не содержится ничего, кроме презентационной игры самообольщения, кроме логики пустоты. Чем больше люди стараются выразить себя, тем меньше смысла мы находим в их выражениях, отмечает Липовецки, «чем больше они стремятся к субъективности, тем наглядней анонимность и пустота» [4, 31].

Дискурс обольщения в информационном обществе, согласно Липовецки, стал повсеместной невидимой силой, которая стремится регулировать потребление, институты, организации, информацию, образование, нравы. «Отныне, — заключает он, — вся жизнь общества находится под диктатом новой стратегии, ломающей производственные отношения ради апофеоза отношений обольщения» [Там же, 33–34].

Стратегия обольщения — это соблазн богатством выбора, избытком потребительских благ и услуг, это стимуляция все новых и новых запросов. Сила обольщения — в увеличении свободы выбора для индивида, в гибкости предложений, соответствующих его пожеланиям, в предоставлении таких услуг, которые учитывают самые экзотические запросы. Обольщение устраняет жесткость прежних ограничительных рамок, «действует исподволь, играя на руку отдельной личности, ее благосостоянию, ее свободе, ее частному интересу» [Там же, 36].

Бурное развитие информационных технологий породило новую волну обольщения — обольщения интерактивностью, персональной вовлеченностью в производство информационного продукта, обольщения собственной значимостью в интернет-пространстве. Параллельно с этим происходит обольщение новыми возможностями самовыражения через сетевые сообщества. Стратегия обольщения активно участвует в процессе социализации индивида, прививая ему культуру психологической раскрепощенности, освобождающей от заданных ролей и «комплексов», от гендерных стереотипов. Липовецки подчеркивает: «Обольщение — это логика, которая пробивает себе дорогу, которая больше ничего не щадит и при этом осуществляет постепенную, толерантную социализацию, цель которой — персонализировать и психологизировать человека» [Там же, 40].

Дискурс обольщения в современном обществе глубоко внедряется в политическую жизнь, выступает основой современных политических технологий. Политическое обольщение — это обольщение привлекательными образами политических институтов и лидеров. Набор обольстительных черт современного политического лидера представляет собой нарочитую персонализацию и гуманизацию его образа: «...демонстрируя свою доступность, политический деятель появляется в джинсах и свитере, смиренно признает свои недостатки и слабости, выставляет напоказ свою семью, бюллетени о здоровье, свою молодость» [Там же, 44–45].

Политика персонализации сегодня коррелируется с новыми социальными ценностями, каковыми являются доверие, доступность, открытость, искренность, харизматичность, демократизм. Прямая демонстрация приверженности данным ценностям соответствует общему духу и логике обольщения общества массмедиа и массового потребления.

По мнению Липовецки, в стратегии повсеместного оболъщения есть заметные политические плюсы, связанные с оболъщением демократизмом. «Новая инициатива демократического оболъщения, — пишет он, — гуманизирует нацию, вносит струю свежего воздуха во властные структуры, приближает инстанции к интересам людей, придает достоинство периферии» [4, 46].

В своих исследованиях дискурса оболъщения Липовецки отдельно выделяет такую его разновидность, как *sexduction* (секс-соблазн или сексоблазн). Сексоблазн в его трактовке — это соблазн сексуальным раскрепощением, освобождением от комплексов посредством легального и нелегального предоставления индивиду множества услуг, позволяющих получать самые разнообразные сексуальные удовольствия.

Власть дискурса *sexduction* широко используется в современной политической практике. Секс становится политикой, пишет Липовецки, сексуальные отношения превращаются в демонстрацию силы и власти [Там же, 52]. Сексоблазн как инструмент власти берется на вооружение неофеминистскими политическими идеологиями и движениями, поскольку несет в себе демократический заряд, который расширяет пространство индивидуальных свобод женщин, транслирует идею их сексуального раскрепощения, освобождения от традиционных ролей и ограничений в гедонизме, освобождает от жестких требований патриархальной фаллократической морали [Там же, 55].

Следует добавить, что помимо стратегии сексуального раскрепощения дискурс *sexduction*, включенный в систему маркетинговых коммуникаций, транслирует стратегию, которая нацеливает индивида на создание собственного сексуально привлекательного образа, который можно использовать в качестве индивидуального капитала для достижения карьерных и интимных целей. В массовой культуре данная дискурсивная стратегия выражается посредством индивидуальных или коллективных секс-шоу, которые представляют собой игровую демонстрацию знаковых фигур, символизирующих сексуальность. Сексуальные игры — это шоу, в которых функцию соблазна выполняют такие знаки и символы, за которыми массовое сознание закрепило значение сексуальной привлекательности. Будучи социокультурным продуктом, дискурс *sexduction* форматирует не только сексуальное поведение личности, но и общий стиль социальных и медийных коммуникаций. Медиадискурс сегодня — это дискурс, транслирующий многочисленные виртуальные образы, осуществляющие функцию *sexduction*, поскольку *sexduction* выступает важным инструментом повышения рейтинга медийных программ.

Дискурс *soft power* как властный ресурс

В последнее время в литературе выделяется особая разновидность дискурса власти, обозначаемая термином *soft power*, или «мягкая сила».

В условиях глобальной маркетингизации и медиатизации общества массового потребления дискурс *soft power* как властный ресурс начинает доминировать в массовых коммуникациях. Более того, расцвет общества массового потребления и массовой культуры стал возможен именно благодаря масштабному при-

менению заложенной внутри маркетинговых и масскультурных коммуникаций «мягкой» силы потребительского соблазна и развлекательных шоу.

В целях укрепления властных позиций и умножения ресурсов социального управления современные институты власти разных уровней предпочитают сочетать жесткие формы отправления власти с «мягкой» силой, заложенной в инструментах PR, в привлекательных имиджах субъектов власти, в соблазнах потребительского рая, в развлекательных дискурсах шоу-политики. «Развлекай и властвуй!» — вот девиз современной «мягкой» власти. Преимущественно на развлекательной стратегии сегодня базируется власть массмедиа, поп-культуры, шоу-бизнеса, спорт-бизнеса и других маркетинговых индустрий.

Соединение силовых механизмов власти с коммуникативными практиками soft power обеспечивает властным политическим структурам наибольшую устойчивость, гибкость и подвижность, поскольку «мягкая» власть обладает способностью формировать и воспроизводить такие источники легитимации, как лояльность, согласие, признание, идентичность, имиджевая харизматичность, верность бренду.

В эпоху усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи стран, претендующих на статус мирового центра или полюса власти.

В качестве особой категории, обозначающей специфический властный ресурс в международной политике, понятие soft power стало применяться в работах американского политолога Джозефа Наю [6, 7].

В противоположность «жесткой» силе военного и экономического давления «мягкая» сила представляет собой властный дискурс, который добивается желаемого на основе соблазна союзников добровольным участием в политических, экономических и культурных проектах без какого-либо принуждения и экономического подкупа. Мягкое могущество подразумевает масштабное использование таких властных ресурсов, как дискурс привлекательных имиджей и брендов, культурно-информационных технологий. Во внешнеполитическом плане мягкое могущество проявляется в соблазнении международных партнеров привлекательными образами своей страны, ее ценностными ориентирами, культурными и гуманитарными программами.

Привлекательность внешней политики, согласно Наю, во многом зависит от того, насколько будут всеобъемлющими и перспективными ее цели для всех участников межгосударственных коммуникаций, насколько будут совпадать их ценностные ориентации: «Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими». В качестве примера политики в стиле soft power Наю называет реализацию плана Маршалла, в ходе которой «европейцы с радостью приняли американское лидерство» [6, 34, 35].

Для Наю soft power — это система мощных властных ресурсов, которая помогает США на протяжении многих лет осуществлять *мягкую гегемонию* на международной арене. Согласно его точке зрения одной из причин, почему

советская система власти в СССР потерпела поражение, была недооценка советской политической элитой важной роли механизмов soft power во внешне-политической конкуренции.

Одним из элементов мягкой американской гегемонии Най считает массированную коммерческую рекламу вещественных символов Америки, с которыми в годы холодной войны ассоциировались представления о новых горизонтах свободы. «Поколение за поколением, — отмечает Най, — молодежь в самых разных европейских странах, — и к западу, и к востоку от “железного занавеса” открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выразить собственно “Я”» [6, 36].

Другим проверенным инструментом мягкой гегемонии Соединенных Штатов является американская поп-культура. Адаптация к ней европейцев после Второй мировой войны способствовала легкому и жизнерадостному усвоению идей и принципов либерализма, вприснула молодую энергию в «высокую» культуру послевоенной Европы. В итоге, пишет Най, именно воздействие поп-культуры на общественное сознание европейцев помогло Соединенным Штатам в достижении двух важных целей — демократической реконструкции Европы и создании НАТО. Массовая культура оказала США большую услугу в поддержании экономического и военного лидерства.

У американской внешнеполитической «мягкой» силы есть серьезные конкуренты на международной арене. Основным конкурентом выступает «мягкая» сила Европы. Европа, отмечает Най, впечатляет своими «мягкими» ресурсами. К ним он относит достижения европейских стран в области литературы (Франция занимает первое место в мире по числу Нобелевских премий в области литературы), в предоставлении убежища для мигрантов (Великобритания и Германия занимают первые места в списке стран, куда устремляются эмигранты и беженцы), в выделении значительных средств для оказания помощи развивающимся странам.

«Мягкую» силу Европы, считает Най, укрепляют ее позиции по вопросу о смертной казни, по контролю за оружием, по изменению климата, по соблюдению прав человека, включая права секс-меньшинств. Кроме того, в Европе мощнее, чем в США, система социального обеспечения и профсоюзы, рынок труда более регламентирован [Там же, 38–39].

Оценивая эффективность дискурса soft power, применяемого разными странами, Най видит большие перспективы в координационном использовании американских и европейских ресурсов «мягкой» силы, а также в расширении американо-европейского информационного пространства. Массовая информация рассматривается им как один из важнейших ресурсов «мягкого» влияния. Одной из политических ошибок США Най считает сокращение финансирования и вещания после холодной войны правительственными СМИ, ликвидацию Информационного агентства USIA.

Зигмунд Бауман: дискурс соблазна в обществе «текучей современности»

В кратологическую теорию дискурса соблазна как дискурса soft power совершенно логично вписывается концепция текучей современности Зигмунда Баумана.

По Бауману, эпоха легкой, текучей современности в настоящее время вытесняет эпоху тяжелой современности с ее логоцентристской (фордистской) моделью мира, основанной на жестком разделении иерархических функций. Идеальным воплощением фордизма выступает завод с доведенным до пределов рационализмом, управленческим централизмом, с тщательным разделением между проектированием и исполнением, инициативой и следованием приказам начальства, с определенным соотношением свободы и подчинения, новизной и детерминацией. «Фордизм, — отмечает Бауман, — был самосознанием современного общества в его “тяжелой”, “громоздкой” или “неподвижной” и “укоренившейся”, “твердой” фазе» [2, 64, 65]. Это был мир авторитетов, лидеров, законодателей, разработчиков режима и контролеров, знающих все лучше остальных. На смену фордизму приходит легкий мир общества потребления.

Легкий постфордистский мир — это мир, полный бесконечных возможностей потребительского выбора, мир многообразных потребительских соблазнов. Такой мир «похож на стол, уставленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки смогли надеяться попробовать каждое». Дружественный потребителю легкий мир не отменяет существование авторитетов, а до бесконечности умножает их количество. В результате чего ни один из авторитетов не в состоянии оставаться им на протяжении долгого времени [Там же, 70, 71].

Основными силами, организующими жизнь потребителя в легком обществе, считает Бауман, являются дискурсы соблазна. Именно они направляют сознание и волю потребителя в сторону все возрастающей готовности к потреблению, заставляя включаться в гонку за все новыми возможностями обладания потребительскими товарами и благами. При этом ценностно-ориентационная начинка, эталонная нормативность и интерфейс предметов потребительского желания претерпевают постоянные изменения под влиянием моды и давлением общественного мнения. «Что вчера считалось нормальным и, таким образом, удовлетворительным, сегодня может вызывать беспокойство или даже считаться патологией, требующей лечения» [Там же, 87].

Дискурс потребительского соблазна в массовом обществе выполняет важные функции социальной идентификации и социального позиционирования. «В потребительском обществе, — отмечает исследователь, — всеобщая потребительская зависимость — универсальная зависимость от покупок — это обязательное условие всей индивидуальной свободы; главным образом свободы отличаться, “иметь идентичность”» [Там же, 92]. В покупаемой вещи индивид символически обретает собственную идентичность, однако ненадолго, ибо маркетинговые инновации формируют все новые и новые символические образы идентичности в виде еще более модных товаров, гаджетов, дивайсов, брендов, намеренно

потворствуя аппетиту к изменениям. В итоге «мир прочных объектов» уходит в прошлое, на смену ему приходит мир одноразовых товаров, рассчитанных на быстрое устаревание и на быструю сменяемость. Социально-потребительские идентичности оказываются гибкими, хрупкими, непрочными, нестабильными, воплощаясь в множественных дискурсах соблазна, они предстают в виде текущего, непрерывного, серийного потока.

Особое внимание Бауман обращает на текучий характер смены инструментов властвования в современном мире. Если в эпоху фордизма одним из главных властных ресурсов был дисциплинарный дискурс, основанный на модели иерархического подчинения высшей властной инстанцией, метафорой которой стало понятие Старшего Брата, то в мире текучей современности дисциплинарная власть оказывается рассредоточенной и рассеянной в медийных сетях СМИ.

В текучем мире медиадискурс часто выступает для индивида основным лоцманом, дающим ориентиры в стремительно меняющихся модных тенденциях и способах идентификации. Дискурсы экранных зрелищ, включающие медийные средства *intertainment*, взяли на себя властную функцию соблазна и дисциплинарного форматирования общественного сознания. «Зрелища, — отмечает Бауман, — пришли на место надзора, не утратив дисциплинирующей власти своего предшественника. Подчинение стандартам (позвольте добавить, пластично и изящно адаптируемое подчинение гибким стандартам) теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения, — и проявляется в личине осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы» [2, 94].

Современное пристальное внимание исследователей к дискурсу соблазна как «мягкой» властной силе во многом обусловлено распространением и развитием таких форматов новых дискурсивно-коммуникативных практик,ковыми являются PR-дискурс, дискурс шоу-политики, дискурс *politainment*, дискурс символической политики [5, 10].

В качестве современного властного и культурно-коммуникативного ресурса дискурс соблазна концептуально анализируется в разнообразных теориях коллективной, национальной, гражданской и прочей идентичности. С позиции теории идентичности дискурс соблазна трактуется как феномен, производящий ментальное и поведенческое позиционирование субъекта в разнообразных социальных и символических иерархиях. Понятая таким образом идентичность рассматривается в качестве *soft power*, направленной на укрепление и сплочение социальных и культурных общностей.

---

1. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции / пер. З. Баблюна. Харьков ; СПб., 2002.

2. Бауман З. Текучая современность : пер. с англ. / под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008.

3. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М., 2000.

4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб., 2001.

5. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. 2010. № 1.
6. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10.
7. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
8. Русакова О. Ф., Спаский А. Е. Что такое дискурсология? // Дискурсология: методология, теория, практика: докл. Первой междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. Ф. Русаковой, 15–16 дек. 2006 г. Екатеринбург, 2006. (Сер. «Дискурсология»; Вып. 3).
9. Русакова О. Ф. «Дискурсология»: энцикл. проект. Екатеринбург, 2009.
10. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008.
11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с фр. М., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 21 сентября 2011 г.

УДК 328.1 + 328.3 + 321.72

А. А. Керимов

СОВРЕМЕННЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Статья посвящена изучению проблематики современного парламентаризма и его разновидностей. На основе анализа статуса и полномочий парламентов в ведущих странах мира автор проводит собственную классификацию парламентаризма и выделяет несколько его типов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парламентаризм, разновидности парламентаризма: развитый, ограниченный, «имитационный», «рационализированный», «министерский», «разделенный».

Опыт мирового парламентаризма показывает, что данный институт является показателем уровня развития демократичности общества, верховенства в нем законов, прав и обязанностей человека, степени его защищенности, развитости гражданского общества. Парламентаризм отражает особенности исторического развития общества, опыта государственного строительства каждой конкретной страны, национальных традиций, правовой культуры и политической воли народа.

Парламентаризм как политическое явление получил широкое распространение в мире начиная с конца XIX в. Однако его становление не было линейным, и череда побед и поражений данного института породила массу его разновидностей и вариаций.

Парламентаризм существует в политической системе большинства стран мира. Его классификацию, как представляется, необходимо проводить по двум критериям. В качестве первого можно рассматривать степень реализации на практике важнейших элементов парламентаризма, таких, как соблюдение принципа разделения властей, безусловное верховенство права, наличие в обществе

законодательного (представительного) учреждения — парламента, наличие в обществе зрелой партийной системы, демократический процесс формирования парламента и его публичность. А вторым критерием может послужить характер заложенной в конституции страны системы организации взаимоотношений между законодательным органом и другими высшими органами государственной власти.

Первый критерий, отображающий особенности политического режима, позволяет выделить следующие разновидности парламентаризма: *парламентаризм развитый, ограниченный, «имитационный»*. Вторым критерий определяет природу и особенности формы правления и государственного устройства. Здесь можно выделить такие разновидности современного парламентаризма, как *парламентаризм «рационализированный», «министериальный», «разделенный»*.

Развитый парламентаризм может существовать и функционировать только в рамках демократического общества, где в полной мере реализованы такие основополагающие элементы парламентаризма, как принцип разделения властей и верховенство права, имеются прочные традиции парламентаризма, зрелое гражданское общество и политические партии, которые не только являются активными участниками политических процессов, но и несут политическую ответственность за общие дела в обществе.

Ограниченный парламентаризм строится на ограничении полномочий парламента и его косвенной подконтрольности исполнительной власти. Такая разновидность парламентаризма характерна для обществ догоняющего типа, где в основном декларированы демократические свободы и основополагающие принципы парламентаризма, однако следует отметить недостаточную степень их полноты и реализации на практике.

Существование *«имитационного» парламентаризма* характерно для крайне авторитарных и, в еще большей степени, для тоталитарных режимов, где может осуществляться только имитация парламентаризма. При таких режимах происходит монополизация власти и политики; власть может править с помощью законов, принимаемых по своему усмотрению; снижается или сводится на нет роль представительных институтов и оппозиции; нарушается автономия партий и институтов гражданского общества.

«Рационализированный» парламентаризм направлен прежде всего на укрепление президентской власти. Такая необходимость возникает как мера по преодолению слабости и аморфности исполнительной власти, порождающих политическую нестабильность. «Рационализированный» парламентаризм многое заимствует из практики полупрезидентской республики, где взаимоотношения различных ветвей власти строятся особым образом.

Такая разновидность парламентаризма впервые была применена во Франции с целью преодоления политического кризиса, вызванного нарушением баланса полномочий между законодательной и исполнительной властями. Новая конституция Французской V Республики в ущерб законодательной власти наделила президента весьма обширными полномочиями. Специфика статуса президента во Франции в рамках «рационализированного» парламентаризма состоит в том, что, в силу своих полномочий, он как бы участвует в функциони-

ровании каждой из ветвей власти, и в то же время каждая из ветвей власти в достаточной степени сохраняет свою самостоятельность.

Президент не несет политической, т. е. парламентской, ответственности. Кроме того, глава государства во Франции наделен правом (ст. 11 Конституции Республики) выносить на референдум любой законопроект, имеющий отношение к организации государственной власти.

Однако необходимо признать, что референдум подрывает основы современного парламентаризма. Возможность проведения референдума порождает стремление передать решение всех сложных вопросов самим избирателям, что затягивает законодательный процесс и вносит в него неопределенность. Частое же обращение к референдумам со стороны представителей исполнительной власти позволяет принимать решения в обход парламента. Это снижает значение представительных органов. Практика принятия решений в обход парламента во Французской V Республике при президенте Ш. де Голле свидетельствует о том, что референдум может выступать дестабилизирующим фактором в системе разделения властей. Использование народного голосования в данном случае давало перевес исполнительной ветви власти.

«Рационализированный» парламентаризм предусматривает ряд ограничений в организации, статусе и компетенции парламента. В рамках данной разновидности парламентаризма в структурном плане предпочтение отдается двухпалатному парламента, поскольку бикамерализм способен создать систему сдержек и противовесов внутри парламента. Существенные ограничения касаются и законодательной компетенции парламента. Во-первых, президент республики по предложению правительства или совместному предложению палат может передать на референдум любой законопроект; во-вторых, конституцией определяются сферы законодательной деятельности, которые составляют исключительно компетенцию главы государства.

Таким образом, при «рационализированном» парламентаризме сильная президентская власть сочетается с эффективным контролем парламента за деятельностью правительства, и двойная ответственность правительства — перед президентом и парламентом — является отличительной чертой «рационализированного» парламентаризма.

«Министеральный» парламентаризм определяется двумя фундаментальными принципами — статусом парламента как верховного законодательного органа без ограничения его законодательных и контрольных полномочий и парламентарным правлением, парламентской ответственностью правительства, созданного, как правило, на основе парламентского большинства. При этом правительство обладает законодательной инициативой, а также правом ходатайства перед главой государства о роспуске парламента. «Министеральный» парламентаризм основывается в большинстве случаев на совместимости членства в правительстве с сохранением депутатского мандата. Это позволяет привлекать в правительство не только лидеров правящих партий, но и других наиболее влиятельных депутатов парламентского большинства и тем самым контролировать парламента, получая одновременно массовую партийную поддержку.

«Разделенный» парламентаризм в основном характерен для таких обществ, где отношения между парламентом и главой государства основываются на жестком разделении властей, их значительной самостоятельности, системе сдержек, противовесов и взаимозависимости. При таком парламентаризме законодательный орган может ограничивать действия главы государства с помощью законов, президент же обладает правом отлагательного вето на решения парламента.

Несмотря на наличие нескольких разновидностей современного парламентаризма, приходится констатировать, что его идеальной модели, обособленной от других, в мировой практике государственного строительства не существует, в каждой, наряду с собственными типовыми признаками, всегда наличествуют и признаки других моделей.

Такое утверждение согласуется с точкой зрения В. Е. Чиркина, который отмечает, что в современном мире все более отчетливо проявляется тенденция к созданию гибридных, смешанных, переходных форм государственного правления. Прежние классические формы президентской, парламентской республики, федерализма, автономии, государственных режимов постепенно исчезают, их заменяют полупрезидентские, полупарламентарные республики, региональные государства, сочетающие черты унитаризма, федерализма, автономии. Возникают новые методы осуществления государственной власти, иные формы государственных режимов, соединяющие некоторые элементы авторитаризма и демократии [8].

В современной западной политической науке выдвигается ряд концепций, согласно которым в современном западном обществе государство якобы превращается в сугубо «техническое» или «научное» государство [1, 2]. Считается, что в таком государстве власть теряет свои традиционные политические качества и трансформируется в сложное управляющее устройство, предназначенное для того, чтобы, строго следуя принципам права, обеспечить наиболее рациональную жизнедеятельность общества. В этой связи утверждается, что осуществление публичной власти отделилось от обладания собственностью и более не находится под ее определяющим воздействием, что реальная политическая власть сосредоточена в руках независимой от экономически господствующего класса правящей элиты государственных чиновников.

Разрабатывая теорию власти, некоторые политологи пересматривают традиционные принципы демократии [6, 9]. В этой связи на смену теории разделения властей приходит концепция «единой власти»; принцип верховенства парламента заменяется обоснованием необходимости сосредоточения основных прерогатив в органах исполнительной власти; теория народного представительства объявляется устаревшей и неприменимой в современных условиях.

Действительно, в современную эпоху соотношение законодательной и исполнительной власти в государстве изменилось. Исполнительная власть с ее финансовыми возможностями сосредоточила в своих руках все наиболее важные полномочия по осуществлению как внутренней, так и внешней политики. Эта тенденция находит выражение в росте полномочий премьер-министра (или президента, если он возглавляет правительство), который получил возмож-

ность самостоятельно принимать важнейшие политические решения. Крен полномочий в сторону исполнительной власти разрушает хрупкий баланс равновесия властей и нарушает принцип разделения властей.

Основным показателем (критерием) присутствия парламентаризма в политической системе той или иной страны можно считать наличие у парламента статуса и полномочий высшего представительного и законодательного органа. При парламентской системе, классическим образцом которой до сих пор остается Великобритания, парламентаризм как явление выражен наиболее полно. Однако если считать важнейшей характеристикой парламентаризма принцип ответственности правительства перед парламентом, то можно утверждать, что и в условиях полупрезидентской республики, например современной Франции, парламентаризм присутствует в достаточной степени.

Сложнее обстоит дело с тем, как парламентаризм соотносится с системой правления в форме президентской республики. Ключевую роль здесь играет то, является ли президентская республика демократической или недемократической по типу политического режима. Если президентская республика предполагает последовательное и конституционно закрепленное разделение властей, при котором парламент является высшим представительным и законодательным органом, то тогда есть основания утверждать, что и при президентской республике сохраняются ведущие элементы парламентаризма.

В мировой практике парламентаризма существует две разновидности структуры парламента — однопалатная и двухпалатная. При этом многолетний опыт показывает, что к конструированию парламента, основанного на принципе двухпалатной системы, наиболее склонны государства, имеющие федеративное территориальное устройство. Процесс комплектования однопалатных парламента, а также нижних палат двухпалатных парламента проходит путем выборов, что обеспечивает косвенное народное представительство.

Начиная с 70-х гг. XX в. создание двухпалатных парламента становится общемировой тенденцией. Если в начале указанного периода двухпалатные парламента действовали в 45 странах, то впоследствии число таких стран увеличилось до 67 и еще 12 государств приступили к созданию вторых палат. Эта тенденция связана прежде всего с тем, что двухпалатность позволяет более адекватно отражать в политической системе региональное и национальное многообразие современных обществ, дает дополнительные гарантии для обеспечения стабильности. Имеются также «институциональные доводы, связанные с потребностью создать орган для дополнительной оценки законопроектов; наличествуют и чисто политические аргументы, основанные либо на консерватизме, например, на стремлении нейтрализовать влияние общественного мнения, выражаемого посредством нижней палаты, либо на институциональной инерции и убеждении, что, поскольку вторая палата существует уже столько времени, она должна сохраняться и дальше» [4].

Поиски оптимальных форм государственного устройства и политического правления предпринимались на протяжении тысячелетий и во многих странах. Такие поиски продолжаются и сегодня. При этом трудно не согласиться с Р. Ароном, который на основе анализа «конституционно-плюралистических»

и «авторитарно-тоталитарных» режимов пришел к однозначному выводу: «неразумно утверждать, что один режим хорош, а другой плох, один воплощает добро, а другой — зло. Оба несовершенны, хотя и по-разному» [3]. Это утверждение касается и монархической, и президентской, и парламентской, и социалистической форм правления.

Каждая форма несовершенна по-своему, хотя потенциально каждая содержит в себе высокую конструктивную силу. Все зависит от конкретно-исторических условий, совокупной политической воли народа — суверена власти, профессионализма, нравственных и политических предпочтений правящей элиты. Наиболее существенными недостатками президентской республики являются заключенная в ней тенденция к ограничению демократических свобод и реальная возможность возрождения авторитаризма, «ускользания» исполнительной власти от парламентского контроля, даже конструктивного. Президентские системы, по утверждению американского политолога Х. Линца, чреватые серьезными расколами внутри политической культуры, острыми конфликтами между президентом и конгрессом, отсутствием достаточно эффективных институциональных механизмов преодоления указанных расколов и конфликтов [5]. С этой точки зрения более устойчивыми и более приспособляемыми к кризисным ситуациям представляются парламентские системы.

Но и это утверждение вряд ли может рассматриваться в качестве абсолютной истины. Позиция Х. Линца оспаривается многими авторами, в том числе М. Шугартом, Дж. Кэри, С. Мэйнуэрингом, в России — Б. Г. Капустиным, А. Ю. Мельвилем, А. И. Соловьевым, В. Е. Чиркиным. Парламентским республикам в не меньшей степени присущи нестабильность и конфликты различных ветвей власти, частые правительственные кризисы, перманентные реорганизации управленческих структур. Стабильности власти способствуют не только парламентаризм и высокий авторитет президента, но и высокая представительность президентской партии в парламенте и органах управления, благоприятные условия для коалиционной политики, концентрация исполнительной власти в руках высокопрофессионального правительства.

Общим принципом деятельности исполнительной власти в демократических государствах является то, что любое правительство должно пользоваться доверием парламента и контролироваться с его стороны.

Особенность парламентского контроля выдвигает более конкретную проблему министерской ответственности, являющуюся с формальной стороны основой основ парламентаризма. Также с формальной стороны проблема ответственности правительства перед парламентом имеет много аспектов, и, как показывает парламентская деятельность, она тесно связана с процедурой роспуска парламента.

В связи с этим нас интересуют прежде всего три основных вопроса: 1) значение парламентской ответственности; 2) формы парламентской ответственности; 3) ответственное правительство и роспуск парламента.

Под парламентской ответственностью имеется в виду ответственность политическая. Принцип правительственной ответственности перед парламентом

исходит из признания права представительного учреждения выражать народный суверенитет. Поскольку формально, в силу конституции, законодательная власть является высшей властью в государстве, постольку правительство может выполнять свои обязанности только до тех пор, пока оно пользуется доверием избранного народом органа. Отсюда вытекает право парламента контролировать деятельность правительства.

На деле в современную эпоху парламент не осуществляет действительного контроля над исполнительной властью. Так, например, в Англии, по мнению Дж. Харвея и К. Худ, «палата общин не осуществляет контроля ни над кабинетом, ни над государственным аппаратом, ни над вооруженными силами. Она представляет собой главным образом форум для критики правительства, осуждения злоупотреблений, а также для получения информации» [7].

Однако формально, юридически, к способам парламентского контроля за правительством относятся следующие методы: постановка вопроса о доверии правительству или его порицании, интерпелляции, запросы депутатов, обращение к членам правительства. Кроме того, можно использовать в целях контроля за деятельностью правительства время, отводимое для обсуждения законопроектов и т. д.

В парламентарных государствах правительство несет ответственность перед парламентом и обязано уйти в отставку в случае вынесения последним вотума недоверия или, если было использовано право роспуска парламента, в случае поражения на новых выборах. Этот же принцип действует во Франции. В Германии парламента может добиться отставки существующего правительства лишь путем избрания нового канцлера, что существенно ограничивает ответственность правительства перед законодательным органом.

Объектом контроля со стороны парламента кроме исполнительной власти в отдельных случаях выступают глава государства, судебная власть, местное самоуправление, а также деятельность государственных и частных предприятий. Объем реализации функций контроля неодинаков, порой он зависит от форм правления и государственного устройства. В зависимости от форм правления и государственного режима на практике нередко сам парламента также находится под контролем правительства или, во всяком случае, испытывает с его стороны достаточно сильное воздействие.

В ряде стран устанавливается скрытый контроль над законодательной деятельностью парламента. Наряду с этим во всех ведущих современных странах, кроме Великобритании, контроль над законодательной деятельностью парламента принимает узаконенные формы в виде так называемого конституционного надзора: например, в США это толкование Конституции Верховным судом, в ФРГ — надконституционные решения федерального Конституционного суда.

Таким образом, общей тенденцией для современных государств является ослабление принципа парламентской ответственности правительства и укрепление исполнительной власти. Эта тенденция порождается усложнением общественной жизни, необходимостью предотвращения чрезмерного вторжения парламентаризма в сферу деятельности исполнительной власти.

На наш взгляд, факторы, способствующие снижению престижа современного парламентаризма и усилению влияния исполнительной ветви власти, могут быть сведены к следующему:

1) благодаря специфике своей деятельности исполнительная вертикаль власти располагает кадрами, финансовыми и материальными ресурсами, позволяющими оперативно влиять на ситуацию. Поэтому в глазах масс создается видимость, что именно от правительства, а не от парламентариев, принимающих законы, действие которых проявляется не так быстро, зависит реальное положение дел. Поэтому зачастую успехи приписываются исполнительной власти, а не законодательному органу;

2) на правительство всегда падает бóльшая доля ответственности за проделанную работу, чем на парламентариев, которые не в полной мере отвечают за последствия принятых законов. Не случайно законодатели чаще выступают в роли обвинителей, но не обвиняемых, так как критиковать всегда легче, чем практически реализовывать социально-экономический курс. Поэтому население скептически относится к народным избранникам, которые, по их мнению, в большей степени создают трудности в работе правительства;

3) некоторые СМИ находятся в непосредственной зависимости от исполнительной власти, и поэтому часто представляют работу правительства в более благоприятном свете, нежели деятельность парламентариев;

4) в массовом сознании всегда сильны традиции этатизма, состоящие в том, что народ чаще уповает на сильную личность в лице президента (премьера), способную навести жесткий порядок, чем на представительный орган, в стенах которого ведутся бесчисленные дискуссии. Тем более что у избирателей возникает иллюзия по поводу «роскошной» жизни парламентариев, существующих за счет средств налогоплательщиков;

5) в экономически развитых государствах с устойчивой политической системой гражданское общество не проявляет должного интереса к политике. На первый план выдвигается стремление к личному успеху, а интерес к политике отодвигается на задний план. На фоне индивидуализации жизни отдельного человека граждане утрачивают интерес к деятельности парламентариев, а победа президента на выборах, который олицетворяет всю нацию, является прекрасным примером в достижении высокопоставленной цели. Поэтому не случайно общественное мнение, особенно на переломных этапах истории, чаще всего оказывается на стороне президента, а не законодательного органа.

Тем не менее политическая практика государств в последние десятилетия позволяет заключить, что парламент отнюдь не изжил себя, что, подобно другим институтам, он не исчерпал свою роль важного института демократии. Послевоенный опыт развития политической системы в развитых странах свидетельствует о том, что парламент может служить стабилизирующим фактором государственного строя, в частности, он вместе с другими органами власти осуществляет все основные функции государства, придавая этому процессу характер осуществления воли всего населения. Кроме того, парламент легализует власть, облекая ее в форму представительного правления народа, способствует достижению компромиссов между различными политическими силами,

в частности достижению соглашения между консервативными и социал-реформистскими партиями, принимает законы и образует важнейшую часть правовой надстройки.

Таким образом, несмотря на противоречивый характер развития современного парламентаризма, в большинстве стран мира парламенты стали органической частью государственной власти. Они выполняют главную властную функцию через создание законодательной основы общества, государства. Законы становятся основным источником права в большинстве стран мира. Это позволяет характеризовать парламенты как закономерное международное явление.

1. *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1994.
2. *Ардан Ф.* Франция: государственная система. М., 1994.
3. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 277.
4. *Коукли Дж.* Двухпалатность и разделение властей в современных государствах // *Полис.* 1997. № 3. С. 150.
5. *Линц Х.* Опасности президентства // *Полис.* 2001. № 5. С. 54–55.
6. *Фабрициус Ф.* Права человека и современная политика. М., 1995.
7. *Харвей Дж., Худ К.* Британское государство. М., 1961. С. 71.
8. *Чиркин В. Е.* Государственное и муниципальное управление. М., 2004. С. 65.
9. *Akler J.* Constitutional and Administrative Law. 2nd ed. L., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 14 сентября 2011 г.

УДК 327.8 + 355.4

В. В. Чиркин

ВОЕННАЯ МОЩЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к определению понятия «мощь». Автор анализирует сущность и содержание военной мощи, ведет речь о военной силе и формах ее применения.

Ключевые слова: мощь, военная мощь, военная сила, военные базы

Повышенный интерес общественности, научных и военных кругов любой страны к вопросам обеспечения национальной безопасности выражается в стремлении разобраться в сущности такого понятия, как «мощь». Мощь — это ключевая категория теории международных отношений, вокруг которой ведут дискуссию не одно поколение исследователей. Однако сегодня можно констатировать, что ни у теоретиков, ни у практиков международных отношений нет полной ясности относительно содержания данного понятия.

В науке о международных отношениях сложились два основных подхода к пониманию термина «мощь» — атрибутивный и поведенческий. Первый характерен для политического реализма. Реалисты стремятся представить силу государства как исчисляемую характеристику. Ганс Моргентау говорил о следующих критериях могущества государства: промышленный потенциал, природные ресурсы, геостратегическое положение, численность населения и т. д. Атрибутивный подход идентифицирует силу государства прежде всего как военную. Профессор Принстонского университета В. Кауфман писал: «Военная мощь всегда служила, наконец, основным показателем силы и престижа государства» [6, 242].

Поведенческий подход характерен для представителей школы взаимозависимости. По мнению А. Уолферса, помимо вещественных компонентов в силу государства включаются и такие, которые не поддаются точному измерению (например, национальный характер, боевой дух). Иными словами, составными элементами силы являются как материальные, так и человеческие и моральные ресурсы государства. Кроме того, представители школы взаимозависимости считают, что сводить понятие силы государства на международной арене только к военной мощи неправомерно. Они употребляют также такие понятия, как «экономическая мощь», «информационная мощь», «идеологическая мощь» и т. д.

В последнее время появилось немало материалов, раскрывающих сущность и содержание военной мощи. Так, С. А. Богданов отмечает, что под «военной мощью государства понимают совокупность материально-производственных возможностей экономики и всех духовных сил общества, его способности мобилизовать их и использовать для предотвращения войны, а если этого сделать не удастся, для отражения агрессии» [3, 13]. Близкое к этому определение можно найти у видного отечественного ученого В. А. Золотарева. Он считает, что военная мощь государства — это совокупность материальных и духовных сил страны и способность мобилизовать их для достижения целей войны, и складывается она из экономических, социальных, научно-технических, политических и собственно военных потенциалов (факторов) [5, 12]. Другой российский теоретик, В. В. Кириллов, трактовал понятие в сходном духе. Под военной мощью государства он понимал совокупность материальных и духовных сил государства, его потенциалов, военной организации, которые используются для обеспечения военной и национальной безопасности страны в целом [7, 5].

У всех этих определений есть нечто общее, а именно: военная мощь — это прежде всего совокупность материальных и духовных сил государства, необходимых для достижения военно-политических целей.

В некоторых источниках информации ставится знак равенства между военной и оборонной мощью, что, с нашей точки зрения, неверно. «Оборонная мощь» — это более широкое понятие, нежели «военная мощь», так как оборона государства осуществляется усилиями всей страны с учетом применения как военных, так и невоенных средств. В частности, в Федеральном законе «Об обороне» указывается, что под «обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке

к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [11].

Практическая реализация военной мощи приобретает форму военной силы. По мнению Г. Моргентау, «в международной политике военная сила... важный материальный фактор, обеспечивающий политическую мощь государства» [8, 85].

Обращаясь к отечественным интерпретациям понятия «военная сила», следует подчеркнуть, что, к примеру, «Большая российская энциклопедия» определяет военную силу как «совокупность вооруженных сил, других воинских формирований и органов государства, привлекаемых государством для обеспечения военной безопасности и достижения военно-политических целей» [4, 527].

Необходимо рассмотреть те основные функции, которые выполняет военная сила в мировой политике и международных отношениях. Постараемся определить наиболее общие функции военной силы во внешней политике государства. Во-первых, это защитная функция, т. е. главная функция силы — это национальная безопасность и оборона. Во-вторых, у военной силы есть свойства, которые можно было бы назвать стабилизирующими. Например, сдерживание иррациональных и авантюрных решений. По мнению Д. М. Проэктора, «важнейшая функция военной силы — содействие политике в предотвращении конфликтов и войн. Сдерживающее влияние военной силы все еще остается влиятельным элементом международных отношений, действие которого обнаруживает себя постоянным присутствием на политической сцене» [13, 44]. Военная сила выполняет и многие другие функции. Она используется для ведения войн различных масштабов и различной продолжительности. Как считают российские эксперты, «военная сила выступала на протяжении всей истории как орудие политики завоеваний, агрессии, гегемонизма, создания эффекта устрашения, давления» [2, 5]. Эта сила, говорили древние, является «последним доводом королей».

Рассуждения о том, как будет использоваться военная сила, всегда занимали видное место в литературе, посвященной вопросам международных отношений. Оценка военной силы как рычага принуждения тесно связана с вопросом о выборе форм ее реализации. В теории и практике внешней политики принято различать две основные формы: применение военной силы и ее «косвенное» использование.

Военная сила как средство достижения и реализации национальных интересов применяется в следующих случаях:

- 1) когда иные средства, кроме военной силы, отсутствуют или неэффективны;
- 2) когда имеются другие средства, но военная сила признается более продуктивной;
- 3) когда государство вынуждено отвечать адекватно на военный вызов другого государства;
- 4) когда стечение обстоятельств подталкивает государство к применению военной силы без риска получить ответный удар [9, 10–11].

Примером использования Вооруженных сил России для защиты своих внешнеполитических приоритетов является так называемая «пятидневная война»

на Кавказе. В ночь на 8 августа 2008 г. грузинские войска атаковали Южную Осетию. Россия, защищая жителей республики, многие из которых приняли гражданство РФ, ввела войска в Южную Осетию и после пяти дней боевых действий вытеснила грузинских военных из региона.

Использование военной силы по прямому назначению — война, т. е. «столкновение между двумя или большим количеством государств, осуществляемое посредством применения их вооруженных сил в целях... принуждения побежденного принять условия мира, желательные победителю» [12, 230]. Войне (в ее классическом понимании) присущи такие признаки, как: 1) формальный акт ее объявления; 2) разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами; 3) аннулирование двусторонних договоров, особенно политических [1, 29].

Большинство экспертов ставят под сомнение целесообразность прямого использования военной силы в качестве инструмента внешней политики государства. Согласно их точке зрения, наиболее рациональной линией поведения является не столько прямое обращение к силе, сколько устрашение с целью заставить противника поддаться давлению. На основе имеющейся практики можно дать следующее определение угрозе применения военной силы: это действия вооруженных сил какого-либо государства, имеющие задачу устрашения другого государства с целью предотвращения развязывания им войны, сдерживания неприятеля от принятия авантюрных решений и крайних шагов, недопущения каких-либо нежелательных для себя действий со стороны другого государства.

Одной из современных функций военной силы является демонстрация мощи. С точки зрения тех, кто использует данный инструмент, он тем эффективнее, чем больше оснований считать, что эта мощь может быть приведена в действие. Так, в начале августа 2007 г. два российских стратегических бомбардировщика Ту-95МС (по натовской классификации «Медведь») совершили полет к острову Гуам, на котором расположена крупнейшая в Тихом океане американская военная база. В сентябре 2008 г. два стратегических ракетносца дальней авиации ВВС России Ту-160 (Blackjack по классификации НАТО) «Александр Молодчий» и «Василий Сенько» прибыли в Венесуэлу, совершив 13-часовой беспосадочный перелет. Эти полеты демонстрируют возможности ВВС России наносить бомбовые удары на дальнем расстоянии. В целом с августа 2007 г. Россия возобновила прерванную после распада Союза ССР практику регулярных вылетов военной дальней авиации (ДА) в удаленные регионы. Патрулирование осуществляется в регионах активного судоходства и экономической деятельности России. Самолеты ДА ВВС России выполняют полеты по воздушному патрулированию в акватории над нейтральными водами Арктики, Атлантики и Тихого океана с дозаправкой в воздухе. Одной из основных задач дальней авиации России является поражение военных объектов противника на расстоянии нескольких тысяч километров от мест базирования, а также ведение оперативной и стратегической воздушной разведки.

Существуют также многообразные формы военно-политического давления путем размещения войск или флота в геополитически важных или кризисных регионах. Это военное присутствие.

Одной из самых распространенных форм военного присутствия следует считать базы на территориях других государств. Иностранные военные базы — заблаговременно подготовленные за пределами национальной территории районы с размещенными в них контингентами различных видов вооруженных сил и необходимыми для их боевой и повседневной деятельности запасами военной техники, боеприпасов и других материально-технических средств [14, 164]. Основными функциями военных баз являются:

- демонстрация стратегических интересов государства в том или ином регионе мира;
- обеспечение военной безопасности страны на ближних и дальних подступах к ее территории;
- сдерживание вероятного противника на наиболее опасных направлениях;
- ведение разведки и обеспечение эффективного управления силами, выполняющими задачи за пределами территории государства;
- выполнение миротворческих задач;
- временное использование возможностей иностранных военных объектов в интересах государства [10, 8].

Военные базы призваны воздействовать на политику тех государств, против которых они направлены, влиять на курс стран, на территории которых расположены. Так, на сегодняшний день Российская Федерация имеет несколько зарубежных военных баз: в Армении (г. Гюмри), Таджикистане (г. Душанбе), Киргизии (г. Кант), Абхазии и Южной Осетии. Задачи группировки российских войск в Армении заключаются в прикрытии южного фланга России и обеспечении защиты Армении как участника Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); 999-я авиабаза «Кант» предназначена для решения широкого спектра боевых задач в случае возникновения реальной внешней угрозы одному из государств Центральной Азии; 201-я российская военная база в Республике Таджикистан выполняет поставленные задачи по созданию условий для нейтрализации террористических и экстремистских вылазок в регионе. Основная задача 7-й (Абхазия) и 4-й (Южная Осетия) военных баз состоит в сдерживании возможных агрессивных устремлений против Абхазии и Южной Осетии и гарантировании защиты граждан России, которых в этих республиках проживает немало.

Другой формой военного присутствия является отправка воинских контингентов на территории и/или флотов в оперативно-важные районы Мирового океана. В качестве примера можно привести отставку нескольких отрядов кораблей Тихоокеанского флота в Аденский залив, где они в рамках международной операции принимали участие в проводке караванов торговых судов. Регион Африканского рога опасен из-за высокой активности сомалийских пиратов, которые регулярно захватывают суда и требуют за их освобождение выкуп.

Широкий набор средств свидетельствует, насколько многообразным стал метод косвенного военно-политического вмешательства.

Основой военной мощи любой страны является ее экономическая мощь. С нашей точки зрения, существует прямая зависимость силы и политического влияния государства от экономического могущества, поэтому военная сила всегда

выступала неким эквивалентом экономической мощи. В системе могущества государства экономическая мощь имеет особое значение: это не просто один из элементов, а фундамент для всех других его элементов, поскольку и политическое, и военное, и всякое другое проявление могущества требует экономического обеспечения. Поэтому военно-политическое руководство страны должно принимать более действенные меры для развития экономики и прежде всего передовых технологий с целью обеспечения необходимого уровня обороны, а также для сохранения и дальнейшего развития основного ядра оборонно-промышленного комплекса, своевременного и полного финансирования Вооруженных сил Российской Федерации, создания необходимых производственных мощностей промышленности по выпуску вооружения.

Таким образом, к военным средствам внешней политики государства принято относить армию, ее численность, качество вооружения и моральное состояние, а также наличие военных баз. Военная мощь является главным средством достижения внешнеполитических целей государства.

-
1. *Арцибасов И. Н., Егоров С. А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989.
  2. *Благоволин С., Прозктор Д.* Военная сила в масштабах истории // Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире. М., 1992.
  3. *Богданов С. А.* Экономическая составляющая военной безопасности // Военная мысль. 2004. № 12.
  4. Военная сила // Большая Российская Энциклопедия : в 30 т. М., 2006. Т. 5.
  5. *Золотарев В. А.* Военная безопасность Государства Российского. М., 2001.
  6. *Кауфман В.* Сила и международные отношения // Военная политика и национальная безопасность. М., 1958.
  7. *Кириллов В. В.* Военная мощь государства: сущность, структура, проблемы // Военная мысль. 2005. № 9.
  8. *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений : хрестоматия. М., 2002.
  9. Национальные интересы во внешней политике России (круглый стол) // Международная жизнь. 1996. № 3. С. 3–23.
  10. *Носов В. Н.* Военное присутствие как инструмент внешней политики России и США : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2010.
  11. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru> (дата обновления: 13.09.2011).
  12. *Оппенгейм А.* Международное право. М., 1949. Т. 2, полутом 1.
  13. *Прозктор Д. М.* Новый этап развития военной силы // Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире.
  14. Что есть что в мировой политике : слов.-справ. / Е. М. Примаков, А. И. Власов. М., 1987.

Рукопись поступила в редакцию 15 сентября 2011 г.

УДК 316.462 + 351/354 + 32.001

А. Г. Наронская

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Статья посвящена вопросам становления и развития правящей элиты России. По мнению автора статьи, за последние двадцать лет произошла эволюция правящей элиты в сторону традиционной российской государственности. Всестороннее изучение данной проблемы позволяет понять особенности и тенденции развития российского политического процесса.

Ключевые слова: правящая элита, государственное управление, транзит, трансформация, эволюция.

В последние годы в российской политической науке были сделаны серьезные шаги в разработке элитологического подхода. Внимание политологов к политическим элитам имеет под собой вполне рациональное обоснование и определяется их влиянием на российский политический процесс. Изучение деятельности правящей элиты позволяет не только понять современную общественно-политическую ситуацию, но и спрогнозировать развитие современного российского политического процесса. Особую актуальность данные исследования приобретают в преддверии избирательного цикла 2011–2012 гг.

Для того чтобы адекватно оценить тенденции и перспективы развития российской правящей элиты, необходимо разобраться в том, что же произошло с элитой за двадцать лет, прошедших после распада СССР. Необходимо отметить, что под правящей элитой мы понимаем высшую группу общества, обладающую властными ресурсами и принимающую важнейшие политические решения.

При рассмотрении становления и развития правящей элиты России российские элитологи используют такие понятия, как «революция», «транзит» и «трансформация».

На первый взгляд системный характер, глубина и радикальность преобразований институтов власти и собственности, беспрецедентные изменения состава и структуры политической элиты позволяют говорить о революционных изменениях правящей элиты России. Но, с другой стороны, данное утверждение вызывает целый ряд возражений. В России по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы массовые общественные движения не получили большого развития, поэтому главным актором преобразований на протяжении всего периода оставалась правящая элита. Что касается оппозиционной элиты («контрэлиты»), которая оформилась к концу 80-х гг., то ее представители не приобрели никаких реальных технологий власти и, конечно, не сменили представителей прежней элиты. Разрушив высшую политическую составляющую номенклатуры и определив приход к власти второго и третьего слоев номенклатуры, а также оформившейся в данный период экономической элиты, «контрэлита» быстро оказалась на обочине политической жизни. Что касается политических структур, которые сохранили свое место в российском

политическом процессе (КПРФ, ЛДПР), то они быстро превратились во внутрисистемные силы и стали надежным инструментом правящей элиты.

Оценивая революционность изменений данного периода, имеет смысл обратиться к проблеме, касающейся преемственности российской правящей элиты. В то время как в странах Центральной и Восточной Европы к власти пришли оппозиционные политические силы, в России именно представители советской номенклатуры стали главными участниками новых экономических и политических преобразований. Несмотря на очевидную дезинтеграцию, дезорганизацию некогда единой номенклатурной элиты, ее рассредоточение в пользу регионов, политическая и экономическая элиты остались связанными — общим происхождением, личными отношениями, персонально и институционально. Опорой российской государственной власти, системы правящей элиты (как на федеральном уровне, так и в регионах) постепенно стали мощные политико-финансовые группы. Эти группы — вышедшие на поверхность в конце 80-х гг. корпоративные структуры, существовавшие в рамках прежней номенклатуры, в чьих руках были сосредоточены власть и собственность. Проведенный многими отечественными исследователями (среди которых М. Афанасьев, О. Крыштановская, В. Охотский и др.) теоретический и эмпирический анализ показывает, что формирование элиты современной России было порождено процессами преобразования советской номенклатуры. Кадровая преемственность правящего слоя, которую подтверждают результаты многочисленных социологических исследований, позволяет исследователям сделать вывод о том, что у власти осталась лишь слегка подновленная номенклатура, в которой произошла смена поколений. Например, данные по социальному составу правящей элиты России и его динамике за 1989–1994 гг., собранные сектором изучения элиты Института социологии РАН, показывают, что почти 70 % представителей новой элиты России до этого входили в состав советской номенклатуры [6, 64]. Резюмируя полученные оценки, можно утверждать, что никаких революционных изменений в российской правящей элите не было.

Достаточно часто современный этап развития правящей элиты России обозначается такими терминами, как «транзит» и «трансформация». Но вызывает сомнение возможность применения данных понятий к российской элите, особенно если принимать во внимание аналогичные процессы в странах Центральной и Восточной Европы.

Под транзитом понимается прежде всего целенаправленное движение к демократическим механизмам формирования и функционирования политической элиты. Данный процесс предполагает наличие субъекта власти, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведет в избранном направлении. Следовательно, необходима легитимная правящая элита, которая опирается на обоснованную программу действий и пользуется широкой поддержкой граждан. Поэтому особую роль в процессе «демократического транзита» играют учредительные выборы. В Польше, Венгрии и Чехословакии в результате первых учредительных выборов, состоявшихся в 1989–1990 гг., к власти пришли оппозиционные силы. Таким образом, исход выборов определил смену как руководства, так и проводимой политики. Сле-

дующие выборы, проходившие на фоне массового недовольства новыми реформами, привели к власти социал-демократические партии, в состав которых входили в основном бывшие коммунистические лидеры среднего звена. Такая циркуляция показывает, что именно институт выборов стал играть решающую роль в процессе смены правящих элит [3, 6–15].

Другим важнейшим аспектом демократического транзита является «пакт элит», который основан на компромиссе элитных групп по поводу политических институтов, норм и правил политической деятельности. В данном случае «пакт элит» рассматривается как источник формирования политической конкуренции и наиболее эффективный путь к демократии. Конфликты внутри элиты, между ее различными сегментами сопровождаются значительными потерями и ослаблением каждой из сторон. В этой ситуации формирование «общества элит», т. е. консолидации элиты, становится наиболее рациональным решением [9].

В России не выполнялось ни одно из этих условий. Во-первых, крушение прежнего политического режима имело, по существу, форму «навязанного перехода» к демократическим институтам в результате кризиса советской правящей элиты и распада союзного государства. В этот период не было партии или общественного движения, чья программа пользовалась бы массовой общественной поддержкой граждан. Отсутствовали разделяемые активным большинством представления о желательном устройстве общества. Изменения в российской правящей элите лишь в ограниченной мере были связаны с проведением первых и относительно свободных выборов 1989–1991 гг. [2, 23]. Правящей элитой сразу были предприняты шаги по «закрытию» системы рекрутирования. В результате чего политические партии постепенно утратили функцию рекрутирования политической элиты. Данные процессы позволяют говорить о том, что сам процесс создания новой институциональной среды не обеспечил возможности вхождения в политическую элиту представителей различных групп общества, а помог сохранить значительные ресурсы власти представителям прежней правящей элиты.

Более того, представители правящей элиты быстро приспособивались к своим нуждам новые политические и экономические институты. Подобные процессы привели не к «пактам», а к «расколам» правящей элиты, к перманентным конфликтам между главными элементами элитной системы: администрацией президента, правительством, парламентом, региональными и бизнес-элитами. Эскалация напряженности между различными элитными группами как на федеральном, так и на региональном уровнях сопровождалась постоянными нарушениями декларативно заданных институциональных правил, которые в конце концов оказались просто «лишними». Наследие советского периода сформировало устойчивые предпосылки преобладания неформальных институтов формирования и функционирования правящей элиты. Деградация демократических институтов, отсутствие у правящей элиты стратегии развития страны привели к ослаблению государства, институционализации коррупции и тотальной криминализации российского общества. Подобные процессы не имеют ничего общего с демократическим транзитом.

В рамках трансформационного подхода конечные результаты развития правящей элиты не являются предрешенными. Процесс трансформации правящей элиты исключает характерный для транзита вектор движения в заранее заданном направлении. Вместе с тем, говоря о трансформации правящей элиты, мы так или иначе анализируем если не результаты, то сам процесс ее демократизации. Критериями демократизации могут служить изменения, которые: 1) повышают зависимость социального статуса от профессионально-квалификационного и культурного потенциала групп правящей элиты; 2) укрепляют институты гражданского общества; 3) интенсифицируют мобильность правящей элиты; 4) позволяют перекрывать криминальные и неформальные каналы формирования элитных групп [5, 447]. Но говорить о наличии подобных изменений в формировании и функционировании российской правящей элиты не приходится.

В действительности, на наш взгляд, имела место эволюция российской правящей элиты. Мы уже отмечали, что формирование новой российской политической элиты шло под контролем номенклатуры и при ее непосредственном участии. Значительная часть старой элиты осталась в органах государственного управления и власти, поэтому прежняя номенклатурная элита выиграла от падения коммунизма гораздо больше, чем значительная часть общества [10, 80]. Преимущество российской политической элиты не означает только включение представителей прежней элиты в новую правящую верхушку. Данный процесс сложнее и многограннее, поскольку прежние принципы, механизмы функционирования могут воспроизводиться представителями элиты, не имевшими номенклатурного происхождения. Сама логика власти заставляет представителей новой правящей элиты использовать прежние «правила игры». Характер эволюции правящей элиты зависит от избранной институциональной траектории. Развитие новых политических институтов требует значительных усилий и политической воли от представителей правящей элиты, которым, однако, намного проще использовать уже давно укоренившиеся институты.

В связи с изложенными выше оценками можно сделать вывод о том, что за последние годы произошла постепенная модификация традиционной российской государственности. Этот вывод подтверждают основные характеристики развития современной российской правящей элиты.

Первая касается бюрократизации правящей элиты. Построение четкой властной вертикали, основанной на принципах единоначалия, ограничение политического пространства, ликвидация альтернативных центров власти, деградация института выборов привели к монополизации власти со стороны правящей бюрократии. Закрытость и несменяемость правящей элиты, тотальная коррупция, социальное неравенство свидетельствуют об отсутствии реальных возможностей вертикальной мобильности для значительной части населения. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что значительная часть молодого и образованного населения России не хочет связывать свою дальнейшую жизнь с развитием страны. Например, по данным ВЦИОМ, за последние двадцать лет доля россиян, которые желали бы уехать за границу на ПМЖ, увеличилась с 5 до 21 %. Причем наибольший эмиграционный потенциал наблюдается у 18–24-летних (39 %), высокообразованных респондентов (29 %), а также

активных пользователей сети Интернет (33 %). Среди россиян, которые не имеют желания покидать страну, в первую очередь пожилые (93 %) и малообразованные (85 %) граждане, а также те, кто не пользуется Интернетом (87 %) [1]. Приведенные результаты актуализируют проблему нравственной деградации и маргинализации как представителей элиты, так и всего российского общества.

Второй ключевой характеристикой правящей элиты России является слияние власти и собственности. Появление новых демократических институтов не привело к отделению власти от собственности. Изменился только формальный способ распоряжения собственностью, в рамках которого представители бюрократических структур либо сами владеют экономическими ресурсами, либо контролируют собственников. Новой формой легального синкретизма собственности и власти стало создание государственных корпораций, таких, как Внешэкономбанк, Росатом, Ростехнологии, Роснано, Роснотех, Олимпстрой и др. Государственные корпорации представляют собой уникальную организационную форму. Они не являются ни акционерными, ни государственными унитарными предприятиями. Деятельность госкорпораций не регулирует Гражданский кодекс. Бюджетные деньги, которые используют государственные корпорации, неподконтрольны ни Счетной палате, ни Государственной думе, ни гражданскому обществу. Чиновники, которые работают в госкорпорациях, не являются государственными служащими, а значит, на них не распространяются никакие ограничения для госслужащих.

Еще в 2007 г. Экспертный совет при Комитете Совета Федераций по промышленной политике подверг практику учреждения госкорпораций критике. По мнению экспертов, деятельность госкорпораций свидетельствует о нарушении принципов административной реформы в части разделения экономических и политических функций. Во-первых, госкорпорации увеличивают монополизацию рынка, препятствуют предпринимательской активности и конкуренции на внутреннем рынке. Госкорпорации работают без всяких коммерческих рисков, так как все риски и убытки переносятся на государство, тем самым сдерживается развитие значительных секторов российской экономики. Во-вторых, руководство корпораций имеет широкие возможности конвертации государственных активов в частную собственность конкретных чиновников. На практике функционирование госкорпораций обеспечивается сложной структурой дочерних обществ и частных фирм, которыми легально владеют родственники чиновника (дети, родители, супруги и т. д.) [4]. Подобные схемы слияния власти и собственности в России приводят не только к использованию чиновниками государственных средств в личных целях, но и к формированию наследственной правящей элиты.

В июньском номере журнала «The New Times» («Нью Таймс») очень подробно рассматривается новое поколение российской правящей элиты [7]. Например, сын заместителя правительства РФ А. Жукова входит в наблюдательный совет банка «Унифин», ранее он работал во Внешпромбанке, совладельцем которого является младший брат бывшего министра здравоохранения М. Зурабова; старший сын заместителя председателя правительства РФ С. Иванова —

директор департамента госкорпорации «Внешэкономбанк», а младший сын — глава правления группы «Согаз»; сын вице-премьера Д. Козака работает инвестиционным менеджером отдела прямых инвестиций и специальных проектов ВТБ Капитал — дочерней структуры государственного банка ВТБ; сын бывшего губернатора Санкт-Петербурга и спикера Совета Федераций В. Матвиенко — генеральный директор ВТБ-Девелопмент, компании, которая занимается проектами в сфере недвижимости и входит в группу банка ВТБ; сын директора Федеральной службы охраны РФ Е. Мурова — генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Аэропорт Пулково»; сын директора ФСБ А. Бортникова — председатель правления ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад» и т. д. Более того, в современной правящей элите России достаточно популярны династические браки. Например, дочь министра промышленности и торговли В. Христенко была замужем за сыном бывшего главы Роснефти С. Богданчикова; дочь первого заместителя председателя Правительства РФ В. Зубкова замужем за министром обороны В. Сердюковым; дочь вице-премьера Правительства И. Сечина замужем за сыном бывшего Генпрокурора, впоследствии министра юстиции и полномочного представителя Президента в Южном округе В. Устинова [7].

Подобный синтез власти и собственности свидетельствует о том, что российская правящая элита представляет собой закрытую и замкнутую корпоративную структуру, которая функционирует по своим внутренним, установленным правилам. Важнейшими особенностями данной корпорации являются монополизация власти, а также слияние власти и собственности.

Вместе с тем сложность и глобальный характер современных процессов, необходимость экономической модернизации требуют усиления прежде всего интеллектуальной деятельности правящей элиты. По мнению Президента РФ Д. А. Медведева, инструментом политической и экономической модернизации должна стать система формирования инновационного элитного резерва на всех уровнях власти, а в перспективе — элиты, способной решать новые типы управленческих задач. Очевидно, что сегодня обозначился острый запрос на элиту патриотичную, гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям и чутко реагирующую на запросы общества [8, 95]. Однако траектория эволюции правящей элиты России за последние двадцать лет наглядно демонстрирует, что в своих основных, сущностных характеристиках система российской государственности не претерпевает значительных изменений.

---

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения : пресс-выпуск 1775 от 10.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111681>

2. Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации. Наброски теории // Понимание. 2001. № 1.

3. Голосов Г. В., Лихтенштейн А. В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Там же.

4. Доклад «Государственные корпорации в современной России» Экспертного совета при Комитете Совета Федерации РФ по промышленной политике. Февраль 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://prompolit.ru/files/289856/public_corporation.doc

5. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.
6. *Крыштановская О. В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. 1995. № 1.
7. *Лиманов А., Алякринская Н., Докучаев Д. и др.* Все лучшее — детям // The New Times. 2011. № 21 [Электронный ресурс]. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/40588>
8. *Понеделков А. В., Старостин А. М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее и будущее // Полис. 2008. № 6.
9. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.
10. *Шевцова Л. Ф.* Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. 1996. № 5.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

УДК 327(476) + 327(47/57) + 351.85

Р. С. Мухаметов

БЕЛОРУССИЯ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ

В статье излагаются основные внешнеполитические и экономические приоритеты России в отношении Белоруссии, рассматривается желание Москвы обеспечить надежный транзит своих энергоресурсов через территорию Республики Беларусь путем контроля ее ГТС. Анализируются основные принципы военного сотрудничества между Москвой и Минском. В работе затронут ряд проблем, возникших между двумя странами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия, Белоруссия, национальные интересы, постсоветское пространство.

Все более заметную роль в мировой политике и международных отношениях играет регион Восточной Европы. Здесь пересекаются интересы таких крупных держав, как Россия, США и Евросоюз. На определенное региональное лидерство претендует и Польша, которая имеет долгосрочные экономические и политические интересы. Украина и Белоруссия рассматриваются уже как восточноевропейские государства, постепенно становящиеся неотъемлемой частью европейских экономических организаций и структур безопасности.

В документах, посвященных международной деятельности современной России, подчеркивается, что сотрудничество с государствами — членами СНГ выступает приоритетным направлением внешней политики Москвы. И продиктовано это, как нам представляется, отнюдь не пресловутыми «имперскими амбициями», которые определенные силы за рубежом упорно пытаются приписать России, а насущной потребностью одного из крупнейших геополитических акторов на пространстве Евразии. Для Москвы постсоветское пространство не шахматная доска для разыгрывания геополитических партий. Национальные интересы страны в ближнем зарубежье имеют также отнюдь не эмоциональную

и не конъюнктурную окраску. Они основываются не на сиюминутных, прикладных или ведомственных задачах, а на постоянных приоритетах. Они объективны и обуславливаются географическими, экономическими, историческими, культурными и другими факторами.

Отношения России с Республикой Беларусь, которая занимает стратегически выгодное положение в Европе, приобрели особую важность как для формирования сферы ее интересов в Евразии, так и для закрепления ее роли на геополитическом пространстве Большой Европы, частью которой Москва себя считает.

Белоруссия занимает довольно выгодное экономико-географическое положение. Находясь между странами Евросоюза, Россией и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, Республика Беларусь является своего рода транспортным мостом в торгово-экономических отношениях между ними. Это имеет большое значение не только для самой республики, но и для других стран. Геополитические интересы России в отношениях с Республикой Беларусь определяются тем, что через ее территорию проходят кратчайшие транспортные магистрали, экспортные нефте- и газопроводы, линии электропередачи в страны — члены ЕС. Таким образом, Белоруссия как транзитное государство представляет интерес для России.

Через территорию республики в страны Западной Европы поставляется значительная часть российской нефти и газа. На сегодняшний день транзит российского газа в Европу через Белоруссию осуществляется по магистральному газопроводу «Ямал — Европа» (принадлежит ОАО «Газпром») и через газотранспортную систему ОАО «Белтрансгаз» (50 % акций принадлежат Газпрому). Транзит газа через Белоруссию составляет в среднем 50 млрд кубометров в год, в том числе по белорусскому участку газопровода «Ямал — Европа» 33 млрд кубометров в год [8]. Транзит нефти по территории Белоруссии осуществляется по трубопроводу «Дружба». Объемы транзита российской нефти через территорию республики стабилизировались на уровне 84–85 млн т в год: в 2001 г. — 85,2; в 2002 г. — 78,1; в 2003 и 2004 гг. — по 84,2; в 2006 г. — 78,8 [5].

Белоруссия продолжает оставаться для России серьезным транзитным фактором, обеспечивая 25 % транзита российских энергоносителей в страны Евросоюза, около 30 % автомобильного и железнодорожного транзита между ЕС и Россией [11]. Поэтому Россия заинтересована в надежности транспортных (железнодорожных, автомобильных, воздушных, трубопроводных) и иных коммуникаций со странами — членами ЕС.

Для России важно обеспечить бесперебойный транзит своих товаров через территорию Белоруссии. Имидж России как надежного поставщика энергоресурсов нужен государству не просто для того, чтобы произвести на остальной мир хорошее впечатление, хотя и это немаловажно. По мнению К. С. Гаджиева, имидж страны «представляет собой важнейший капитал, способствующий укреплению геополитического статуса государства на мировой арене, обеспечению его безопасности, защите и продвижению национальных интересов» [3, 6]. Наличие серьезных проблем с международным имиджем является для России

данностью. Об этом свидетельствуют результаты ежегодного опроса, проведенного по заказу Би-би-си международным центром изучения общественного мнения GlobeScan со штаб-квартирой в Торонто и Программой по изучению отношения к международной политике (PIPA) университета штата Мэриленд. Исследование проводилось с 21 ноября 2008 по 1 февраля 2009 г. путем телефонного опроса 13 575 респондентов в 21 стране. Число тех, кто считает, что Россия играет в мире отрицательную роль, составляет 42 %. Лишь 30 % считают иначе. Россия находится, согласно данным этого опроса, на пятом месте. Ее опережают лишь Иран (55 % опрошенных считают, что ИРИ играет в мире отрицательную роль, и 17 % — положительную), Пакистан (53 и 21 % соответственно), Израиль (51 и 21 % соответственно) и Северную Корею (48 и 20 % соответственно). Хуже всего к России относятся жители Германии — 70 % опрошенных респондентов, Франции — 66 %, США — 64 %, Турции — 64 %, Великобритании — 55 %, Испании — 55 % и Канады — 54 % [7].

К сожалению, были случаи, когда международная репутация России страдала из-за перебоев в транзите нефти (2007, 2009/2010) и газа (2004, 2006) через территорию Республики Беларусь. Энергетические войны подорвали репутацию России как постоянного и стабильного поставщика энергоносителей, даже несмотря на то, что А. Лукашенко, которого на Западе называют «последним диктатором Европы», запрещен въезд в США и Евросоюз на основании обвинений в авторитарном правлении и репрессиях по отношению к политическим диссидентам.

Прекращение поставок углеводородов в Белоруссию и другие соседние государства расценивается Западом как использование энергетического оружия в политических целях. Критики Москвы утверждают, что Россия контролирует поставки энергии для ограничения экономической и политической самостоятельности своих соседей. Кроме того, регулярные энергетические войны Москвы с Киевом и Минском подтолкнули Евросоюз к поиску альтернативных поставщиков «голубого топлива» (достаточно вспомнить хотя бы проект строительства газопровода «Набукко»).

Российско-белорусские газовые и нефтяные войны продемонстрировали зависимость поставщика (России) и потребителей (западноевропейских партнеров) энергоресурсов от страны-транзитера (Белоруссии).

В последние годы российской стороной целенаправленно реализуются планы диверсификации экспортных поставок нефти, наращиваются мощности трубопроводного транспорта в направлениях, исключающих транспортировку нефти и газа по территориям сопредельных государств. Основными реализуемыми российской стороной проектами по диверсификации направлений экспорта являются Nord Stream, South Stream и Балтийская трубопроводная система-2 (БТС-2).

«Северный поток» (или Североевропейский газопровод) пройдет по дну Балтийского моря из российского Выборга в германский Грайфсвальд. Планируемая мощность газопровода составит 55 млрд кубометров природного газа в год. «Южный поток» пройдет по дну Черного моря из Новороссийска в болгарский порт Варну, а затем разделится на две ветви — через Сербию и Венгрию

пойдет в Австрию и через Грецию — на юг Италии. Планируемая мощность газопровода — 30 млрд кубометров природного газа в год.

С целью снижения зависимости России от Республики Беларусь как транзитной территории, а также повышения мощности сети экспортных нефтепроводов Москва начала строительство системы нефтепроводов, которая позволит связать нефтепровод «Дружба» с российскими морскими портами на Балтийском море. Данный проект получил название «Балтийская трубопроводная система-2». БТС-2 призван транспортировать нефть, минуя белорусскую территорию, на побережье Финского залива к терминалам российского порта Приморск. Мощность первой очереди трубопровода — 35 млн т нефти в год с возможностью строительства в будущем второй очереди мощностью 15 млн т нефти в год.

Основная цель данных проектов заключается в обеспечении прямых коммуникаций между продавцом (Россией) и покупателями (государствами — членами ЕС), минуя посредника (Республику Беларусь). Осуществление этих проектов позволит Москве увеличить возможности экспортных поставок по своей территории, что приведет к уменьшению объемов транзита по сопредельным странам.

Реализация названных выше проектов будет иметь очень серьезные геополитические и геоэкономические последствия для самой республики. Во-первых, резко снижается транзитная значимость Республики Беларусь для экспорта российских энергоресурсов в Европу. Во-вторых, серьезно снижаются переговорные позиции официального Минска относительно цены на газ для республики и объемов закупаемой нефти для реэкспорта нефти и нефтепродуктов. В-третьих, после ввода в строй «Северного потока» и БТС-2 для российского руководства снизится и политическая значимость необходимости поддержания ровных, не говоря уже о партнерских, отношений с нынешним руководством Белоруссии. В-четвертых, окончание строительства «Северного потока» и БТС-2 позволит России при желании окончательно покончить с субсидированием белорусской экономики, что может вызвать резкую деиндустриализацию республики и развал того сборочного цеха, которым республика стала во времена Советского Союза [1].

Россия заинтересована в доступе к системообразующим активам государственного сектора республики, в праве «первой руки» при приватизации белорусских предприятий. По мнению И. Иванова, «российская дипломатия решает на пространстве СНГ еще и ряд специфических задач. Важнейшая из них — содействие российским предприятиям в успешном участии в процессах приватизации и акционирования в странах СНГ» [4, 33]. Речь идет прежде всего о таких компаниях энергетической, машиностроительной и нефтехимической промышленности Республики Беларусь, как «Гродно Азот», «Нафтан», «Белтрансгаз», Мозырский нефтеперерабатывающий завод, местный МТС, МАЗ, «Беларуськалий», а также «Интеграл». Другими словами, российские интересы выражаются в притязаниях на те или иные стратегические активы. В частности, Россия рассматривает возможность приобретения контрольного пакета акций Белтрансгаза. Газпром в течение 2007–2010 гг. выкупил 50 % акций

вышеназванного предприятия за \$2,5 млрд. Получая полный контроль над компанией, Москва лишает Минск возможности контролировать транзит.

Что касается возможностей для деятельности российского бизнеса в Белоруссии, то об этом пока приходится говорить только в негативном плане, поскольку он подвергается весьма ощутимым ограничениям. Для оправдания приверженности проводимому курсу в экономике и в целях сохранения существующей хозяйственной модели в отношении российских инвесторов в республике идет ожесточенная пропагандистская война. В белорусских СМИ, в выступлениях высших руководителей республики неуклонно развивается тезис о недопустимости продажи государственных предприятий бизнесменам с Востока, об опасности поглощения хозяйственного комплекса российским капиталом [9].

Имеющиеся между Москвой и Минском противоречия в экономической сфере остаются существенными, их разрешение потребует значительных усилий с обеих сторон.

Во время грузино-югоосетинского конфликта белорусское руководство только на словах поддержало действия России на Южном Кавказе. После августовской войны 2008 г. Москва сосредоточила усилия на процессе дипломатического признания этих образований в качестве суверенных государств. Александр Лукашенко обещал признать независимость Абхазии и Южной Осетии, но на деле Минск уклонялся от этого шага, ссылаясь на чрезвычайную сложность вопроса и необходимость его всестороннего изучения. Сначала Лукашенко заявлял, что решение о признании независимости новых республик должен принять белорусский парламент. В нем даже была сформирована специальная комиссия для изучения вопроса о признании республик, члены которой в 2009 г. посетили Абхазию и Южную Осетию, сбалансировав этот визит поездкой в Грузию. Однако четких рекомендаций комиссия так и не дала. На деле же соседнее государство, с которым у России союзнические отношения, уклонилось от характеристики конфликта, не дало правовую и политическую оценку действиям Грузии, не поддержало своими действиями Россию на международной арене. На сегодняшний день независимость Абхазии и Южной Осетии помимо России признали три страны — Никарагуа, Венесуэла и Республика Науру [10].

Несмотря на существующие между Москвой и Минском экономические и дипломатические проблемы (противоречия с поставками в Белоруссию российских углеводородов, нежелание Минска признать независимость Абхазии и Южной Осетии, нежелание передать Кремлю реальный контроль над Белтрансгазом, трудности в продвижении российского капитала в белорусские активы), Россия и Белоруссия продолжают военное строительство, связанное с совместным обеспечением военной безопасности двух стран.

Основа военно-политической привлекательности Белоруссии для России кроется в географическом положении страны и расположенных здесь российских военных объектах. Их два. В поселке Ганцевичи, в 48 км от Барановичей, находится радиолокационная станция (РЛС). Объект входит в состав Системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и замыкается на так

называемый «ядерный чемоданчик» президента России. Станция поставлена на боевое дежурство в 2003 г. и позволяет осуществлять обнаружение баллистических ракет, космических объектов и контроль над районами патрулирования подлодок стран НАТО в Северной Атлантике и Норвежском море.

Еще одним российским военным объектом на территории Беларуси является зональный пункт связи Военно-морского флота России «Вилейка», который расположен в 10 км от одноименного райцентра Минской области. Он открыт в начале 1964 г.; 43-й узел связи в Вилейке — радиостанция, обеспечивающая связь со стратегическими атомными подводными лодками, находящимися в Центральной и Северной Атлантике [2].

Кроме того, западное направление воздушных границ России — зона ответственности объединенной российско-белорусской системы ПВО. Соглашение о создании Единой региональной системы противовоздушной обороны (ЕРС ПВО) двух государств было заключено в Москве 3 февраля 2009 г. Основными задачами ЕРС ПВО являются разведка, охрана и защита внешней границы союзного государства в воздушном пространстве. Она должна принуждать воздушные суда, выполняющие полеты с нарушениями, пресекать такие полеты, а также должна прикрывать зенитными ракетами наиболее важные объекты в регионе.

В российской военной стратегии Белоруссия играет двоякую роль: она является буфером, отделяющим страны Североатлантического альянса от границ России, а кроме того — важным плацдармом на карте Европы.

Таким образом, для России Республика Беларусь представляет интерес как страна, способная оказать помощь в обеспечении неприкосновенности западных границ и в гарантировании обороноспособности России на западном направлении.

Тесное взаимодействие России и Белоруссии в области обороны позволяет обеспечивать стратегические интересы России на западном направлении. В результате интеграции с Белоруссией Россия получит ряд неоспоримых геополитических выгод:

- непосредственный выход к границам Центрально-Европейского региона;
- устранение потенциальной угрозы создания так называемого Балтийско-Черноморского пояса изоляции России;
- увеличение военных возможностей государства в области обычных вооружений за счет интеграции с белорусской армией;
- вывод Калининградского района из военно-стратегической изоляции;
- оптимизацию стратегического положения России на западном направлении, улучшение ситуации вокруг Калининградской области;
- получение пространства для маневра в рамках Договора об ограничении вооруженных сил в Европе [6];
- возможность непосредственного выхода к границе с Польшей и нейтрализации элементов стратегической ПРО США оперативно-тактическими методами.

Взаимодействие России и Белоруссии в военной и военно-технической сферах является одним из наиболее продвинутых направлений стратегическо-

го партнерства двух стран. Совместная оборона особенно важна Москве и Минску в связи с развертыванием США элементов своей ПРО в Чехии и Польше. Соединенные Штаты объясняют необходимость размещения радарной станции в Чехии и десяти ракет-перехватчиков в Польше возможной угрозой со стороны Ирана. Однако Москва подозревает, что третий позиционный район американской ПРО может быть использован против России. Таким образом, одной из причин активной военной интеграции двух стран являются угрозы со стороны стран — членов НАТО; путем совместной политики в области обороны Москва и Минск хотят противостоять альянсу.

Подводя итог, необходимо заметить, что Белоруссия важна для России как страна, имеющая существенное стратегическое значение на ее западной границе, и как страна, имеющая с ней тесные культурно-исторические связи. С геополитической точки зрения Минск — важный союзник Москвы, и в российских интересах сохранить его в этом качестве. Однако Россия не рассматривает Белоруссию в качестве приоритета первого уровня, особые отношения с которой нужно поддерживать большими дотациями и субсидированием ее экономики.

---

1. *Баранчик Ю.* Геополитическое и геоэкономическое значение «Северного потока» для Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imperiya.by> (дата обращения: 20.07.2011).

2. Военные базы РФ за границей: Справка от 15.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gian.ru> (дата обращения: 20.07.2011).

3. *Гаджиев К. С.* Имидж как инструмент культурной гегемонии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2007. № 12.

4. *Иванов И. Д.* Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. М., 2001.

5. Комплексная программа обеспечения эффективного использования транзитных возможностей Республики Беларусь на 2006–2010 гг. от 28.06.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org> (дата обращения: 2.08.2011).

6. О российско-белорусской интеграции : тез. Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svor.ru> (дата обращения: 1.06.2011).

7. Россия упала в глазах других стран [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk> (дата обращения: 1.06.2011).

8. Структура транзита российского газа через территорию Белоруссии. Справка от 21.06.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gian.ru> (дата обращения: 20.07.2011).

9. *Суздальцев А.* Во имя чего? Ч. 3. Нужна ли России Беларусь? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politoboz.com> (дата обращения: 20.07.2011).

10. *Суздальцев А.* Как это было... (Хроника предательства) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politoboz.com> (дата обращения: 20.07.2011).

11. *Суздальцев А.* Проблема российско-белорусской экономической интеграции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politoboz.com> (дата обращения: 20.07.2011).

Рукопись поступила в редакцию 14 сентября 2011 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 001.4(031) + 101.1(031)

М. М. Шитиков

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ИЗ ПРОВИНЦИИ ИЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ?

В издательстве Нижневартковского государственного гуманитарного университета вышел в свет энциклопедический словарь по истории и философии науки [1].

За последние пять лет после введения кандидатского экзамена по истории и философии науки потребность в такого рода словарях и энциклопедиях резко возросла. Социальный заказ исходит теперь от многочисленной аудитории аспирантов и соискателей, от преподавателей, оказывающих им помощь в подготовке к экзамену посредством чтения лекционных курсов и проведения семинарских занятий, от экзаменаторов, от широкой научной и философской общественности. Поэтому ежегодно издаются и переиздаются — в центре и в отдельных регионах России — словари и энциклопедии по столь востребованной тематике. Один из лучших примеров — энциклопедия по философии науки С. А. Лебедева [2], своеобразная авторская монография в жанре энциклопедии, вариант, к сожалению, сравнительно редкий, хотя и обладающий огромными преимуществами перед обычными энциклопедическими словарями (цельность, четко обозначенная мировоззренческая установка, минимум внутренних противоречий)¹. Он послужит нам своеобразной моделью для сравнения.

Но рынок, безусловно, еще далеко не насыщен. В каждом регионе, в каждом крупном центре подготовки аспирантов, помимо позиций отдельных преподавателей, читающих собственные лекционные курсы, складывается общая установка мировоззренческого и методологического характера, которой в ос-

---

¹ Общеизвестный пример — «Философский словарь» Н. Аббаньяно.

новном придерживаются и лекторы, и экзаменаторы, с которой проходится считаться экзаменуемым. Представляемый энциклопедический словарь выражает установку, в целом укладывающуюся в рамки так называемой уральской философской школы, сформировавшейся в 60–80-е гг. прошлого столетия на базе философского факультета Уральского госуниверситета. Не случайно с этим факультетом связаны биографии почти всех авторов, философов по своей специальности (непосредственно представляют *alma mater* Б. В. Емельянов и А. С. Гагарин). Думается, что именно это обстоятельство придает коллективному труду относительную цельность и единство, хотя следует учитывать внутреннюю эволюцию большинства «уральских философов», в особенности младшего поколения, за последние 20 лет в сторону философского плюрализма («постмодернизма» в широком смысле слова, чаще всего своеобразного «постмарксизма»).

Рецензируемый словарь обладает рядом серьезных преимуществ, в том числе и по сравнению с лебедевской энциклопедией. Чрезвычайно ценным для читателя является наличие в нем двух с половиной сотен статей по персоналиям. Правда, составители столкнулись с серьезными трудностями как в подборе имен, так и в содержательных характеристиках многих мыслителей, на чем мы в дальнейшем специально остановимся. Однако в целом данная группа статей, несомненно, украсила словарь и выгодно отличает его от очень многих близких по профилю изданий.

Второе важное достижение составителей — широкое освещение проблематики истории и философии социально-гуманитарных наук, в первую очередь социально-политического и культурологического профиля. Таких статей (как теоретического характера, так и о персоналиях), по сравнению с лебедевской энциклопедией, добавлено не менее семидесяти. Надо ли разъяснять, насколько расширяется и углубляется освещение истории и философии науки по сравнению с изданиями, фактически сводящими науку к естествознанию?

Третий существенно новый момент — освещение проблем компьютерной техники и информатики. Статей по этому профилю в издании сравнительно немного, однако в качестве одного из приложений помещен обширный словарь терминов, принятых в радиоэлектронной технике и информатике (с. 327–337).

Исполнение громадного большинства статей не вызывает серьезных претензий: уровень в целом высокий. Конечно, встречаются отдельные спорные утверждения (например, на с. 150 утверждается, что философия культуры входит в структуру культурологии: философия оказывается элементом науки), но их удельный вес крайне мал. Не вызывает нареканий библиография к статьям, охватывающая, как правило, работы вплоть до даты публикации. Весьма уместно приложение «Термины и выражения, употребляемые для перевода на русский язык» (всего четыре опечатки). Таким образом, и с содержательной, и с формальной точек зрения словарь находится на уровне российских стандартов и даже по ряду параметров превосходит однотипные публикации.

И все же внимательное ознакомление с энциклопедическим словарем выявляет в нем определенные пробелы. В авторском коллективе, видимо, не оказалось специалистов по философским проблемам ряда важнейших отраслей

науки и соответственно по их истории. Нет обобщающих статей по математике, химии, биологии, геологии, экологии, медицине, экономике, правоведению, техническим наукам. По большинству этих наук очень мало и терминологических статей, и статей по персоналиям, особенно по сравнению со статьями по физике, социологии, политологии, культурологии. Впрочем, почти так же мало статей по философским и историческим проблемам исторической науки, семиотики, синергетики. Видимо, не случайно из частнонаучных картин мира в словаре представлена лишь географическая. В итоге можно констатировать определенную диспропорцию между освещением общих проблем философии и истории науки, которое отвечает общепринятым стандартам, и освещением исторических и философских проблем ряда важнейших наук, перечисленных выше, что объясняется, скорее всего, профилем преподавания в Нижневарттовском гуманитарном университете. Но если данное издание предполагается распространять за пределами родного вуза, необходимо учитывать потребности аспирантов всех основных специальностей, пусть и не в полной мере.

Особо следует остановиться на статьях по персоналиям. Среди них примерно половина посвящена философам, половина — ученым. Однако в первом случае в громадном большинстве речь идет о философских учениях анализируемых мыслителей, но не об их вкладе в становление и развитие философии науки. Например, в статье об Аристотеле о философии науки — четыре строчки, нет ничего о термине «эпистеме», о различии первой философии и отдельных наук по предмету. Даже в статье о Канте не рассмотрено, что он понимает под наукой, чем она отличается от метафизики. Ничего нет о взглядах Маркса на науку. Ничего не говорится о понимании Фрейдом науки и ее укорененности в психике. В статье об Ортеге-и-Гассете ни слова о его философии научного познания, философии истории науки. Таким образом, в группе статей о персоналиях представлена в основном история философии вместо истории философии науки.

Во второй группе статей — о персоналиях деятелей науки, напротив, как правило, почти отсутствует анализ их отношения к философии, к философским проблемам собственной науки, к последствиям их открытий для существующей картины мира. Таким образом, в этой группе статей представлена история науки без анализа философских ее оснований и значимости вклада ученых для развития философии.

Если говорить о том, насколько полно представлены в словаре важнейшие представители философии науки, то, конечно, всегда можно найти какие-то пропуски (например, Фр. Brentano, вместо которого в словарь вошел К. Brentano — романтик, особого отношения к философии науки, в отличие, скажем, от Шлейермахера или Фр. Шлегеля, не имевший), но в целом к списку особых претензий нет. Можно лишь, в качестве курьеза (упущение редактора), упомянуть два раза напечатанную словарную статью о Гёделе (Геделе).

Иначе обстоит дело со статьями о деятелях науки. Здесь упущен ряд ключевых фигур — например, Гиппократ, Евклид, Лавуазье, Линней, Кювье, Ламарк, Дарвин (!), Кантор, Хокинг и многие другие. Собственно говоря, как уже

отмечалось, почти все внимание составителей сосредоточено на физиках, социологах, политологах и культурологах.

Коснемся еще одного частного аспекта. В раздел персоналий включены 14 статей о членах авторского коллектива. Тем самым они зачислены в ранг философов и историков науки, даже если в списках опубликованных ими трудов такие сочинения отсутствуют и все их участие в этом процессе сводится к написанным в словарь статьям (для С. И. Горлова не соблюдено даже это условие). Обычно принято, как это сделано и в настоящем словаре, помещать краткие сведения об авторах (с. 338–341) и этим ограничиваться. Теперь же получается, что Гайденко, Розов, Ойзерман, Лойфман и десятки, если не сотни, москвичей, петербуржцев и т. п. не причислены к тому же рангу, что и составители. Вероятно, инициатива исходила не от самих авторов и вина за подобный провинциальный «патриотизм» лежит не на них.

И все-таки указанные недостатки не могут изменить общего положительного впечатления и перевесить отмеченные нами преимущества, скорее речь идет о ложке дегтя в бочке меда. Как уже отмечалось, общий научный уровень издания высок, впечатляет культура его подготовки и оформления. Нет сомнения, что энциклопедический словарь найдет читателя не только в регионе, но будет востребован и за его пределами.

-
1. История и философия науки : энцикл. слов. Нижневартговск, 2010.
  2. Лебедев С. А. Философия науки : краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008.

Рукопись поступила в редакцию 16 июня 2011 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АМЕЛЬЧЕНКО Светлана Николаевна — доцент кафедры культурологии и зарубежной литературы филологического факультета Магнитогорского государственного университета, кандидат философских наук. E-mail: sveta-amelchenko@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Уральского федерального университета. E-mail: sergvass2009@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии философского факультета Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: philosophy7@mail.ru

КЕРИМОВ Александр Алиевич — доцент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

КЕРИМОВ Тандыг Хафизович — профессор кафедры социальной философии философского факультета Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: kerimovt@mail.ru

КОЛОМИЕЦ Глеб Геннадиевич — аспирант кафедры философии Смоленского государственного университета. E-mail: ardor@list.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна — заведующая кафедрой теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета, профессор, доктор политических наук. E-mail: Komleva1@yandex.ru

ЛУКЪЯНЕЦ Михаил Андреевич — аспирант кафедры финансового менеджмента и права экономического факультета Уральского федерального университета. E-mail: Lukas8768@mail.ru

ЛЯШЕНКО Дмитрий Николаевич — аспирант кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета. E-mail: sepulka@meta.ua

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

НАРОНСКАЯ Анна Гегамовна — доцент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: naronsk.an@mail.ru

НИКИТИН Сергей Александрович — доцент кафедры социальной философии философского факультета Уральского государственного университета, кандидат философских наук. В 1985 г. окончил философский факультет Уральского государственного университета, учился в аспирантуре философского факультета МГУ. Кандидатскую диссертацию на тему «Критический анализ американского деконструктивизма» защитил в 1994 г. В его переводе на русском языке вышли книги Х. Блума, П. де Мана, К. Пальи. Автор около 40 статей по проблемам социальной феноменологии, методологии обществознания, социальной риторики. В настоящее время работает над докторской диссертацией на тему «Риторический характер контекстов социального конструирования». E-mail: Nikitin62@yandex.ru

ПЕТРОВ Олег Алексеевич — заместитель генерального директора — директор по художественной политике Свердловского государственного академического театра драмы, кандидат искусствоведения. E-mail: petrov.47@mail.ru

ПУРГИН Сергей Петрович — доцент кафедры истории философии и философии образования философского факультета Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: s_purgin@list.ru

РУСАКОВА Ольга Фредовна — заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, профессор кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета, доктор политических наук. Создатель и руководитель уральской школы дискурсологии, президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ), член Российской ассоциации политической науки (РАПН). Сфера научных интересов — современная политическая философия, дискурсология, теория PR-коммуникаций и медиадискурса. Является автором 235 научных и учебно-методических публикаций. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

ТОЛПЕГИН Александр Всеволодович — доцент кафедры общей экономической теории Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: tolpegin1960@mail.ru

ЧИРКИН Владимир Валентинович — командующий войсками Центрального военного округа (штаб ЦВО), соискатель кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии Уральского федерального университета. E-mail: Chirkin_vlad@mail.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Дмитриевич — доцент кафедры финансов факультета экономики и финансов Нижегородского института менеджмента и бизнеса, кандидат физико-математических наук. E-mail: tutornn09@rambler.ru

ШИТИКОВ Михаил Михайлович — профессор кафедры философии Уральского государственного горного университета, доктор философских наук. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

SUMMARY

THEORY OF COGNITION AND LOGIC

Lyashenko D. N. Semantics and structural ontology 5

The system-structural approach to analysis of problems of semantics is used in the article. Concepts of intension and extension are differentiated by virtue of structural foundations. The existing tradition of understanding of reference is reconsidered. The ontology of entities of Aristotle is reinterpreted as a semantic conception consistent with the principles of structural ontology.

Key words: intension, extension, structural ontology.

SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Nikitin S. A. The division of labor and the distribution of knowledge 17

The article appears to be the comparison between the two classical theories of the division of labor, those offered by A. Smith and by A. Ferguson. The subject matter of the article is the dependence of the spontaneous social order on the volume of knowledge which every social agent has at his disposal. The main argument of the article is that the image of the spontaneous order has to be indefinite because this image reflects the complex network of the interests and the passions. The author concludes that the spontaneous order is arranged to be something like the language.

Key words: division of labor, distribution of knowledge, life style, passion, interest, «invisible hand», spontaneous order.

PHILOSOPHY OF POLICY AND POLITICAL SCIENCE

Vassiliev S. V. Political Discourse of the US Foreign Policy 30

The article deals with a trend of the modern geopolitical studies that includes the role and application of discourse and its approaches such as analytical discourse, discourse of political manipulation, discourse of regional identity, as well. Based on the analyses of remarks by the US Presidents and the annual «State of the Union Address», in particular, the author suggests that these remarks may be considered as the geopolitical acts. Moreover, the researcher formulates a definition of the geopolitical code and believes that these geopolitical acts will facilitate to analyze the vectors of the US geopolitical interests, determine main tendencies and imperatives of the American Foreign Policy at present and in the future.

Key words: discourse Analyses, geopolitical code, paradigms of main trends of the US foreign policy, the geographical «Mental Maps» of American foreign policy makers, independent geopolitical actors.

PHILOSOPHY OF ECONOMICS AND ECONOMIC SCIENCE

Chernyavsky A. D. Rationality before the economic theory 38

Work examines the special features of deterministic approach to the development of concept «rationality» before the economic theory. Are shown problematic moments before the determinations «of rationality used». Is examined the possible interrelation «of rationality» before the economic theory with psychology and sociology. Based on the position of further practical development of this concept is expedient compromise approach before the position of the branches of science with respect to the concept «of rationality enumerated above» since by object and after subject before them appears man.

Key words: rationality, irrationality, economic theory, «homo economicus», the neoclassicist.

Tolpegin A. V. Definition and classification of the economic system in a historical perspect 48

A major categorial ambiguity of modern national studies on economic issues leads to the mass of absurdities and frequent misunderstandings of our authors in both theoretical aspects and in terms of development of practical solutions. The article proposes a novel approach to understanding the «economic systems» in order to remove the specified uncertainty at least with respect to the very object of study of economic theory. Our literature so far has not, in our opinion, special works on the subject. The proposed article would be a start in this business.

Key words: economic system, system property, benefit, classification, power economics, transfer economy, monetary economics, institutional economics.

Lukyanets M. A. The theory of innovations a basic innovation in science development and a basis for construction of economy of a modern society 57

This article gives the chance to reveal the essence of the innovation concept, to generate understanding of innovative economy, from the moment it becomes really possible, namely the formation of the theory of innovations and to present the perspective, having real preconditions, according to the author, epochal innovations, on the basis of which the economy of modern society will be developing.

Key words: basic science, postindustrial society, innovation, basic innovations, innovation economy, innovation development, conjuncture cycles, technological way, epoch-making innovation, sustaining innovation, integrated sociocultural system, noosphere, multipolar world order.

AESTHETICS AND CULTUROLOGY

Amelchenko S. N. Epistemological analysis of modifications of «essential» and «tribute» in cultural genesis 64

Categories of «essential» and «tribute» are traditionally used as part of ethical reflection, which greatly narrows their contents and blocks their use in the epistemological analysis of cultural genesis. Meanwhile, the etymological reconstruction of these universals and demonstration of dissimilar configurations in their interactions during the formation of different types of cultures can identify additional opportunities in its philosophical knowledge.

Key words: culture, essential, tribute, etymological reconstruction, structural analysis, typology, the code.

Petrov O. A., Purgin S. P. Defining the classic in the arts 78

The article discusses philosophical and aesthetic foundations of classics in art. Classics is considered in connection with the nature of being human and a certain striving to affirm this nature. The latter is based on a specific type of relation «man (human body) – world». Regarding the commonly known concept of historical classics as an embodiment of the antique ideal of the unity of form and content, the authors argue that the antique concept of man as a continuity of physical and spiritual structure allows us to define classics as an ever returning movement of culture. The analysis of the way Nietzsche interpretes the heritage of antiquity demonstrates that classics is the equilibrium of the interdetermination of the body and world. The body is the measure of the world. The kinds of

art which can be pointed out on the basis of this assumption can be described as centripetal (classical) and centrifugal (non-classical).

Key words: classic, neoclassicism, neoclassical, body and spirit, antique aesthetic ideal, Nietzsche's philosophy of art, human nature, the world as a phenomenon, centripetal and centrifugal tendencies.

HISTORY OF PHILOSOPHY

- Emeljanov B. V.* The epoch in the annals of human mind: in commemoration of the 300th anniversary of M. V. Lomonosov 90

The article is devoted to the M. Lomonosov's contribution into the development of science and its actualization in XIX–XXI centuries.

Key words: Lomonosov, physical chemistry, mineralogy, Arctic Ocean, population.

- Kolomiets G. G.* Special features of models of ontological, informational and emotional structures of unconsciousness in Deleuze's and Guattari's materialistic psychiatry 97

Materialistic psychiatry (schizoanalysis), the method of philosophical analysis of unconsciousness process of the individual and collective psychology, developed by G. Deleuze and F. Guattari, is investigated within the problematic field of social philosophy or philosophical anthropology. The article gives explicit description of models of ontological, informational and emotional structures of unconsciousness in materialistic psychiatry formulated with a glance on questions of philosophy of consciousness as well as the special features of described models in comparison with philosophical conceptions close to psychoanalysis.

Key words: Gilles Deleuze, Felix Guattari, materialistic psychiatry, schizoanalysis, structure of unconsciousness.

- Kerimov T. Kh.* Alternative conceptions of philosophy in the contemporary world 106

The aim of the article is to emphasize the most significant conceptions in philosophy: metaphysical, scientific and anthropological, and to define the theoretical motives, which change these conceptions, its character and methodology. The need for the new, differential ontology – heterology, which would radically transform the very nature of philosophy, is asserted in this article.

Key words: Philosophy, metaphysics, philosophy of science, anthropology, heterology.

CATHEDRAL RESEARCHES

- Komleva N. A.* The World Dominance: It's Essence & Structure under Modern Circumstances 117

The article deals with phenomenon of the world dominance & it's structure under modern circumstances.

Key words: World dominance, world dominance structure, institutes, resources, technologies.

- Rusakova O. Fr.* The cratologic model of seduction discourse 135

The article considers the theoretical sources of cratologic models of seduction discourse – theories of discourse by M. Foucault and J. Butler. The special attention is paid to the analysis of the strategy of seduction, that was described by J. Baudrillard and J. Lipowetsky. Separately is analysed the soft power as the effective form of the seduction discourse.

Key words: cratologic model, discourse of seduction, soft power.

- Kerimov A. A.* Modern parliamentarism: the experience of the typologization 145

Article is devoted to problems of the modern parliamentary system and its variants. Based on

analysis of the status and powers of parliaments in the countries of the world's leading author conducts his own classification of the parliamentary and highlights some of his types.

Key words: parliamentarism, a kind of parliamentary system: developed, limited, «imitation», «rationalized», «ministerialny», «separated».

Chirkin V. V. Military power as an instrument of foreign policy of the state 153

The article deals with the main theoretical approaches to defining the notion of «power». The author examines the nature and content of the military power. It speaks of the military force and forms of its application.

Key words: power, military power, military force, military bases.

Naronskaya A. G. The Russian ruling elite: formation and development 159

The subject studied in this article is the development of modern Russian ruling elite. In the author's opinion, the Russian elite in the last years turns to traditional Russian statehood. The analysis of that process, give an opportunity to understand the main features and trends of Russian politics.

Key words: the ruling elite, public administration, transit, transformation, evolution.

Muhametov R. S. Belarus as foreign policy goal of Russia 165

In this paper the main foreign political and economic goals in relations with Belarus are given. The text deals with Moscow want to ensure reliable transit of gas through Belarusian territory by taking control of the Belarusian transit network. The author gave clear-cut presentation of the basic principles the close military cooperation between the Russian Federation and Belarus. The paper dwells upon a serious diplomatic row erupted between the two countries.

Key words: Russia, Belarus, national interests, the Post-Soviet space.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Shitikov M. M. The encyclopedic dictionary from a province or the provincial encyclopedia? 172

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011. № 4 (97)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10.10.05.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 30.11.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,0. Усл.-печ. л. 14,95. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23105 от 10 октября 2005 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817-7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по *философии, социологии, политологии, культурологии и экономике* Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415. Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://proceedings.usu.ru>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru) или лично автором (на CD-диске) представляются авторский текст (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией редакция сообщает об этом автору и пересылает автору, не состоящему в штате УрГУ, электронной почтой реквизиты УрГУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д. Плата с аспирантов очной формы обучения не взимается.
6. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
  - а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;
  - б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

- в) заголовок статьи на русском языке;
- г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95);
- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
- е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;
- ж) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;
- з) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

- а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

- б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

- в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

- 3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

- 4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Редакция журнала «Известия УрГУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Тел. для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru